

Н.А. Магомедов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА И РОССИИ В XVIII-XIX вв.

(экономический, политический
и культурный аспекты)

ББК 63.3 (2Р-68) + 63,3(2)5
УДК 94 (470.67)

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Отв. Редактор: д.и.н., проф. Б.Г.Алиев

Рецензенты

д.и.н., проф. Д.С.Кидирнязов
к.и.н. А.Г.Мансурова
к.и.н. М.И.Абдуллаева

Н.А. Магомедов

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА И РОССИИ
В XVIII–XIX вв. (экономический, политический и культурный аспекты).**
Махачкала: Издательство Дагэnerго, 2008.- 2550

В монографии комплексно исследуется история развития взаимоотношений народов Южного Дагестана с Россией XVIII–XIX вв.

Подробно показаны экономические, политические и культурные связи двух народов.

Воссоздана широкая панорама совместной героической борьбы народов России и Дагестана. Показана роль и место региона во внешней политике соперничавших за сферу влияния на Кавказе, России, Турции и Ирана XVIII–XIX в. Рассматриваются вопросы народно-освободительного движения в Южном Дагестане 30–50 гг. XIX в. Освещены взаимоотношения народов региона в области материальной культуры, литературы и науки.

Книга рассчитана на специалистов и читателей, преподавателей и студентов вузов, средних специальных учебных заведений.

ООО „Издатсервис“
г.Махачкала, ул. Леваневского, 42
Печать трафаретная. Гарнитура „Таймс“
14,4 усл.печ.листов. Зак. 176–500

Магомедов Назим Абдурахманович – ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Дагестан.

Автор более 100 изданных научных работ, среди которых 7 монографий; один из составителей сборника документов «Русско-дагестанские отношения XVIII - нач. XIX в.» Москва, 1988; «Проблемы проникновения и развития капиталистических отношений в Дагестане» (в соавторстве). Махачкала, 1989; «Дербент и Дербентское владение в XVII - пер. пол. XIX в.» (политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998; «Дербент во взаимоотношениях России, Турции и Ирана XVIII - пер. пол. XIX в.» Махачкала, 2001; «Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII - пер. пол. XIX в. (экономический, политический и культурный аспекты). Махачкала, 2004; «Южный Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII - первый пол. XIX в. Махачкала, 2005.

«Первая задача истории — воздержаться от лжи, вторая — не утаивать правды, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в предвзятой враждебности»

(Марк Тулий Цицерон)

«Сегодня, как никогда нужна новая история — рассказ не о войнах и завоеваниях, а об обмене знаниями, идеями, ремеслами. В истории меньше крови, а больше дружбы, потому что, если было бы наоборот, история давно бы закончилась»

(акад. РАН Б.Б.Пиотровский)

ВВЕДЕНИЕ

Российско-дагестанские связи в современных политических условиях имеют особую актуальность, что связано в первую очередь с давними многосторонними контактами между этими народами и государствами. Российская держава с самого начала своего существования поддерживала тесные взаимоотношения со своими соседями, в том числе и с народами Южного Кавказа, в частности Южного Дагестана. Наиболее интенсивно эти связи развивались в XVII-XIX вв. Россия, приложившая немало усилий в соперничестве с Ираном и Турцией в преобладание на Кавказе, была заинтересована Дагестаном в военно-стратегическом (как плацдарм в дальнейшем продвижении на Восток), в торговом (как важнейшее звено торговых путей) и в экономическом (как поставщик сырья, продукции сельского хозяйства) отношениях. Южный Дагестан, со своей стороны был заинтересован в России, ограждавших его от иранских и турецких вторжений, сводившие к минимуму разорявшие страну феодальные междоусобицы, вкладывавший значительные капиталы в местную промышленность, способствовавший заметному оживлению торговли.

Проблема изучения российско-южнодагестанских взаимоотношений в ракурсе взаимовыгодного партнерства, актуальна уже сама по себе, обретает особую важность в обстановке весьма заметной тенденции, акцентировать внимание на взаимоотношение двух народов. В работе впервые в широком плане раскрываются роль Южного Дагестана в экономическом, политическом и культурном развитии России. Если в подавляющем большинстве работ наших предшественников основное внимание уделялось роли России в социально-экономическом и культурном развитии национальных окраин, и данная проблема освещалась односторонне, то в данной работе делается попытка показать наряду с этим роль и место экономики Южного Дагестана в экономической жизни Российского государства. Выявление, обобщение и научная интерпретация значительно по объему фактического материала позволили глубже осветить вопросы, не получившие в исторической литературе достаточного отражения, связанной с промышленностью и

сельским хозяйством Южного Дагестана. Значительное внимание уделено также недостаточно разработанным вопросам места и роли России в культурно-историческом развитии Южного Дагестана.

Актуальность изучения данной проблемы с позиций современных требований диктуется в немалой степени в том, что взаимоотношения России с народами Северного Кавказа в историческом плане нуждаются в новом осмыслении. В то же время следует помнить, что в последнее время в отечественном кавказоведении наметился очевидный крен в сторону преднамеренного искажения объективно прогрессивных факторов этих взаимоотношений, втягивание только теневых сторон. Особую научную и практическую значимость приобретает изучение и обобщение исторического опыта взаимоотношений народов региона с соседними государствами. Сегодня, налицо, когда политический и экономический кризис в нашей стране, отсутствие на деле продуманной национальной политики, напряженная политическая ситуация на Северном Кавказе и активизация западных государств к ослаблению позиций России на Кавказе, к прямому выдавливанию ее из региона, значимость изучения указанной проблемы и ряда конкретно недостаточно исследованных ее аспектов объясняется и тем огромным интересом, который проявляют в современных условиях народы Дагестана к своему прошлому.

Главным исследовательским замыслом работы является, основываясь на всестороннем анализе разнохарактерных исторических источников, учитывая накопленный опыт отечественной и зарубежной историографии, воссоздать наиболее полную и достоверную картину экономических, политических и культурных взаимоотношений народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв. во всей их сложности и многогранности.

В рамках поставленной цели автор попытался решить следующие задачи:

— показать развитие взаимообусловленных, взаимовыгодных, жизненно необходимых экономических связей народов Южного Дагестана и России;

— раскрыть характер, место и роль торговых взаимоотношений в их социально-экономическом развитии;

— показать Южный Дагестан и Россию во внешней

политике Турции и Ирана на рубеже XVIII-XIX вв.;

— раскрыть характер выступлений народных масс региона в 30-40-х гг. XIX в.;

— осветить взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в области материальной культуры, устного народного творчества, литературы и науки.

Монография охватывает период XVIII-XIX вв., который является судьбоносным как в развитии геополитической обстановки на Восточном Кавказе, связанной с активизацией кавказской политики шахского Ирана и османской Турции и ростом разносторонних отношений народов региона с Россией, так и в развитии взаимоотношений народов между собой. Это был качественно новый, цельный этап в политической, экономической и культурной истории Восточного Кавказа в целом, народов Южного Дагестана, в частности и России, надолго определивший их судьбу и закончившийся фактическим и юридическим присоединением их к России.

Следует отметить, что история взаимоотношений народов Дагестана и России традиционно привлекала пристальное внимание отечественных кавказоведов. Целенаправленное же изучение социально-экономического обмена и политического состояния региона началось, пожалуй, со времени подготовки Каспийского похода Петра I.

Посланцы русского правительства, обследовали Прикаспий, ученые, сопровождавшие Петра I в «Персидском» походе оставили описания, чертежи, дневники и записи своих наблюдений¹. В этих работах собран и систематизирован

¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан 1718г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. (далее – ИГЭД); Архивные материалы / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1938. С. 6-59; Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 52-120; Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли: а именно: в Испагань, в Пекин, в Дербент и в Константинополь. СПб., 1776. Т. I-II; Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1763; Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений. СПб., 1781-1788. Т. 1-7.

ценнейший фактический материал и по исследуемой нами проблеме, требующей при всем этом к себе критического подхода. Следует отметить, что эти работы, скорее, относятся к первоисточникам, нежели к собственно историческим исследованиям.

Огромную роль Южный Дагестан играл и как важный узел крупномасштабной транзитной торговли России со странами Закавказья и с Ираном. Первые историографические оценки относительно литературы, посвященные изучению международных отношений на Кавказе и юга России в дореволюционной литературе мы находим в работах М.Н.Покровского¹ и Н.Янчевского².

Однако в этих трудах основное внимание уделено исключительно военным действиям русской армии в Прикаспии, а русско-турецкое и русско-иранское соперничество из-за Южного Дагестана и происходившие в это время в Дагестане общественно-политические события их авторов не интересовали.

Особо следует выделить известную работу П.Г.Буткова³. В первой ее части излагаются события XVIII в. В книге приводятся все доступные автору материалы, касающиеся того или иного вопроса, что имеет немаловажное значение для объективного понимания происходящих событий. Поэтому сочинение П.Г.Буткова имеет, несомненно, источниковедческое значение. В то же время следует отметить, что, будучи слабо знаком с историей ближневосточных стран, в том числе Дагестана, Бутков допускал много ошибок и неточностей в изложении происходящих событий. Ценность работы П.Г.Буткова снижается еще и тем, что автор не сумел окончательно обработать и подготовить собранный им материал к изданию.

Тем не менее, изданное в 1869 г., после смерти автора трех-

¹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1924.

² Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала московского государства XVI-XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930.

³ Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб., 1869.

томное сочинение содержит большое число ценных материалов, требующих однако к себе критического подхода.

В 1823 г. издано сочинение участника похода русских войск в Закавказье 1796 г. С.Броневского⁴, написанное на основе большого фактического материала. В нем, как подчеркивает сам автор, широко использованы сочинения русских и западноевропейских путешественников. Первый том посвящен физико-географическому и этническому описанию Кавказа. Здесь для нас особый интерес представляет описание численности населения Дагестана отдельно по городам. Автор очерчивает границы, приводит описание занятий населения, сведения о ремесленных заведениях, о торговле и доходах ханств в конце XVIII в.

Значительные сведения о населении, хозяйстве, торговле населения Дагестана и России содержат труды акад. С.Г.Гмелина⁵, И.А.Гюльденштедта⁶, оставивших нам ряд ценных сведений, в том числе и об архитектурных памятниках, о денежном обращении и т.п.

С 1830 по 1834 гг. в Дербенте жил писатель декабрист А.А.Бестужев-Марлинский. Написанные им здесь очерки и рассказы содержат важные сведения по исследуемой теме, которые вводят читателя в культурный мир народов Южного Дагестана и их взаимосвязи с культурой России⁷.

Ценным пособием для исследования поставленной перед нами проблемы является работа известного русского востоковеда И.Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью»⁸. Здесь особый интерес представляют главы, посвященные описанию занятий народов Южного Дагестана.

История взаимоотношений народов Дагестана и России в

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 12-13.

⁵ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. III.

⁶ Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Гюльденштедта через Россию по кавказским горам в 1770-1773 годах. СПб., 1809.

⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинение в 2-х т. М., 1981; Его же. Повести и рассказы. М., 1976. С. 272.

⁸ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью с картами, планами и видами замечательных мест Кавказа. СПб., 1850.

изучаемый нами период нашло отражение в многочисленных работах акад. Н.Дубровина¹. В его работах в основном освещается политическая история народов региона. Довольно подробно в них показаны взаимоотношения народов Дагестана с другими народами Кавказа и их отношение к России.

Некоторые интересующие нас данные содержатся в работах В.Потто². Эти работы носят в значительной степени описательный характер: они посвящены описанию военных действий в Прикаспии и дипломатических отношений между Россией и странами региона. Что касается проблем социально-экономического развития населения, в упомянутых работах В.Потто эти вопросы оказались по существу обойденными. Однако в них содержится фактический материал, имеющий непосредственное отношение к освещаемой в монографии проблеме.

Существенный вклад в изучение культурных взаимоотношений народов Дагестана и России внесли труды А.В.Комарова³, служившего градоначальником Южного Дагестана.

Большие заслуги в изучении истории Южного Дагестана принадлежит Е.И.Козубскому. Его труды широко интерпретируют ряд важных проблем по экономике, культуре и политической истории народов изучаемого нами региона. Однако предпочтение он отдает описанию событий политической истории, в то время как вопросы социально-экономического развития оказались обойденными⁴.

Особого внимания заслуживает труд историка А.-

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1-6; Его же. Поход графа Зубова в Персию. 1796 г. // Военный сб. 871. № 2-4.

² Потто В. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; Его же. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885.

³ Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКО и РГО. Тифлис, 1873. Кн. 8; Его же. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1869. Т. 1.

⁴ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. Вып. 1; 1901. Вып. 2; Его же. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

К.Бакиханова «Гюлистан-и Ирам»¹, который имеет большое значение для изучения взаимоотношений народов Дагестана с Россией. Это крупнейшее произведение по истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до начала Кавказской войны, составленное на основе малодоступных рукописей, извлеченных из сочинений восточных авторов. Ценность этого произведения и в том, что А.К.Бакиханов непосредственно сам побывал в Южном Дагестане, собрал обширный фактический материал на местах.

Невозможно переоценить и труд «Асари Дагестан» дагестанского автора Г.Э.Алкадари², знатока арабского и турецкого языков, много сделавшего по сбору исторических сведений о горцах Дагестана, посвятившего себя созданию истории горного края с древнейших времен.

Так же как и А.К.Бакиханов, Г.Э.Алкадари в своем труде уделил большое внимание внутренним и внешним политическим событиям, династической истории ханов, беков, а также политике противоборствующих на Кавказе держав. Ценен этот труд и наличием в нем важных для нас сведений о культурных взаимосвязях народов Южного Дагестана с другими народами Кавказа и России.

Советская историография представлена фундаментальными исследованиями, где освещаются те или иные аспекты истории народов Южного Дагестана, в том числе и их взаимоотношения с народами России.

М.Н.Покровский впервые затронул проблему восточной политики России в Русской истории с древнейших времен, «считая, что противоречия между Россией с ближневосточными державами являлись порождением только экономической политики царской России на Кавказе, в частности ее борьбой за господство в области шелковой торговли.

Непосредственным отражением концепции М.Н.Покровского явились труды Е.С.Зевакина и М.А.Полиевктова, которые в определенной степени помогают восстановить картину экономического состояния феодальных владений Западного Прикаспия и политики и политики петровской России в этом регионе.

¹ Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

² Алкадари Г.Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.

Многие аспекты истории России и Дагестана отражены в работах академика В.В.Бартольда, в лекциях прочитанных им в Азербайджанском государственном университете (Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира).

Вопросы политического устройства Южного Дагестана и развития прикаспийской торговли достаточно полно раскрыты в работах И.П.Петрушевского¹.

Большой интерес представляет монография Н.А.Смирнова, в которой прослеживаются и освещаются вопросы становления и развития связей народов Кавказа с Россией, раскрывается кавказская политика царизма, освещаются стратегические планы Ирана и Турции в борьбе за овладение Кавказом, показывается вмешательство западных держав в эту борьбу.

Высоким требованиям отечественной науки отвечают исследования А.В.Фадеева, освещающие кавказскую политику Российской империи, раскрывающие характер, цели, содержание и методы ее реализации.

В монографии В.П.Лыцова, посвященной изучению экономических и военно-политических предпосылок похода Петра I в Прикаспий, делаются интересные наблюдения о развитии экономики края, затрагиваются вопросы торгово-экономических взаимоотношений народов Южного Дагестана с Россией².

История региона периода нашествий на Кавказ Надир-шаха нашла отражение в содержательных, основанных на богатом разностороннем фактическом материале работах М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян³.

Вопросы социально-экономической жизни, характерные особенности позднесредневекового города Закавказья, типы ремесленного производства, состояние городского купечества, а также история антифеодальных народных движений и освободительной борьбы народов России и Дагестана освещаются

¹ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений Азербайджана и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949; Его же. К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII-XVIII вв. // Исторический сборник, 1935 г. № 4.

² Лыцов В.П. Персидский поход Петра I 1722-1723 гг. М., 1951.

³ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Авшара. Очерки общественных отношений в Иране 30-40-х годов XVIII в. М., 1958. Их же. Антифеодальные движения в империи Надир-шаха Авшара в 40-х гг. XVIII в. // УЗ ИВАН СССР 1953. Т. VIII.

в ряде работ А.П.Новосельцева¹, в которых содержатся полезные для нашего исследования наблюдения и выводы.

Из работ советской историографии, особо следует отметить монографическое исследование О.П.Марковой «Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в.» (М., 1966). В ней на большом архивном и литературном материале дано освещение истории русско-кавказских отношений, раскрыто соперничество западноевропейских держав в кавказских делах, охарактеризованы договоры, подписанные между Россией, Ираном и Османской Портой в XVIII в. Особо ценной для нашего исследования является вторая глава работы, в которой рассматриваются торгово-экономические отношения в XVIII в. в Прикаспии.

Небезынтересна для нас и монография военного историка Х.М.Ибрагимбеи², в которой в той или иной мере освещаются и вопросы международного положения Южного Дагестана в изучаемый нами период.

Монография Л.С.Семенова³ ценна тем, что в ней освещена не одна дипломатическая история изучаемой проблемы, а охвачен весь комплекс дипломатических и экономических отношений между Ираном и великими державами на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Вызывает большой интерес совершенно новая трактовка автором выработки плана военной кампании русско-иранской войны 1827 г., когда столкнулись два проекта – генерала И.Ф.Паскевича и А.П.Ермолова.

Большой интерес представляет также работа Н.С.Киняпиной⁴, где прослежена дипломатическая история русско-иранской войны 1826-1828 гг. Автор убедительно раскрывает историю дипломатической борьбы между Ираном и Англией, с одной стороны, и царской России, с другой, в период между двумя войнами (1813-1826 гг.). Не менее удачно

¹ Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII-XVIII в. // История СССР. 1959. № 1. С. 87-108; Его же. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 110-112.

² Ибрагимбеи Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М., 1969.

³ Семенов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л., 1963.

⁴ Киняпина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1963.

Н.С.Киняпина рассматривает специальные военно-политические и стратегические вопросы на Кавказе.

Значительное место в изучении истории политического и социально-экономического развития Южного Дагестана и его роли в истории Дагестана принадлежит отечественным дагестановедам: Р.М.Магомедову, И.А.Тамаю, С.Ш.Гаджиевой, В.Г.Гаджиеву, М.М.Ихиллову, А.Р.Шихсаидову, Х.Х.Рамазанову, А.А.Кудрявцеву, С.С.Агашириновой, Р.С.Шихсаидовой, М.Р.Гасанову, Б.Г.Алиеву, М.-С.К.Умаханову и др.

Ценный фактический материал, интересные наблюдения и выводы по истории Дагестана XVIII в. в первой половине XIX в. содержит совместный труд Х.Х.Рамазанова и А.Р.Шихсаидова «Очерки истории Южного Дагестана», где сделана довольно успешная попытка раскрыть и показать место Южного Дагестана в планах великих держав, дать анализ событий объективной деятельности Фатали-хана и др.

Ряд важных вопросов истории политического и социально-экономического развития средневекового Южного Дагестана затронуты также в труде М.М.Ихилова «Народности лезгинской группы» (Махачкала, 1967).

Ценным вкладом в разработку изучаемой проблемы следует считать работу Ф.З.Феодаевой¹, где рассматриваются политические и экономические взаимоотношения Южного Дагестана с Россией, раскрывается его место в системе дагестанских феодальных владений в изучаемый нами период.

В 90-е годы отечественное кавказоведение обогатилось интересными исследованиями Н.А.Сотавова², в которых на основе широкого круга источников, раскрываются стратегические замыслы великих держав на Кавказе, в которых немаловажное место отводилось Дагестану, в частности Южному Дагестану.

К этому же времени относится издание работы Г.А.Джахиева³, в которой освещаются вопросы политики Турции, Ирана и России на Северном Кавказе, освободительной борьбы

¹ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во 2-ой пол. XVIII в.—нач. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971.

² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; Его же. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

³ Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе. Махачкала, 1991.

народов Дагестана. Причем автор уделяет большое место Южному Дагестану как важному стратегическому региону, игравшему большую роль в стратегических планах противоборствовавших держав.

Ряд вопросов истории взаимосвязей табасаранцев с Россией затронуты в работах М.Р.Гасанова¹.

Немаловажна для нас работа М.-С.К.Умаханова, посвященная исследованию экономической, политической и культурной интеграции народов Дагестана в XVII – нач. XIX в.²

В недавно опубликованной монографии Б.Г.Алиева и М.-С.К.Умаханова³, содержится важный материал о природно-географическом и историко-географическом положении, территории, границах, населении, его этническом составе, расселении, численности, основных населенных пунктов географии Южного Дагестана в целом и его политических структур.

Невозможно переоценить вклад дагестанских этнографов (С.Ш.Гаджиева., С.С.Агаширинова, Г.М.Мусаева и др.) в разработку проблем материальной культуры народов Южного Дагестана.

Советские историки направили свое внимание на изучение тех сторон исторического процесса, которые или замалчивались или решались методологически неудовлетворительно в дореволюционное время. Центральное место заняли проблемы социально-экономической истории общественно-экономических формаций, закономерностей общественного развития в различные исторические эпохи, судеб непосредственных производителей, классовой борьбы. Это закладывало основы для разработки концепции истории культуры.

Проблемы взаимосвязи культуры XVIII в. продолжают оставаться научно актуальными.

¹ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII в.—нач. XIX в. Махачкала, 1978; Его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

² Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – нач. XIX в. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Дис. ... д.и.н. Махачкала, 1994.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2001. Кн. 2.

Ни одна национальная культура не может быть понятна как нечто самодовлеющее, только на самой себя. Закономерности развития любой локальной культуры есть частный случай проявления общеисторических закономерностей. Любая конкретная культура существует и движется только как воплощение перекрещивающихся, взаимообогащающих, стимулирующих, противоборствующих, взаимоотрицающих межкультурных общений.

При этом необходимо подчеркнуть, что характер общения культур определяется, в первую очередь, типологическими особенностями взаимодействия культур. Хотя типология культур недостаточно разработана ясно, что главным определяющим при отнесении данной культуры к тому или иному типу должна быть принадлежность ее к той или иной общественно-экономической формации. Однако имеют значение и другие факторы – этнические традиции, действующие нередко на протяжении нескольких формаций, религия и т.д.

Поскольку имеющийся в нашем распоряжении фактический материал, а также данные опубликованных письменных источников и сведения исторической литературы не всегда позволяют осветить достаточно полно многие аспекты поставленной проблемы, нам пришлось восполнить этот пробел данными историко-этнографического характера, собранные нами в результате полевых экспедиционных исследований.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава I. Торгово-экономические отношения народов Южного Дагестана с Россией в XVIII-XIX вв.

§ 1.1 Хозяйственная деятельность народов Южного Дагестана в XVIII- XIX вв.

Для наиболее полного освещения вопросов связанных с историей становления и развития дружеских связей народов Дагестана с русским народом, прежде всего, необходимо изучение истории их экономических взаимоотношений. Многочисленные документы, хранящиеся в архивохранилищах страны, как сказано выше во введении, свидетельствуют о прочных связях Кавказа с Россией и ближневосточными странами. Известно, что цель торговой политики Петра I заключалась в том, чтобы направить восточную торговлю по Каспийско-Волжскому пути и сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и Европой.

Кроме того, для полного удовлетворения потребностей русской промышленности Петр I стремился использовать богатства Прикаспийских областей.

В свою очередь, содержание и характер экономического развития селений в Южном Дагестане определялись рядом важных факторов; общей направленностью экономического развития района и, прежде всего, его специализацией, складывающимися уровнем развития, состоянием хозяйственных связей города с другими регионами и их субъектами и внешним рынком.

Большую роль жители Южного Дагестана: лезгины, табасаранцы, агульцы, таты, рутульцы, цахурцы, азербайджанцы играли в развитии торговли не только во всем Дагестане, но и с Россией.

Развитие ремесленного производства, переработка сельскохозяйственного сырья, развитие торговли в XVIII-XIX вв. в Южном Дагестане, привели к формированию новых слоев населения и к дальнейшему его росту.

Легкая промышленность России все больше предъявляла спрос на южно-дагестанский шелк, стимулируя его развитие. Под

садами и шелковыми деревьями было занято 270 саженцев¹. Шелководство носило сугубо товарный характер и весь полученный шелк вывозился в Россию. В многообразной трудовой деятельности населения Южного Дагестана в рассматриваемое нами время, важное место занимало возделывание марены-технической культуры, из которой получали красители, применяемые в легкой промышленности и частично в народной медицине.

О масштабах расширения мареновых плантаций красноречиво свидетельствуют официальные документы. Обращает на себя внимание, прежде всего, стремительный рост вывоза марены в Россию, возросший за 13 лет с 1830 по 1843 гг. почти в три раза, а также удвоение ее стоимости и увеличение вырученной суммы денег на 834115 руб.². Из Южного Дагестана вывезли марены на 15 млн. руб.³.

Ведущими отраслями экономики Южного Дагестана в период ханств продолжала оставаться земледелие и скотоводство. Сельским хозяйством занимались подавляющее большинство населения.

При небольшом разнообразии почв, земледелие во всех частях Южного Дагестана было почти одинаковым по технике обработки. В XVIII в. продолжался процесс хозяйственной специализации отдельных владений Южного Дагестана, это в основном выращивание зерновых культур, среди которых преобладали пшеница, ячмень, просо, рис, полба.

Другим немаловажным занятием населения региона было садоводство, имевшее глубокие древние традиции. Почти во всех источниках XVIII в. с восторгом сообщается о садах и виноградниках приморской части. Так, И. Гербер особо подчеркивал изобилие овощей и фруктов в «уездах» южнее Дербента,

отмечал что в лесах здесь «родятся дикие яблоки, груши, орехи грецкие, сливы, а особливо во всех лесах растет виноград дикой»¹.

Прекрасные природные условия Самурской долины способствовали развитию земледелия, скотоводства и особенно садовых культур, о которых с восхищением отзывались путешественники и составители справочных изданий о Кавказе Дербентское ханство «включает в себя....., читаем у Биберштейна,- главную прекрасную плодородную равнину. Эта равнина простирается от горы Бешбармаг Шахдагском хребте до Каспийского моря, изобиловала богатыми посевами и многочисленными фруктовыми садами»². «Жители промышляют разными рукоделаниями и хлебопашеством, есть разведенные фруктовые сады, изобилуют все разных родов хлебом, кроме всего прочего жители занимаются и шелководством»³.

Говоря о Шахдагском хребте до Каспийского моря, мы имеем возможность сказать, что эта современная территория Южного Дагестана, Рутульского, Ахтынского, Докузпаринского, Касумкентского, Магарамкентского районов, Самурской долины, Хачмаз, Гусары до Каспийского моря. Во второй половине XVIII в. значение Южного Дагестана в основном как зернового района значительно возросло, увеличилось производство пшеницы и ее товарность. Хлебопашество и «скотоводство довольно хорошо....., изобильно садами»⁴. Они снабжали хлебом не только горные районы Дагестана, но и Баку. Жители нагорных деревень Южного Дагестана, по лесистому местоположению сеют ячмень и коноплю, развито было там так же скотоводство. Хлебные злаки сеяли не только в долинах, но и на крутых склонах гор, дающих богатую жатву⁵. Рубас, Аглаби, Самурская долина, Кулар и др. являлись основными районами шелководства и хлопководства. Посевами же ценных технических культур в основном занимались

¹ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861-1900 гг.). Махачкала, 1972. С. 95.

² Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 76.

³ Шаров Ю. Обзор производительных сил Кавказского наместничества. // Кавказский календарь на 1879 год. С. 492.

¹ Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря 1725 г. // ИГЭД. С. 88.

² Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура. 1798 г. // ИГЭД. С. 13-14.

³ Там же. С. 15.

⁴ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1847. Оп. 12-13.

⁵ Биберштейн М. Указ. соч. С. 37.

в хозяйствах зажиточных крестьян и в бекских владениях. Продукты этих культур являлись предметом экспорта в основном в Россию. Ассортимент культур в крестьянском хозяйстве был ограничен, сеяли ячмень, просо и т.д.

Другим более важным занятием народов, населявших Южный Дагестан в изучаемое время, было животноводство. И для этой отрасли здесь были благоприятные условия: «Луга всегда зеленые, понеже места низкие, и хотя трава в июне и в июле месяце от жаров высыхает, однако же осенью наилучшее опять растет, и цветы через всю зиму цветут, ибо морозов очень мало бывает, чего ради зимним временем из гор множество скотины и баранов пригоняют и все луга ими позаймут, и за оной корм положенные пошлины платят»¹.

В предгорье и в горной части оно параллельно с земледелием служило основным занятием жителей. Прекрасные природные условия позволяли жителям круглый год содержать скот на подножном корму. Разводили крупный и мелкий рогатый скот. «Родятся так же в оной стране преизрядные лошади и множество скота», - сообщал в свое время англичанин Джон Белл². Местные феодальные владельцы отдавали зимние пастбища горцам Южного Дагестана, за что и получали пошлины.

Животноводство удовлетворяло потребности не только в мясомолочных продуктах, но и служило источником сырья для домашних промыслов, продукция которых шла как на удовлетворение нужд ее изготовителей, так и на продажу.

Общины Ахтыпара, Докузпара и Алтыпара, расположенные в западных районах Южного Дагестана, занимались в основном скотоводством, частично земледелием и ремеслом. «Этот народ доселе называвшийся вольными обществами, отличается от всех вольных обществ Дагестана своим богатством, промышленностью и многочисленностью и по положению»³, по сравнению с другими областями. Вверх по Ахтычаю, в пяти верстах от Ахты, находились горячие минеральные источники. По словам современника, еще в IV в. жители «построили близ них бани и

¹ Гербер И.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 88.

² Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно в Испань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с франц. СПб., 1776. Ч. 1. С. 180.

³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18488. Лл. 3-4.

крепости». Уже в то время источники использовались в лечебных целях и феодальные владельцы получали с них барыши. «В горах сей округи, - читаем мы в источнике, составленном в 1716 г., - при деревне Курушчна находятся свинцовые руды, снабжавшие сим металлом не только весь Южный Дагестан, но и вывозили и центральные районы России»¹.

Но основная потребность в Южном Дагестане в железе, стали, меди удовлетворялась за счет иностранного привоза, в частности из России, но и к этому имелись некоторые препятствия. Иногда из-за феодальной несогласованности и таможенных препятствий железо ввозилось контрабандным путем.

В Южном Дагестане одним из важнейших видов ремесла было ковроткачество, художественные традиции которого также уходят в глубь веков.

Широкое распространение этого вида ремесла объясняется существованием хорошей сырьевой базы, наличием большого количества пастбищ, особенно зимних, способствовавших развитию овцеводства и получению высококачественной шерсти.

Важное место среди традиционных шерстоткацких отраслей ремесла занимало ковроделие, чем и занимались женщины всех сел Южного Дагестана. Существенное развитие в Южном Дагестане особенно в сел. Кабир, Икра (Къири), Ихрек, Курах, Штул, а также в некоторых селах Южного Табасарана XVIII-XIX вв. получило ремесленное производство. Здесь было сконцентрировано большое количество людей, занимавшихся различными видами ремесла, особенно по производству ковров, сукна, посуды из глины и меди, различного оружия и т.д. Все эти изделия отличались красотой и добротностью. В докладной записке императрице Анне в 1733 г. указывалось, что в Дагестане изготавливают из шерсти «сукно такое же, как английская двойная фланель и мягкое как бархат»².

Архивные документы, выявленные в свое время в архиве АН СССР, так же свидетельствуют о том, что «горские народы, по ту сторону Дербента живущие как-то: табасаранцы, ахтынцы,

¹ Там же.

² Полиевктов М.А. Материалы по истории Грузии и Кавказа. М., 1937. Вып. VI. С. 289.

рутульцы и другие произведения свои отправляют отчасти в Россию, где взамен получают российские товары»¹.

§ 1.2 Торгово-экономический аспект взаимоотношений народов Южного Дагестана с Россией в XVII-XIX вв.

В первой половине XVIII в. Южный Дагестан оставался довольно крупным экономическим субъектом Дагестана, где имелись обширные торговые связи с Россией.

В интересах развития торговых отношений с Прикаспийскими государствами, в том числе с Южным Дагестаном, русское правительство стало заботиться об организации более регулярного сообщения между Астраханью и портами Каспийского моря, объявив Каспийское мореходство делом государственным. Петр I, уделяя огромное внимание расширению судоходства на Каспии, лично руководил строительством судов. Так, с 1701 по 1725 г. для судоходства на Каспии было выстроено в Казани- 110, а в Астрахани- 7 судов².

Морская торговля народов Южного Дагестана с Россией осуществлялась в основном на судах дербентских купцов. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что южнодагестанские и дербентские купцы ввозили свои товары в Астрахань и обратно на «местных струшках». Кроме того, русские купцы предоставляли свои суда, местным торговым людям для провоза товаров к ним и обратно в Астрахань. Через Дербент осуществляли торговые операции с Россией не только собственно лезгины, азербайджанцы, армяне, но и другие народы Дагестана. Так, например, среди купцов, вывозивших товары из Астрахани, встречаются кубачинцы, кайтагцы, аварцы и др.³.

Торговые операции с Персией и ее кавказскими провинциями, Россия вела, главным образом, через территорию Южного Дагестана, откуда возвращались этим же путем в Астрахань с восточными купцами и их товарами. Поэтому часть

¹ Цит. по кн.: Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 140- 141.

² Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVII пер. пол. XIX в. Махачкала, 2001. С. 35.

³ Киласов Р.К. Из истории торговли Дагестана (конец XVII пер. пол. XVIII в.)// Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1975. С. 152.

товаров обменивалась на пропускных пунктах с местными жителями. Однако, следует учитывать, что «обращаясь к официальной статистике, мы всегда должны иметь ввиду, что она отображает действительность далеко не полностью». На самом деле торговля была намного обширнее официальной сводки. Смело можно утверждать, что контрабандная торговля достигала огромных размеров. Справедливость этих слов подтверждает целый ряд документов, в которых царские чиновники требуют усилить контроль за ассортиментом, ввозом и вывозом их товаров. Тем не менее не редки случаи, когда иноземным купцам удавалось вывозить и ввозить целый ряд «запретных» и контрабандных товаров и, таким образом, «забирать многие серебряные деньги» и вывозить «из Московского государства в свои земли и оттого многия их люди обогатились»¹.

Из Ахтыпары, Мюшкюрского уезда и нижнего Табасарана купцы контрабандой вывозили из России порох, селитру, табак и другие «запретные» товары. Поэтому таможенные книги не отражают всей полноты торговых операций между Астраханью и другими купцами.

Тем не менее, царское правительство заинтересованно следило за всеми торговыми операциями между Дагестаном и Россией. В частности, в указе Сената от 16 марта 1730 г. о свободной торговле по Каспийскому морю говорится: «Суда взятые с товаром возвратить им (купцам Н.М.) на Каспийском море судами таким, которые не имели от российских командиров пашпартов, так же справки Адмиралтейской коллегии объявлено их причитать не надлежить. Однако ж о такой свободе пристойным образом объявить, чтобы они принимали себя за показанную от е. и в милость. Також де впредь, как подданным российским в персидских провинций обывателем, так и коим дать позволения для торга Каспийским морем приезжать и отъезжать свободно, не требуя пашпортов, дабы торги и пошлинной сбор пополнялись»².

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 74.

² Киласов Р.К. Указ. соч. С. 152.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII-нач. XIX в. / Сб. документов под ред. Гаджиева В.Г. М., 1988. С. 51. (далее -РДО).

Несмотря на некоторые объективные неудобства, с которыми встречались торговцы, торговые пути по морю, связывающие горцев с Россией, закавказскими странами и Персией функционировали интенсивно.

В свою очередь, русские фабриканты, заинтересованные в дешевом сырье, обращались комендантам Кизляра, Дербента о разрешении поставок марены. Так, в прошении московских фабрикантов В. Суровщикова Г. Михайлова от 24 октября 1761 г., коменданту ген. майору. А.А. Ступишину о поставках марены исключительно для Московской суконной фабрики из Самурской провинции, Рубаса, Белиджи, Дербента говорится: «По указу е. и в. Государственной Мануфактур- коллегии повелено ныне самородящийся корень марену для крашения на имеющейся ево Суровщикова, суконной фабрике сукон и каразей в Астрахани и в других здешних местах покупать и рытьем собирать, сколько ему Суровщикову, потребно. В Москву ему Суровщикову, оного корня марены вывезть в год сухова по требованию ево, для объявленных о том двух тыс. пуд, для запаса вдвое и более»¹.

В этом документе говорится также о важности и ценности южно- дагестанской марены и, что краповая фабрика первоизведенной в Российском государстве, нужная и напрасно не несла убытки.

Связующим звеном России с восточными, в том числе дагестанскими рынками, являлась Астрахань, стоящая при выходе Волжского торгового пути в Каспийское море. Астрахань, после присоединения к России, стала главными воротами России в страны Прикаспия и Востока.

Данные о торговле купцов астраханских колоний и их торговых оборотах, показывают, что они проявляли в этой области большую активность. Они были одновременно поставщиками восточных товаров и крупными потребителями русского ремесла, стимулируя тем самым его развитие и укрепление связей с рынком. В то же время, они являлись посредниками в торговле народов Прикаспия, Южного Дагестана с Россией.

Большую роль в торгово-экономических отношениях и в дальнейшем развитии торговли играли представители первоначального накопления капитала - купцы. В письменных

источниках мы мало находим сведений о купцах, об организации торговли, о корпорациях купцов, о средствах доставки товаров. Можно только предположить, учитывая регулярность и уровень торговых сделок, что слой купцов был многочисленным. Они входили в различного рода объединения, имевшие целью обеспечить безопасную и выгодную торговлю.

Одной из форм регулирования торговых отношений была переписка между правителями Южного Дагестана и России через военных комендантов с целью обеспечить своим торговым людям все права на время пребывания или выезда с российскими товарами в Астрахань или Кизляр. Это были просто письма, как со стороны России, так и адресованные местным правителям и комендантам оказать содействие или пропустить тот или иной товар, а зачастую с просьбой сопровождать его, выделив надежную охрану и снабдив проводниками. Так, в письме от 19 мая 1765 Фетали- хан писал кизлярскому коменданту Н.А. Потапову с просьбой оказать помощь выехавшему в Кизляр алтыпарынскому купцу Абдуразаку. «Чрез сие дружеское письмо уведомляю вас, ко мне обратились родственники [брат] Абдуразака; что его брат для собственного своего купечества отправился к вашей стороне. Для того, по дружескому приятельству прошу вас, чтобы никто ему обид не чинил. Напротив того по уведомлению нашему в потребных случаях служить не отрекуся. А, в прочем пребывание к вам с моим доброжелательством»¹.

В источниках и литературе часто отмечается, что тот или иной купец едущий из Южного Дагестана за российским товаром, часто за сохранность товаров и безопасность, пользовались письмами известных феодальных владетелей, военных государственных деятелей, имеющих политическую карьеру и дружбу с Россией. Таким в Южном Дагестане считался Фатали-хан, к которому часто обращались за помощью торговые люди, купцы не только Южного Дагестана, но и Азербайджана, Грузии и т.д. Такие сопроводительные письма сохранились в ЦГАРД, а также в фондах Дербентского и Кизлярского комендантов.

¹ ЦГАРД. Ф. 378. Оп. 1. Д. 508. Л. 60.

¹ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 595 Л. 89.

В письме астраханскому губернатору ген. майору. Н.А. Бекетову от 24 августа 1767 г. Фетали-хан обращается с просьбой разрешить его человеку жителю Кураха Ага-Мирзе, помочь закупить для него (Фетали-хану - Н.М.) красок российских и лошадей¹.

Одной из форм регулирования торговых взаимоотношений с Россией - это оказывать всяческие благоприятные условия во время пребывания российских торговых людей на территории Южного Дагестана. Так, в письме российскому консулу М.Е. Сулякову 1769 г. от имени феодальных владетелей Южного Дагестана Яхча-бека и Кубат-бека говорится: «что они доброжелательно относятся к Всероссийской империи и намерены построить для российских и прочих купцов гостиный двор, для развития торговли»².

В письме кюринского Эльдар-бека, к коменданту Ф.И. Паркеру, говорится: «что, он отправляется к нему (т.е. коменданту), торгового человека Аджи Галана, вместе с товаром для продажи в Российских городах. Это ковры лезгинские, шелк, шерсть, сухофрукты, сало говяжье, всего на 400 руб. Обрато он должен купить верблюдов, лошадей и буйволов, того ради по соседственной дружбе в той покупке ему дать позволения и благополучно ко мне отправить, напротив чего и я, с моей стороны по уведомлению вашим служить не отрекусь»³.

Получая от Российского правительства жалованья и, признавая себя подданными русского царя, феодалы давали проводников для сопровождения торговых караванов, государственных послов, курьеров, военных⁴.

В ЦГА РД фонде Кизлярский комендант и др. фондах встречаются документы, где непосредственно предписанием и посредником выступают не только коменданты, но и губернатор. Так, в письме от 26 октября 1750 г. кавказского губернатора к кизлярскому коменданту Грызлову о пропуске через кизлярские заставы российского железа для леюшкюрского жителя Абасс-

¹ ЦГАРД. Ф. 378. Оп. 1. Л. 60.

² АВР. Ф. 77. Оп. 6. Д. Л. 73.

³ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 854. Л. 62.

⁴ Лебедев В.И. Посольство А. Волынского в Персию // Известия АН СССР. Сер. история и философия. Т.5. № 6. 1948. С. 537.

бека. «просить, чтоб позволить беспрепятственно отправлять к нему, Абассбеку для его нужд 500 пуд железа, вследствие чего предлагаю с высокоблагородие, вышеозначенное число железа, чрез заставы кизлярские пропустить»¹.

В том же году в предписании кавказского губернатора к комендантам с просьбой о разрешении на покупку муки и другого продовольствия кюринским жителем Мирзабалай. «Для покупки муки и прочей пищи кюринский человек Мирзабала дозволить ему купить муку и др. припасы и по возможности помочь»².

Как было сказано выше, для сопровождения своих товаров иногда купцы сами нанимали проводников за определенную плату. Так, например житель Н. Новгорода П. Григорьев взял себе в проводники из Самура в Кизляр ахтынского жителя Карабека. За сопровождение товаров через дагестанские владения Карабек взял с купца 5 руб³. Выделяя проводников для сопровождения торговых караванов русских купцов и получая за это определенную плату, дагестанские правители несли полную ответственность за сохранность товаров и безопасность купцов, «..... когда купцы Российские через феодальные владения кюринского, мюшкюрского, самурского владения куда далее, ехать пожелают и станут требовать для безопасности, за выплату, провожатых, и тогда если от него, феодального владетеля, обнадежены будут и проводники дадутся, а дорогою купцам последует грабительство, он владетель повинен все разграбленное возратить и тем удовольствие оказать, а если без данных его проводников купцов ограбят в том он ни мало не виноват, и нужны ему в грабеже нет»⁴.

На сохранность товаров и безопасность могли рассчитывать только русские купцы. Другие купцы вели торговые операции на свой страх и риск. «Что же касается до разграбления армянина Мелкома и товарища ево Тезика, оное последовало по причине, они в приезд свой сказались не российскими подданными, но армянин дербентского хана человеком, а тезик хайдацкого владельца подвластным, а мы с оным ханом и владельцем по

¹ ЦГАРД. Кизлярский комендант. д. 2578. Л. 94.

² Там же.

³ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 854. Л. 64.

⁴ Там же.

некоторой причине междоусобие имеем, если же бы они российскими оказались, то б такого грабления им учинено не было»¹. Несмотря на эти серьезные трудности, торговля развивалась интенсивно, в силу ее взаимовыгодности.

По своему имущественному положению сословие купцов было не однородным. Некоторые, как видно из документов, вывозили из России в Астрахань, оттуда в Дербент и далее по всему Южному Дагестану довольно значительные партии товаров. «Торговый человек Мулачка Бадлиев» вывез из Москвы в Астрахань оттуда в Южный Дагестан, в частности Самурскую провинцию «с юртовским татаринном со Приказою..... 10 половинок сукон кармазину, 10 половинок сукон кипных, 8 бочек белого железа, 4 юфти красного товару, 2 сорока путиков собольных, 6 мехов корсачьих черевых, мех хрептовой белей, 42 тыс. игол, зуб рыбей весом 3 гривенки, 12 аршин стамеду. А тот товар в 7 таях, а иглы в коробке за таможенною печатью»².

А через 2 месяца Мул-ага посылает свой товар «самурским жителем Миртеибом на струшку..... А товару ево 200 половинок сукон кармазину, 205 юфтей красного товару. А тот его товар в 30 и в 12 таях да 14 коробок с иглами и с наперстками и 6 зеркалами и со всякою мелкою рухлядью, да полторы половинки сукна черного, да 20 кож красных..... Да за тем ево товаром 5 человек индейцев да 6-ой кашевар»³. Через 3 дня он сам отправляется в Самур и везет «25 зеркал, 3 шапки собольи, 6 овчинок курпетчатых, 30 аршин сукна багрецового разных цветов, 20 котлов зеленой меди, 5 гребней рыбьих зубов, 12 склянин, 15 гапунок ценинных, лохань медная, 5 фунтов ентарю, 5 пуда сахару головного, бочка белого железа»⁴.

Это, конечно, купец, который вез широкие торговые операции. У него «работали люди», «слуги». Основную часть товаров он отправлял в Москву, где в старом гостинном дворе продавал его брат Ардас⁵. Для полноты картины приведем еще

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII нач. XIX вв. / Сб. документов под редакцией В.Г. Гаджиева. М., 1988. С. 408-409. (РДО).

² Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1958. С. 259.

³ Русско-индийские отношения..... С. 259.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 263.

несколько документов характеризующих ассортимент товаров, на которые видимо был большой спрос в Южном Дагестане. Так, из показания жителя уцмийства Магомед Али Султанова, задержанного на заставе в Оружба (Самурской провинции Н.М.) 1742 г. февраль 12 с «заповедным товаром».

Вопрос	Ответ
<p>Как тебя зовут, чей сын.</p> <p>instituteofhistory.ru</p>	<p>Зовут меня Магометом Али Султанов, сын усмекского владения, деревни Каракуранса, товарищей со мною было 6 человек, а именно: Нухарий, Амер, Султан Мугамет, Челводар, Магомет, Малка торговые люди Исмаил, Асаф. Десятый день как я пошел из Астрахани, через Дербент, оттуда собирался в горы, Курах, Алты пара и др. места. В Дербенте на весь товар дана квитанция, тамошний дарга.</p>
<p>Тамошне какой товар явил и не объявил на какова заповедные товары.</p>	<p>В тамошне явил я, товар седлый; сукна, татарские епанчи; масла коровья да краску, а заповедных товаров никому не явил.</p>

На вопрос где он взял селитру и куда вез и как через заставу таможенную провез? Он ответил что, «оную селитру купил по пути в деревни Мугелях в усмейском владении: у двух баб Патимат и Хадижат, всего селитры шесть батманов, за каждое дал по 4 гривни, а селитру вез для продажи лезгинам или на обмен на хлеба в Мушкурской и в Шабранские магалы, где обретаются русские люди. А порох хотели поменять в Мушкурии или в Самуре на хлеб и продавать»¹.

Таким образом, можно сказать, что торговля России с Южным Дагестаном носила многосторонний характер, в ней

¹ ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 4192. Лл. 6-7.

участвовали иногда торговые люди со всего Дагестана, иногда в качестве посредников. Местные купцы и сами занимались торговлей внутри Дагестана, ездили с русскими и своими товарами непосредственно в селения лезгинские, где к этому времени сложились торговые «ряды». Торговля непосредственно в селениях Штул, Микрах, Ахты, Рубас и др. вероятно была выгодна. В документах часто встречаются упоминание о том, что товары российские возили купцы различных народностей. В данном случае купцы могли избегать таможенных рахтарных сборов. Поэтому- то русские документы с тревогой отмечали, что «возят товары во оные деревни с товарами же не российских городов и ис прочих мест разными иноверцами»¹.

Иногда документы прямо отмечают, когда тот или иной купец «едуший из России или Грузии, Астрахани оставался с товаром в Ахтах, Рутуле, Штуле» и др., которые XVIII в. также являлись торговыми центрами, где эти купцы встречались с торговцами из других мест и Северного Кавказа. В свою очередь, торговые люди этих мест и других дагестанских селений сами ввозили русские товары в Баку, Шемаху, где совершали торговые операции.

Предметом их торговли являлась в основном перепродажа российских товаров. Это холст, металлические изделия, соболинные шкурки, бумага, иглы и т.д. Так, в рапорте дежурного по комендатуре в Дербенте на имя кизлярского коменданта князя В.Е. Оболенскому от 5 января 1751 г. о задержании в карантине торговых людей прибывших из Ахтов говорится:

«Сего января 2 дня по рапорту от меня, пропущен прибывший из Ахтов русский Борис Семенов и товарищ ево Николай Дмитриев остался в Куларе, для сохранения их товаров и сего же января 10 дня по ордену от вашего сиятельства, велено одного Дмитриева и при нем товар прямо ехали на заставу, связи с карантином Дмитриев без товару просил пропустить ево в Кизляр, которой и пропущен на оной верховой лошади; при нем ружье одно, пистолет один серебрено оправой, лядунк патронная одна и

объявил он Дмитриев, как де в горских жилищах опасной болезни не иметца»¹.

Видимо торговые люди из России ввозили товары сообща, договорившись о совместной торговле с местными купцами, особенно когда выезжали в горные села Южного Дагестана, это нужно было также прежде всего для безопасности в пути от нападения и грабежа, что часто случались в XVIII-XIX вв.

Выше мы отмечали, что купцы старались совместно совершить опасное плавание по Каспийскому морю. Вот еще один пример. В один и тот же 20 июня 1767 года, четыре купца российские вышли из Астрахани. Один из этих четверых Л. Моногоров на «дербентском струшку» вез в Юждаг через Дербент следующие товары: 10 половинок красного сукна полукармазину, 28 стамеду гарусу, 15 пудов зеленой меди, 18 половинок английского сукна, полшести юфти красного товару, 43 тонны бумаги пищей, 40 литр мишуры, 20 зеркал малой руки, 50 соболей, 31 книга неписаных, 25 шапок белых, 5 пуд перцу русского, 100 тонн. белок. А тот ево товар в восьми таях да в двух узлах да в двух коробках за таможенною печатью. С ним же работных людей 3 человека»². Уже через 3 месяца тот же Моногоров снова отправляется в Ахты через Дербент с товаром: «150 юфтей кож красных, 20 половинок сукон красных кармазинов, 9 пуд меди зеленой котельной, 42 пуд чилизу, пуд перцу немецкого, 30 литров мишуры, а тот товар в 22 таях за таможенною печатью»³.

А теперь посмотрим какие же товары вывозили из Центральной России в Астрахань, а оттуда через Дербент почти во все села Южного Дагестана. Сразу же необходимо отметить, что большинство южно дагестанских купцов возили товары на «своих струшках».

Некоторые лезгинские купцы, в частности Фарид Эселбеков имел несколько «струшек и более двадцати работных людей»⁴. Они представляли иногда суда кроме русским купцам, армянским, грузинским тарковским и другим торговым людям. По неполным данным за 1767 г., 24 лезгинских купцов на своих струшках

¹ Гамрекли В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 84.

¹ ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3844^а. Л. 32.

² ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3952. Л. 110 соб.

³ Там же.

⁴ РДО. С. 222-223.

повезли в Астрахань различные товары из Южного Дагестана. Обрато они вывезли из Астрахани традиционные русские промышленные и «сестные» товары¹.

Необходимо отметить, что некоторые купцы, такие как Аслан Гаджиев, Ибрагим Магометов за 1767 г. дважды отправлялись в Астрахань и обратно в Курах со своими товарами. Правда, Ибрагим Магометов в одном случае назван не курахцем, а дербентцем. Это не меняет положения, потому что он обслуживал и дербентский, и курахский рынок. Это бесспорно, профессиональные купцы, которые вели оживленную торговлю с Россией через Астрахань.

Документов, свидетельствующих о торговой деятельности южно дагестанских купцов в XVIII в. мало. Поэтому считаем необходимым привести имеющиеся факты для правильного понимания общей картины торговли народов Дагестана с Россией, для выяснения ассортимента товаров как русских, так и традиционно южнодагестанских.

В мае 1768 г. Раджаб Газиев и Юсуп привезли в Микрах из Астрахани «две топ совров, полпуда меди зеленой, юфть красного товару»². А, Самурский житель Курбан Серкеро на своем «струшку» вывез из Астрахани российского товару «шесть ларчиков, десять коробок красных малой руки, пять сит, десять решет, сорок чашек маленьких, пять пудов смолы, да работных людей с ним восемь человек»³. Аналогичный товар вывезли из Астрахани жители Джовут-кента А. Аликули и Х. Ажев. Последний дополнительно привез в Оружба пять мерлушек. «Десять ларчиков кованных, восемь коробок красных, пятьдесят скляних малой руки, десять аршин стамеду: двенадцать мерлушек, два ведра водяные, три чашки, два котлика маленьких, медных, три пуда смолы», вывез из Москвы до Астрахани оттуда до Дербента и Емельян Хотеев. Все они вышли из Астрахани в один и тот же день, что свидетельствует о том, что дербентские купцы также старались объединить свои усилия во время небезопасного путешествия по Каспию.

¹ Там же.

² Киласов Р.К. Указ. соч. С. 44.

³ Там же.

Правда многие купцы держали в своих судах работных людей, которые имели для «обереже пишалъ, фунт пороху, свинцу тоже»¹.

Даркушский житель Эсед Меликов (в другом случае он выступает в качестве жителя Шихи-кент) отправил из Новгорода в Астрахань товару с ахтынцем А. Шабановым «семь пуд меди красной в котлах, два пуда меди зеленой котловой осемнадцать зеркал малой руки, три кожи красных телятиновых, восемь аршин сукна кармазину, сорок пять овчинок, восемь тысяч игол, сто булавок, шесть гривеки краски, пять зеркал, восемь блюд деревянных»². Как видно у этого купца был относительно широкий ассортимент товаров. Вполне вероятно, что эти товары, особенно медь, ввозилась для ремесленников.

Между прочим у этого купца был вооруженный пищалью работник, что лишний раз говорит в пользу того, что товар был предназначен для селения Даркуш и Шихи-кент или Ахты.

Через день Эсед Маликов сам отправился из Астрахани, опять же у него было «четыре пуда меди зеленой, три топи бумаги, пишей, косяк стамеду красного, пол пуда пуху гусиного, две тысяч игол, три овчинки, два зеркала»³.

Большой интерес для выяснения характера торговли между Южным Дагестаном и Россией представляет ассортимент товаров шутолского купца А. Эсабекова, который сухим путем на подводках привез из Астрахани в Курах «сто три юфти кож красного товару, шесть половинки сукна клипного, восемь аршин сукна полукармазину черного, четыре пуда пуха гусиного, двадцать пуд проволоки, четыре пуда котловой зеленой меди, четыре тысячи булавок, четыре тысяч игол, десят зеркал, четыре топы стамеду, половинка сукна английского, восемь аршин простого сукна, сто овчинок курпечатых, мех куней большой, шест тарелок оловянных»⁴.

Анализ и других документов показывает, что купцы из Южного Дагестана ввозили к себе в села традиционные товары русского и иностранного экспорта. Любопытно отметить, что во

¹ Чулков М. Историческое описание русской коммерции. Т. 2. Кн. 2. М., 1785. С. 69-70.

² Киласов Р.К. Указ. соч. С. 82; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 193952. Л. 112.

³ Там же.

⁴ ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 44.

всех или почти во всех партиях товаров лезгинских купцов фигурирует бумага писчая. Большим спросом видимо пользовались жемчуг, медь зеленая, котловая, английские, немецкие сукна, белила и сандал, мука пшеничная, масло коровье.

В некоторых случаях купцы из Южного Дагестана обращались за помощью к дербентским купцам. Последние со своими товарами ввозили и товар лезгинских купцов, что говорит о широких и доверительных отношениях среди купцов разных народностей. Так, например самурский житель Н. Казиев отправил свой товар, с дербентцем Ханали «три бочки железа белова, полструны бобровой, двадцать восемь тысяч иголок, пятьдесят дюжин наперстков, восемнадцать тысяч булавок»¹. Таких примеров можно привести много.

В некоторых случаях южно-дагестанские купцы возили товары из Астрахани и в другие пункты Дагестана. Так, например Ихрехский купец Аркулиев вывез из Астрахани в Тарки «сорок юфтей красных кож, семь аршин сукна кармазинного, полтретья пуда пуху гусиннова»².

Вообще анализ имеющихся документов показывает, что основная масса купцов, ведущих оживленную морскую торговлю с Астраханью, составляли дербентцы, затем шли южно-дагестанские, русские, армяне и др. У большинства этих купцов, как мы отметили выше, были свои суда (полубусы, струги), которые обслуживались командами «работных людей», в составе 7, 9, 10 и 12 человек³. В некоторых случаях на судах были еще кашевары и кормчие. Эти купцы безусловно привилегированная часть южно-дагестанского купечества, его богатая прослойка, которая могла предоставлять свои суда менее богатой части местного купечества, разумеется за определенную плату. Характерно, что у относительно бедной части купцов и товару меньше и он менее качественный, нет у них и работных людей, в лучшем случае был у них один кашевар. Они пускались в рискованное путешествие.

Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что на Каспийском море осуществлялось широкое судоходство и купцы-

одиночки могли всегда рассчитывать на «оказию», на возможность перебросить свои товары на чужих судах в Астрахань, сбыть их, купить новые товары и вернуться в свои села.

Здесь же можно привести несколько примеров свидетельствующих о торговых возможностях южно-дагестанских купцов, выходцев из различных социальных прослоек.

Торговый человек из Куркента Т. Касумов «на кладь где попадетца» привез из Астрахани «восемь половинок сукна кипного, два косяка стамеду, десять гривенков зеленой меди мишуры белой»¹. А другой купец Б. Валиев на своем «струшке» привез «восемь котлов медных зеленых весом полтора пуда, двадцать мерлушек, двадцать коробок красных, два ларчика кованых, да две тысячи иголок, тысячи булавок, стопа бумаги писчей, пятьдесят три ведра, двадцать чаш красных, двадцать аршин немецкого сукна, четверы ножницы маленьких, двадцать наперстков»².

Такие купцы как Исабеков, Р. Абдулаев, А. Шабанов, А. Магомедалиев и др. из Южного Дагестана имели по одному и даже по два «струшка» и могли диктовать свою волю на торговых мнениях того времени.

В документах отмечается, что в 60-70-х годах XVIII в. лезгинские купцы «с привозного своего заморского товара пошлину по Указу с рубля по десять денег» платили³. Южно-дагестанские купцы вывозили и дорогие ювелирные изделия. Еще Я. Стрейс писал о том, что южнее Дербента ближе к горам жили богатые купцы, которые торговали «драгоценными камнями и другими товарами»⁴. Об этом же сообщают и русские источники. Так, например, в документах о досмотре товаров сказано, «а дербентцев и лезгинских купцов расспросить есть ли у них узорчатые товары, камни, алмазы и яхоты и изумруды и лалы и тумпазы, и гепи, и окладки и персты золотые»⁵. Видимо эти украшения были обычной статьей экспорта. Женские золотые и серебряные украшения в виде нашивок на одежде, браслеты,

¹ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 727. Л. 91-92 с об.

² Там же.

³ Русско-дагестанские отношения... С. 227-228.

⁴ Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 237.

⁵ Козубский Е.И. История Дербента. Темир-хан-Шура. 1906. С. 68-69.

¹ ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 45 с об.

² Там же.

³ Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения. Баку. 1985. С. 52.

поясы с пряжками и застежками из золота и серебра были широко распространены у жителей Южного Дагестана.

Академик С.Г. Гмелин сообщал об обширной торговле народов Южного Дагестана и об участии в ней большого количества купцов и, что «они снабжают Дербент разными бумажными и шелковыми материями..., кои променивают лезгинским и горским татарам на один род тонкого сукна, которое ими же самими в горах приуготовляется»¹.

Там же сказано, что железо, сталь, свинец «лезгины и другие охотно покупают и хорошо за оные платят»².

Свидетельство С.Г. Гмелина отражает исторически сложившиеся традиционные связи южно-дагестанцев с другими народами Дагестана. В другом источнике сказано, что Россия вывозила из персидских провинций, в том числе и из Самурской провинции «шелк- сырец, также и вареной.....хлопчатая бумага, парчи шелковые и бумажные и овчинки, кофе, пшено и фрукты. А из России потребные товары ; сукна галанские, стамеды, штофы, кружевы серебряные, кружевые полотна, краменица, иглы, бумага пишая, кожи телятенные, красные и черные так же и сырые кожи, меха бельи и горностаевые, соболи, корольки красные, янтарь хрустальный, заповедные товары- сталь, железо, тазовая и прочая медь, олово, свинец. И хотя оные и заказано провозить, однако же вещей провозят не мало»³. Необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство, которое способствовало дальнейшему развитию торговых отношений Южного Дагестана с Астраханью и с Россией: еще в 1723 году дербентские и лезгинские торговцы были уравнены в правах с русскими купцами потому, что Дербент и Дербентское владение считались с этого времени русским городом и его жители - подданными России.

В сенатском указе от 17 декабря 1723 года « О взимании таможенной пошлины с купцов- жителей Южного Дагестана с привозных их товаров и торгов в Астрахани пошлину брать

¹ Гмелин С.Г. Путешествия по России для исследования всех 3- х царств в природе. Ч. 3. СПб., 1785. С.21.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 21.

³ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 342.

против русских, понеже оные купцы стали быть его величества подданными»¹.

О характере торговли народов Южного Дагестана с Россией через Астрахань, и крепостью Св. Креста и другими центрами можно судить по таможенным книгам этих городов. Так, например в 1738 году было вывезено из Астрахани российских товаров на 1213 пуда, которые принадлежали лезгинским и дербентским купцам. За август, октябрь того же года из Астрахани вывозили товары в эти населенные пункты уже 55 торговцев, среди которых «20 собственни жители из Южного Дагестана, 25 дербентских, 10 армян и один москотянин»². Они вывезли из Астрахани в Дербент, Белиджи и Ярар-Казмаляр товар на сумму 10527 руб., в том числе собственно дербентские купцы на сумму 2810 руб. Остальная большая часть товаров приходилась на долю торговыми людям вышесказанных населенных пунктов, оттуда затем вывозились вглубь населенные пункты Южного Дагестана. Об ассортименте вывозимых южнодагестанскими купцами из Астрахани товаров свидетельствует следующий документ: Ярар-казмалярский торговый человек Мирзабугай Кулиев везет в Ярар-Казмаляр «98 пудов сала бараньего, 2400 аршин холста, 150 овчинок бухарских, 100 овчинок черных, 31 ларца под жестью, 22 стоп бумаги писчей, 4 тюка китайки, 400 замков маленких, 2000 аршин крашенина сивей, 500 аршин холста ровного, 25 фунтов белил, 400 чашек красных, 8 дюжин зеркал малых, 15 пуд чилиму»³.

Как указывалось выше в торговле между Россией и Южным Дагестаном участие принимали и армянские, грузинские, азербайджанские и др. купцы.

Так, за 1755 г. Летиф Имам оглы, Руслан Кукарзе привезли в Ахты по три партии товаров, Рулан Армик с товарищем по четыре. За август сентябрь того же года в Кюри 22 торговцами разных национальностей было отправлено 36 партии товаров на сумму 6328 руб. Среди них были такие купцы, которые везли товар на несколько сот рублей. Армянин Гулавр Мартиросов вез две партии товара на 488 руб. Гордон Жаженев на 208 руб. Ларсан

¹ Комаров В. Персидская война 1722-1723. М., 1867. С. 74.

² Киласов Р.К. Указ. соч. С. 216.

³ ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 4066. Лл. 5-6.

Белоян на 238 руб и т.д.¹ В документах указывается и о прибытии в Самур и далее в горы до Рутула косковского купца А. Евренова и его приказчика они везли товар на сумму 1320 руб., а другой москвич И. Аврамов привез товару на 975 руб., а житель Киева Ф. Сергеев на 870 руб.²

Необходимо отметить, что присоединение этой части Дагестана к России расширило географию участников торговли.

Значительное место в экспорте Южного Дагестана занимало вино. Так, например, в начале 50-х годов XVIII века трое лезгинских торговцев, жителей Даркуш-Казмаляр вывезли в Астрахань, а оттуда далее по Волге в Российские города 38 бочек «чихиря», а 24 октября 1748 года из Астрахани ушло судно астраханского купца Т. Лошкарева, на котором было «покупного чихирю 100 бочек, 4 тая орехов грецких, гороху лезгинского 3 там, марену 550 пуда, сала бараньего 67 пуда, коровьего масла 105 пуда»³.

Анализ документов показывает, что наибольшим спросом в рассматриваемое время в южно-дагестанском рынке среди российских товаров пользовались разнообразные сукна, кожи, холст, полотно. Большим спросом, как сказано выше, также пользовались изделия из металла: ножи, ножницы, замки, иглы, наперстки, булавки, а также медная и оловянная посуда, посуда деревянная и хрустальная, сундуки, ларцы, разнообразные зеркала, парфюмерные товары и т.д. Торговля с Россией благотворно влияло на дальнейшее экономическое и культурное развитие Южного Дагестана. Приведенный материал убеждает, что торговля играла очень большую роль, в нее так или иначе была втянута значительная часть жителей Дагестана.

Торговля Южного Дагестана носила многосторонний характер. Всестороннему ремесленному производству жителей Южного Дагестана способствовала хорошо налаженная торговля, которая происходила в равных формах. Одновременно происходила и денежно-товарная торговля и торговый обмен. В Дагестане в торговом обороте были «деньги как российские, так и

персидские серебряные»¹. В обороте были деньги и других стран. В торговый обмен были вовлечены как изделия южно-дагестанских ремесленников, так и сельскохозяйственное сырье, продукция земледелия, садоводства, животноводства. В числе запрещенных русских товаров, как было сказано выше, входили также золото и серебро в монетах и слитках, золотая и серебряная посуда и украшения. Спрос на золото и серебро был очень велик. «Цена деньги там превосходная..., почему ныне на золото и серебро и покупают всякие товары, сверх сего в Дагестане и прочих местах кои близко соседствуют к российским границам делается самовольно серебряные монеты»².

Несмотря на строгое запрещение, серебряная монета и золотые червонцы тайно вывозили в Дагестан. В секретном консульском донесении говорится: «Я получил известие, что приведено той серебряной монеты южно-дагестанским жителем Али, сорок тысяч и дербентским купцом Асланом Махмудовым и его товарищами сорок пять тысяч рублей и купили на те деньги и с тем отправились в Астрахань»³. Таким образом, на привезенную из России серебряную монету, было куплено шелку до четырех сот тонн, а каждая тая весом имеет шелку шесть пудов. Пуд шелка-сырца стоил в среднем от 36 до 48 рублей серебром. Верхочные власти принимали строгие меры против вывоза из России золота и серебра. Было предписано усилить контроль. Предложено было устроить розыск купцов-контрабандистов, вывозивших из России металлы, а если найдут его, то изъять и наказать.

Таким образом, становится очевидным некоторые тенденции в русско-южнодагестанской торговле.

Значительную роль в развитии торгово-экономических связей XVIII-XIX вв. играло жившее в Астрахани постоянно или временно население так называемых восточных колоний. Главным занятием восточных колоний Астрахани была посредническая торговля между Европой, Россией и странами Востока, в том числе и с народами Дагестана.

¹ Там же.

² ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3952. Л. 102.

³ ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3933. Л. 95.

¹ История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX в. М. 1958. С. 29. (далее - ИГЭД)

² Левиатов В. Н. Очерки истории Азербайджана XVIII в. Баку, 1948. С. 13.

³ Цит. по кн.: Абдулаев Г. Б. Указ. соч. С. 439.

Данные о торговле купцов астраханских колоний и их торговых оборотах показывают, что они проявляли в торговой области большую активность. Они были одновременно поставщиками восточных товаров и крупными потребителями русского ремесла, стимулируя тем самым его развитие и укрепление связи с рынком. В то же время они являлись посредниками в торговле народов Дагестана, Азербайджана и Северного Кавказа с Россией. Деятельность купцов астраханских восточных колоний способствовала развитию и процветанию в XVIII нач. XIX в., таких крупных центров внутренней и внешней торговли, каковыми являлись Дербент, Терский город и особенно Астрахань, привлекая туда множество русских купцов из различных районов России.

В одном из документов начала XIX в. сообщается, что дагестанские горцы «доставляют лезгинам сукно российского производства, овчины, масло, мед- всего на 10 тыс. руб. серебром»¹.

Кроме того, транзитом через Южный Дагестан в Россию поступали шелк, хлопчатобумажные и восточные ткани, сафьян и т.д. В течении 1760 г. было перевезено через Южный Дагестан 148 мовей шемахинских и кашанских на 273 руб; 16 партий кружев шемахинских на 22 руб., 382 штук платков, шалей шемахинских на 531 руб и т.д. Стоимость всех тканей, привезенных за этот год составил 1400 рублей². Большое место в привозе занимали шелковые восточные ткани. Но первое место занимает все же привоз с Востока шелка- сырца. За этот год его было привезено на 11600 руб. В этом же году отмечается привоз 36 пудов меди- лома на 216 руб³. Примечателен тот факт, что все эти товары реализовывались на рынках Ахты, Рутула, Самура, а иногда вывозили для перепродажи в горы, Бойнак, уцмийство, Анди и т.д.⁴.

Документы фонда Кизлярского и Дербентского комендантов дают нам материал о поступлениях в Южный Дагестан товаров из Н. Новгорода. Так, в 1756 г. из Н. Новгорода в

Дагестан было привезено «10 партий товаров, их доставили 9 торговцев, в том числе двое жителей Кураха, 2 азербайджанские и русские купцы на судне астраханского купца Дорофея Соколова, заплатив за провоз пошлины. Всем выдавались паспорта от господина консула Ивана Бакушина»¹. Привозили они в основном русские традиционные товары (ткани, металлические изделия, иглы, замки, краску и т.д.). Помимо того, что они торговали в городе, часть товаров вывозили для продажи в такие села как Миски, Штул, Кабир др. Однако следует еще раз подчеркнуть, что процесс этот не был односторонним и носил взаимный характер в большей или меньшей мере. Они старались расширить свои торговые отношения еще больше.

На рубеже XVIII – XIX в. Южный Дагестан продолжает оставаться важнейшим торгово-экономическим, политическим и военно- административным центром на Кавказе, который сыграл особую роль в жизни народов Восточного Кавказа, превратившись в крупнейший для своего времени экономический центр региона.

В рассматриваемое время, как и прежде, Южному Дагестану принадлежит особая роль в развитии русско-дагестанских и русско- кавказских торгово-экономических взаимоотношений. Южный Дагестан в это время по-прежнему являлся наиболее важным торговым центром и обще дагестанского значения⁴.

Российское государство также было заинтересовано в укреплении и расширении торгово-экономических связей с южно дагестанскими селами.

По данным фонда Кизлярского коменданта можно сделать вывод, что шелк в большом количестве вывозился через Кизляр в Астрахань и оттуда в Россию в основном из лезгинских сел. Так, 5,7,9 июня и 12 декабря 1772 г. было вывезено из сел Аглаби, Рубас, Самур, Алкадар, Кошкент и др. было 455,6 пудов шелка сырца на сумму 26820 руб³. Как справедливо подчеркивает Ф.З. Феодаева в своей работе посвященной русско- дагестанским взаимоотношениям XVIII- XIX вв., было бы неверным считать

¹ Цит. по кн.: Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана XVIII в. Баку, 1987. С. 27.

² Гамрекли В.Н. Указ. соч. С. 84.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 112.

⁴ Там же.

¹ ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3808. Оп. 1746. Л. 36.

² Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 113

³ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 873. Лл. 19-20.

весь этот шелк произведенный в лезгинских селах¹. Эти села были крупными торговыми центрами внутренней и внешней торговли, где шелком торговали задолго до изучаемого нами времени и через который этот товар поступал на российский рынок. Разумеется, что большая часть шелка поставляли в Россию из владений Южного Дагестана и Северного Азербайджана, где традиционно возделывался шелк.

Судя по данным Дербентской таможни в 1778-1783 г. в Москву через Астрахань было вывезено 5549 пудов 22 фунта шелка сырца. В последующие годы ввоз шелка-сырца в Астрахань увеличивался, что соответствовало общему росту торговых оборотов сел Южного Дагестана с Россией. Цены на шелк все время росли. Если в начале 80-х годов пуд шелка в Астрахани стоил в пределах 60 руб., то в 90-х годах в зависимости от сорта уже стоил 135 до 200 руб².

Среди вывозимых из Южного Дагестана в Россию товаров в конце XVIII-XIX в. архивные документы сообщают о таком важном сырьевом продукте, как «бумага хлопчатая», т.е. хлопок-сырец.

Так, 4 июня приказчик московский суконной мануфактуры И. Алексеев обратился в Дербентскую комендантскую канцелярию о выдаче билета на пропуск из Кулара через Дербент, Кизляр и Астрахань в Москву различных товаров, среди которых «бумаги- хлопчатой- 2 пуда»³. По торговым делам в лезгинские села в частности Самур, Рича, Ахты и т.д. приезжали купцы из городов Центральной России. Так, тульский купец К. Шеленов в марте 1772 г. просил кизлярского коменданта о разрешении на вывоз купленного им в Мискинджи и Ахты паре товара 20 пудов воска, 10 пудов меда, 40 пудов шелка- сырца, 5 шерстяных паласов и др.

В том же году вологодский купец Кузнецов просил разрешения вывезти через Астрахань из Табасарана грецкие орехи

¹ Феодаева Ф.З. Русско- дагестанские отношения XVIII-XIX в. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1973. С. 119.

² Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 24. ГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 873. Л. 3.

³ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 873. Л. 5.

и несколько мешков пшеницы¹. В села Южного Дагестана через Дербент из России в конце XVIII- XIX вв., как и в начале XVIII в., ввозили в основном железо и изделия из него, сталь, свинец, кремни, сундуки, зеркала, мыло, сахар, растительное и коровье масло, мука, белила, башмаки, краски разные, столовые приборы. Ведущее место среди предметов русского экспорта в села Южного Дагестана занимали бархаты разные, меха льняные полотна, сукна, тафта, доставлявшиеся десятками тысяч аршин, стальные изделия сотнями дюжин, это замки, ножи, ножницы, швейные иглы, гвозди и т.п.² Кроме всего перечисленного, поступали из России и иностранные товары: галанское, испанское..., бархат веницейский, полубархат, атлас, податлас, полотно вендерское..., сургут, чай зеленый и черный и др³.

Как отмечает О.П. Маркова, к концу XVIII- XIX в. в торговле России со странами Востока, наблюдался рост иностранной конкуренции не только на рынке сырья, но и на рынке сбыта. Так, по данным Кизлярской таможни в 1777- 1782 гг. через Кизляр в Дагестан из Астрахани было поставлено импортных сукна и шерстяных материй около 17 аршин и 1362 куса на сумму 10776 руб., кошенили и инозиги на 280 тыс. руб., всего на 350776 руб⁴. Здесь не малая доля приходится на Южный Дагестан, который являлся в рассматриваемое время одним из партнеров России в развитии международной торговли.

Следует отметить, что в неурожайные годы из России в Южный Дагестан вывозился хлеб. Так, например, засуха летом 1769 г. привела к неурожаю и в связи с этим в сентябре того же года из России через Астрахань в Дербент, а оттуда в Южный Дагестан поступило большое количество муки и пшеницы⁵.

Все-таки одним из самых главных товаров, вывозимых из России в Дагестан, в том числе и Южный Дагестан, являлось железо. Оно необходимо было для удовлетворения нужд развивающегося в Дагестане ремесленного производства.

¹ Там же. Л. 31.

² Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 314.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII-нач. XIX в. в М., 1988. С. 235-236.

⁴ Маркова О.П. Указ. соч. С. 93.

⁵ Русско-дагестанские отношения. С. 237.

Подтверждением тому является многочисленные сведения архивных документов. Это прошения дагестанских владений, посланные в разные годы к русским властям Астрахани, Кизляра и Дербента об отпуске необходимого количества железа. Среди них и письмо кюринского владельца¹. Так, по неполным данным Астраханской таможни в начале XIX века в Южный Дагестан было вывезено тысяча пудов железа в полосах и 100 котел².

В конце XVIII-XIX вв., по данным А.И. Ахвердова, большая часть из жителей Южного Дагестана была занята «в купеческом промысле..... в покупке и продаже из разных мест привозимых к ним персидские товары, с коими в небольшом количестве продают произведения своих шелковых и бумажных фабрик».

Кроме того, в мае 1792 г. было подписано новое торговое соглашение между Россией и Дербентским владением. Это соглашение коснулось и южно дагестанских торговых людей.

В этом соглашении особо подчеркивалось, что на территории подвластной России, русским купцам «никакие обиды не будут причинены»³.

В тексте документа говорилось об обязательстве местных феодальных владельцев Южного Дагестана содействовать развитию торговли с Россией. Так, в первом пункте обязательства Фатали-хана говорилось, что подвластные ему феодалы, а также правители и других Прикаспийских областей и сел не должны вмешиваться в дела русских купцов, требовать какие-либо пошлины. В случае нарушения этих обязательств со стороны «чиновников его правитель должен был сурово наказывать их»⁴.

По данным С. Броневского в 1807 г. из южных провинций Дагестана в Кизляр было вывезено вина, риса, орехов, свежих и сушеных фруктов, меда, масла, рыбы, марены и др. товаров на сумму 184564 руб., а в Астрахань на сумму 1073300 руб. Ввезено обратно российских товаров в сёла Южного Дагестана из Кизляра на 160028 руб., из Астрахани на 4762122 руб⁵. Кизлярская

¹ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1194. л. 80.

² Маркова О.П. Указ. соч. 101.

³ ЦГАРД. Ф. 52. Оп. 1. Д. 288. л. 13.

⁴ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 3. Оп. 414. л. 1718.

⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 454-455.

таможня в 1812 г. выдала билетов на въезд в город Кизляр лезгинским купцам 50 раз. С августа по сентябрь 1817 г. из Самура через Дербент в Кизляр привезено товара на сумму 6295 руб., отвезено на 74337 руб¹.

В ведомости дербентской таможенной заставы за 1813 год имеются данные о вывозе из трех сел Рутул, Лучек и Хнов-большого количества бурок, овчин, паласов, тулупов и др. товаров².

14 мая 1814 г. дербентская таможенная застава выдала свидетельство ахтынским купцам о получении от них торговых пошлин за провоз товаров морем в Астрахань.

В свою очередь, в XIX в., как и раньше, товары через Астрахань в южные села, в Дербент и другие районы Дагестана шли из крупных городов Центральной России. Так, за один месяц 1818 г. из Москвы в Рубас и Самур были доставлены очки, бумага писчая, белила разных сортов, часы стенные и карманные, зеркала, бархат, атлас, меха, сукна, шелковые ткани и прочие русские изделия³. Через Москву в южные районы Дагестана шли и импортные товары⁴.

Из Тулы в XIX в. вывозили в южные села Дагестана чугунные котлы, замки, самовары. Из Казани шли транзитные и не транзитные товары; меха, халаты, сапожки, посуда тарелки, стаканы, графины, стеклянные изделия, башмаки, мыло и многое другое. Всего за май 1818 г. из городов России в южные районы Дагестана было привезено товара стоимостью 236166 руб. 54 коп⁵.

Здесь мы видим, что ассортимент товаров, в отличие от предыдущего периода разнообразен, впервые встречаются такие товары как очки, посуда, стаканы, т.е. стеклянные изделия. Это еще раз говорит о том, что российские промышленные товары пользовались в Дагестане большим спросом. Весьма интересен

¹ ЦГАРД. Ф. 354. Ч. 1. Д. 15. Л.л. 1-5 с об.

² Там же.

³ Гулиев А.И. Из истории азербайджано-русских отношений в XV-XIX вв. Баку, 1950. С. 28.

⁴ Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. СПб., 1859. Ч. 3. С. 169.

⁵ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII пер. пол. XIX в. Махачкала, 1998. С. 159.

вопрос также о составе и количестве вывозимых из южных районов Дагестана товаров. Так, только в 1821 г. вывоз из нескольких сел Южного Дагестана, через Дербент по морю товаров составляет 27300 руб. 64 коп., сухопутный вывоз равнялся 54780 руб. 97 коп.¹. Из данных таможенных книг видно, что годовые обороты сухопутной торговли народов Южного Дагестана с Россией несколько раз превышали результаты морской торговли.

Основными предметами вывоза в Россию, как и раньше, являлись шелк-сырец, хлопок, хлопчатобумажные бязи, марена, шерсть, шкуры овечьи, занавески бумажные, рис, сушеные и свежие фрукты разных сортов, рыба, икра и др.

Особую статью южнодагестанского экспорта в первой половине XIX в., составляла марена. Южнодагестанская марена все еще пользовалась большим спросом у русских фабрикантов и приносила огромные прибыли купцам. Как отмечает Ф.М. Алиев, «самые богатые из купцов, живущие в настоящее время в лезгинских селах обязаны своим богатством единственно торговлей мареной»².

Количество вывозимой в Россию из Южного Дагестана и Дербента марены из года в год увеличивалось.

Об этом свидетельствует следующая таблица, составленная на основе архивных данных дат³.

1829 г. - 3922 пуда;
1830 г. - 6430 пуда;
1831 г. - 5000 пуда;
1832 г. - 7559 пуда;
1834 г. - 6996 пуда.

Следует отметить, что в эти данные вошли только официально зарегистрированные в таможенной заставе сведения. Во многих случаях марена доставлялась в Россию минуя таможенные посты контрабандным путем.

В 50-е годы XIX в. картина резко меняется. Из Кулара-Ярар-Казмаляра, Магарамкента и Самура марены стало вывозиться на

¹ Галоян Г.А. Каспийская торговля. Баку, 1976. С. 18.

² Алиев Ф.М. Миссия посланника русского государства А.П. Волинского в Азербайджан. Баку, 1949. С. 87.

³ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 173.

40 тыс. руб. серебром в Кизляр и на 65 тыс. руб. серебром в Астрахань¹. Е. Козубский писал, что «с начала сороковых годов XIX в. мареноводство в Дербенте и близ расположенных к югу сел, принимает обширные размеры, что находится в связи с ходом русской промышленности..... Русская промышленность, познакомившись с отличными качествами дербентской марены, приняла непосредственное и деятельное участие в размножении ее плантаций и в усилении производительности»².

Русские фабриканты заинтересованные в развитии мареноводства и с целью ее промышленного использования, провели ряд опытов в производственных условиях. Пионером в этом деле выступил фабрикант из города Александровка Владимирской губернии И.Ф. Баранов, который доставил туда шесть хоромах дербентской марены. Опыты по использованию марены дали отличный результат. Оказалось, что югдаговская марена по содержанию красящих веществ намного превосходит импортный крап. Это обстоятельство «открыло местной марене обширный рынок с Центральной Россией»³.

Убедившись, что содержание красильных пигментов в дербентской марене гораздо обильнее и лучше, И.Ф. Баранов отправил своего представителя в Южный Дагестан с большим капиталом, перед которым поставил задачу закупить побольше марены, установить тесные связи с местными мареноводами и принять эффективные меры к расширению маренных плантаций.

В результате проведенных опытов также было установлено, что марена, выращенная в селах Южного Дагестана и в Дербенте, имеет намного больше красильного пигмента, чем голландский или французский. Поэтому, хотя эта марена обращенная в московских фабриках в крап и обходилась не дороже 9,5 руб., однако фабриканты «находили существенную выгоду покупать южную марену»⁴.

Вслед за Барановым в Южный Дагестан устремились за мареной и другие русские фабриканты: Зубовы, Лепешкины и др.,

¹ Там же.

² Козубский Е. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 226.

³ Рамазанов Х.Х. Мареноводство Дагестана в XIX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1970. С. 120.

⁴ Там же.

с огромными капиталами. Появились спекулянты, которые не имея собственных земель, нанимали их у владельцев за третью часть урожая, засеивали большие пространства, не занятые за очень большие проценты. Резко возрос рост марены: с 40 тыс. пуд, в 1845-1846 гг. сбор марены в 1850 г. дошел до 58 тыс. пуд. Соответственно возросли цены на нее из года в год и переходя из рук в руки, она продавалась иногда до 12 руб. за пуд дохода на месте до 9 руб. за пуд¹.

Как сообщается в источнике, «разведение марены обратилось в манию, поглотившую все капиталы края», даже стало причиной того, что «добываемого хлеба не доставало даже на съестных потребностей». С другой стороны, почти такая же мания оказалась и со стороны потребителей. Превосходные качества лезгинской марены, были до того очевидны торговцами и фабрикантами, что если она и не вытеснила собой европейские крапы, то уменьшила на половину их потребление и приобрела тем самым коммерческую известность и за границей².

Данная отрасль хозяйствования принесла много положительного, сказавшись на повышении благосостояния многих предприимчивых дагестанцев. Как писали позже, обращаясь к царю дагестанские мареноводы, «... можно утвердительно сказать, что производство наше, послужив основанием благосостояния горцев, имело на них цивилизирующее влияние». Даже они утверждали, что на их глазах многие жители Дагестана, еще недавно нищенствовавшие, теперь ездят на пароходах в приволжские города и в Нижний Новгород на ярмарку, по торговым делам³.

В отчете за 1851 год дербентский губернатор писал, что главным предметом вывоза из лезгинских сел была марена, которая направляется через Астрахань на Нижегородскую ярмарку и в Москву. Марены было вывезено в 1850 г. - 72632 пуда на сумму 309476 руб⁴.

Марена являвшаяся весьма трудоемкой культурой, оказалась и высокодоходной. И не случайно жители южных

¹ Козубский Е. Указ. соч. 227.

² АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 835.

³ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С. 80.

⁴ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 86.

населенных пунктов Дагестана говорили: «сеять марену, значит сеять золото».

Вывоз марены из Дербента и сел Южного Дагестана в Россию достигал больших размеров, о чем свидетельствует следующая таблица¹.

Годы	Марена в пуд.	За пуд. Стоимость руб.	Коп.	Общая стоимость
1847	41418	4	25	196735
1848	44790	5	65	253068
1849	66700	4	10	278410
1850	72630	4	50	325835
1851	79330	4		317200
1852	141140	4	25	599845

Таким образом, за 6 лет вывоз марены возрастает почти 3,5 раза. По уровню экспорта марены Дербент и села Южного Дагестана занимали первое место среди кавказских и среднеазиатских городов.

Как справедливо отмечает академик А.С. Сумбатзаде, «темпы роста вывоза марены из южных регионов в Россию и его размеры были гораздо выше и значительнее по сравнению с вывозом красящих веществ из Средней Азии»².

Однако морская торговля через Дербент, оттуда колесным путем в южные села Дагестана во второй половине XIX в. оставалось одним из самых основных путей в торговых отношениях между городами России, Астрахани и Южного Дагестана.

В 1848 г. наместник Кавказа Л.С. Воронцов предложил местному начальству улучшить дербентский рейд «для доставления убежища судам», потому что, не имея безопасной якорной стоянки, суда вынуждены были отправляться из Дербента в Баку или Петровское укрепление. Устройство в Дербенте хотя

¹ ЦГАРД. Ф. 185. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

² Сумбатзаде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XX в. Баку, 1958. С. 111.

бы небольшого порта, утверждал Воронцов, «чрезвычайно оживит город и промышленную деятельность Южного Дагестана»¹.

Моряки неохотно приставали у берегов Дербента, особенно во времена парусного флота. Плоскодонные одномачтовые суда обычно плавали вблизи берега. Более современными были деревянные парусные шхуны. Они ходили по Каспийскому морю, но по оценкам специалистов, «до того слабо скреплены и имеют такое непрочное сооружение, что поле каждого рейса шхуна требует значительного исправления вредного не одною тратою денег, но и потерей времени»².

Неблагоприятный дербентский порт был очень опасен для парусных судов. Каждый каспийский моряк, побывавший здесь, говорил об этом как о победе: «Был против Дербента». Однако, установление, начиная с 1846 г. пароходного сообщения на Каспии, способствовало росту роли торговли Дербента и Астрахани.

В 1853 г. через дербентский порт проходило 36 судов с грузом на 80980 руб. Наиболее распространенной была торговля запретными товарами. Некоторая часть российских товаров по указанию правительства была изъята из свободного обращения. К их числу относились корабли, все виды оружия, порох, свинец, военное обмундирование, паруса, верблюды, лошади и др.³

Русские консулы, выполняя указания правительства, строго следили затем, чтобы не продавались судостроительные материалы и препятствовали строительству судов на местах с помощью русских мастеров. Они требовали, чтобы в Астрахани строго следили за судами, отправляющимися на юг и усилили контроль над судовыми материалами. Однако, несмотря на такой строгий запрет, некоторые судостроительные материалы все таки можно было приобретать на местных рынках⁴.

Данные меры правительства также не в состоянии были помешать негласному вывозу из России в Юждаг через Дербент запрещенных товаров.

¹ АКАК Т. 10. С. 871.

² Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 87.

³ Шпаковский А. Торговля Московской Руси с Персией. Киев, 1915. С. 48.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Некоторые вопросы русско-азербайджанской торговли // Изв. АН Аз. ССР, 1960. С. 31.

Естественно, такая политика правительства противоречила интересам как русского, так и южнодагестанского купечества, стремившегося включить в сферу своей коммерческой деятельности запрещенные к вывозу, прибыльные товары и свободно продавать их на восточных рынках. Интересы купечества требовали отмены запрета на продажу железа, стали и т.д. Это нашло отражение в ряде писем купцов, в официальных донесениях, адресованных астраханскому губернатору и коммерц-коллегии.

Вопрос торговли металлами в Дагестане и Закавказье несколько раз обсуждался в Сенате и коммерц-коллегии. В конце концов был разрешен вывоз железа из Астрахани купцам на усмотрение губернатора в небольшом количестве и только из казенного железа¹.

К середине XIX в. ежегодно в порт Дербента привозилось 10 тыс пудов железа, которые здесь покупали горцы. Как сообщает Е. Козубский, в 1852 г. «кн. Аргутинский приказал полицмейстру отнестись к цудахарскому кадию, чтобы он в вывозимых им тамошним жителям письменных заверениях на покупку в Дербенте железа и чтобы цудахарцы покупали железо для своих домашних потребностей, а никак не для торговли»².

Несмотря на это горцы Дагестана приходили с записками по 10 пуд на человека, хотя «полиция не позволяла покупать им более 3-х пудов на человека». Впоследствии жители, особенно ремесленники южно-дагестанских сел и даже всего Дагестана приезжали в Дербент за железом. Многие предъявляли требования о разрешении на покупку каждому по 3 пуда. Ввиду этого губернатор подписал полиции предписание «вовсе не допускать горцев к закупке в Дербенте железа»³.

Политика царской России была направлена на то, чтобы помешать восточным странам, в том числе и Дагестану вооружать войска, изготавливать оружие. В условиях того времени ремесленники вырабатывали из железа холодное и огнестрельное оружие, подковы для лошадей, сельскохозяйственные орудия.

¹ Мустафаев Д.М. Северные ханства Азербайджана и Россия. Баку, 1989. С. 44.

² Козубский Е.И. Указ. соч. С. 206.

³ Там же.

Характер привоза и вывоза товаров всегда отражал взаимоотношения стран, вступивших в торгово-политические отношения между собой, а также служил показателем степени их развития. Этот маленький момент в своеобразной форме с некоторыми особенностями нашел в торговых отношениях южнодагестанских владетелей с Российскими торговыми людьми.

В XIX в. в ассортименте ввозимых товаров из Центральной России в Южный Дагестан, как было сказано выше, встречается в большом количестве шерсть, хотя своей шерсти было достаточно, но для активно развивающегося ковроткачества не всегда её хватало. Иногда в обмен на готовую продукцию — ковры, паласы, сумки и др. русские торговые люди привозили соль, муку, шерсть, кожу, металлические изделия¹.

В официальном русском сообщении от 15 апреля 1829 г. говорится, что лезгинские ковры, русскими торговыми людьми вывозятся не только в Россию, но и в такие страны как Турция, Багдад, Басру и др., где пользовались большим спросом у жителей².

Транспортировка товаров по суше происходила в основном на вьючных животных: верблюдах, лошадях, мулах. Верблюды в среднем поднимали по 16- 25 пудов. Как выносливые животные, они использовались на дальних дорогах, горных путях. Ими широко пользовались и на внутренних дорогах Дагестана. Крестьяне из Мюшкюра, Самура, Ахты, Куркента и т.д, а также местные скотоводы держали по несколько верблюдов, «на которых они между самурскими селениями и в горы возят товары русских купцов»³.

В Самур, Докузпара, Таиркент и другие населенные пункты и общества, где дороги были в хорошем состоянии и широкие, небольшое количество перевозок осуществлялось на арбах.

На караванных путях из Южного Дагестана в восточные страны и в Россию через Дербент и далее, располагались караван-сарай. Караван- сарай служили местом хранения товаров, отдыха, ночлега и защиты купцов от грабителей.

¹ Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 91.

² Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 157.

³ Ставропольские губернские ведомости 1855 № 38. С. 313.

Путешественники XVIII-XIX вв. (Лерх, С. Гмелин, М. Биберштейн, Серебров) свидетельствуют, что вдоль Каспийского моря, где пролегали караванные пути, находилось много караван-сараев. «По дороге Ахты-чай по пути стоит обширный каменный гостинный двор караван- сарай называемый»¹. Он же писал: «Лучшие караван-сарай находятся по дороге от гор Бешбарбаг до Рутула и Сальян. Они имеют обширные колодцы»².

Эти сведения М. Биберштейна подтверждаются более ранними сообщениями С. Гмелина, который указывал, что к северу от Азербайджана, ближе к лезгинским селам, стоят многие караван-сарай. По дороге пишет Гмелин, подъехал я к караван-сарая «через два часа- приехали мы в другой караван-сарай и спустя столько же времени прибыли к третьему»³.

Караван-сарай представлял собой четырехугольное каменное сооружение с большим и длинным сводом внутри. Он снабжался водою «из стекающих внутрь источников. Во время нападения неприятельского укрыть можно до 500 семей»⁴.

Согласно сведениям М. Чулкова, в Бешбармаке «построен карван-сарай для путешествующих, в котором вырезаны на стенах много имен русских, немцев, французов, шведов, поляков, армян, индейцев и евреев, ездивших в прежние времена через сие место с послами или для купечества»⁵. Эти надписи доказательство того, что в рассматриваемое нами время, караванные пути через Дагестан в Россию имели большое торговое значение и служили не только для внутренней торговли, но ими пользовались также торговые и чиновные люди, дипломатические представители и путешественники из различных стран Европы и Азии.

Караван-сарай строились не только у дорог, но и в населенных пунктах. Такие небольшие караван-сарай были в Самуре, в Магарамкенте, Касумкенте, Джовуткенте и др.

¹ Биберштейн М. Описание провинций расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура. 1798 г. // ИГЭД. С. 51.

² Там же.

³ Гмелин С. Путешествие по России для исследования всех трех царств з природе. СПб., 1785. Ч. 3. С. 53.

⁴ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. СПб., 1781. Т. 1. Кн. 1. С. 457.

⁵ Там же.

Английский путешественник и коммерсант Форстер по пути из Индии в Петербург и далее в Лондон также свидетельствует о наличии в Южном Дагестане караван-сараев, предназначенных для христиан и мусульман-суннитов.

Караван-сарай обслуживали преимущественно приезжих купцов и использовались не только для укрытия и защиты, но и под склады, жилье, для продажи товаров и в качестве конюшен.

Обычно в целях защиты от нападения и грабежа в больших населенных пунктах караван-сарай строили на подобие крепостей. Нижние этажи отдавались под склады, а в верхних жили владельцы товаров. По вечерам наружные двери караван-сарая закрывались и связь с местным населением прерывалась. По свидетельству М. Биберштейна, караван-сарай городского типа более благоустроены. «Караван-сарай в городах, - писал он, - состоят из обширного квадратного двора, окруженного квартирами по обычаю страны. Караван-сарай, которые встречаются на некоторых расстояниях друг от друга на больших дорогах, несколько иного типа. Эти постройки очень солидные, построенные из крупного тесаного камня: четыре стороны ее имеют маленькие круглые башни, так что они представляют караванам не только пристанище, но также и способы защиты от разбойников»¹.

Караван-сарай строились частными лицами или ханскими чиновниками, которые отдавали их на откуп. В связи междоусобной борьбой, караван-сарай, мосты и другие сооружения часто разрушались.

К концу XVIII-пер. пол. XIX в. русско-иранская торговля сконцентрировалась в северных районах Ирана, а также в Азербайджане и Дагестане. Это было обусловлено внутренними и внешними факторами, происходило в сложной политической обстановке и имело свою предысторию.

Перемещение экономического и политического центра Ирана на север, усиление торгового значения Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана в международной торговле большей частью освещены в исторической литературе. Остаются недостаточно изученными место русско-дагестанской торговли в

этом процессе и значение торговых центров народов Южного Дагестана и Азербайджана для России.

В торговле России с центральным Ираном значительное место занимали обороты частных купцов-русских, иранских, дагестанских, армянских и азербайджанских. Традиционная политика Иранского государства и его торгово-политических кругов была направлена на то, чтобы ликвидировать первенствующую роль Дагестана и России во внешней торговле, сделав Исфахан ее главным центром.

Таким образом, в течение XVIII-XIX вв. ясно определилось экономическое и политическое значение «Севера», куда из внутреннего Ирана постепенно перемещался центр экономической жизни страны.

Перемещение экономического и политического центра страны на «Север» в дальнейшем полностью себя оправдало и обусловило усиление коммерческой деятельности русских в Дагестане и Азербайджане.

Торговля России с Дагестаном, в том числе и с Южным Дагестаном, как было отмечено выше, носила многосторонний характер. Для ясности можно привести еще ряд документов, подтверждающих условия торговли с Россией.

В сведениях Кизлярской пограничной конторы за 1832 г. говорится о привозе в Кизляр купцами товаров из Баку, Кубы, Дербента, Ахты, Докузпаринского общества, Рутула, Хурека товаров: дараи- 4 штуки, шелку сырца- 40 полутай, из Хрюка Шаридин и Султан привезли ковров- 15 штук, винограда- 4 чечень, душабу- 3 пуд орехов грецких- 6 харалов, кураги сущенной- 20 полухаралов, шепталы (персики Н.М) 20 полухаралов, палазов- 4, орехов мелких 3 мешка, воску желтого 340 кругов, внутреннего говяжьего жира- 5 пуд и т.д.¹.

Видимо, торговые люди из Южного Дагестана и Азербайджана, продолжали, как и раньше в XVIII в., возить товары сообща, договорившись о совместной торговле, особенно когда выезжали за пределы своих регионов. Это опять-таки в основном нужно было прежде всего для безопасности в пути от нападения и грабежа, что часто случались в XVIII-XIX вв.

¹ Биберштейн М. Указ. соч. С. 51.

¹ ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 330. Лл. 9-10.

Во 2-ой пол XIX в. в Дагестане, в том числе и в Южной его части продолжала оставаться значительный спрос на железо и сталь. В основном большое внимание начали уделять на высокое качество импортируемого металла.

Железо гянинского и гилянского происхождения была низкого качества. В 1854 г. пуд его стоил в Дербенте 2 руб. 50 коп., мазадаранского- 1 руб. 80 коп., в то время как русское железо шло по 3-4 руб. за пуд¹. Выгодная посредническая торговля металлами в регионе находилась в основном в руках южно дагестанских и дербентских купцов, живших в Астрахани. Они из Астрахани отправляли в больших количествах железо прямо в Дербент, Баку, Екзели и др. Так, по сведениям Астраханской таможни в 1855 г. дербентскому купцу сейфедину и его торговому товарищу Зухуму из Самура, было разрешено купить в Астрахани «железа- шесть тысяч, стали- две тысячи, лом- четыреста пудов» для вывоза в Дербентский и лезгинские районы².

Медные изделия ввозили в районы Южного Дагестана, в целом и во весь Дагестан из местечка Лагич Ширванской провинции (Шемаханский уезд). Южнодагестанские торговые люди доставляли эти изделия до Дербента, оттуда до Астрахани, где перепродавали русским купцам, изделия из меди очень ценились в России. В ассортименте вывозивших товаров за пределы Дагестана часто упоминается посуда из меди сделанные в населенном пункте Лагич. Местечко это находилось вне торговых путей, было удалено от торгово-экономических центров и размещалась на высокой и неприступной горной местности.

В этом местечке еще в начале XIX в. было 52 заведения, в которых изготовлялась медная посуда. В то время лагичские мастера отдавали «преимущество меди, получаемой у торговых людей из Южного Дагестана и Дербента, перед тифлисскою»³.

Как видим, медные изделия Лагича являлись предметом вывоза за пределы Дагестана, в города Центральной России.

Активное участие в торговле, кроме южнодагестанских и азербайджанских купцов принимали участие астраханские,

грузинские, армянские, а также торговцы из разных населенных пунктов Центральной России. Они поставляли товар разного ассортимента. Одни из них везли из Южного Дагестана в Астрахань, а другие из Азербайджана в Астрахань и оттуда обратно, а тут уже ассортимент товаров был другим. Так, азербайджанский житель Сулейман привез через Самур российские товары: платки русские, бусы, кафтанов, мешки шерстяные и др. в обмен на шкурки лисиц, волков, кувшины, глиняную посуду и др.¹.

В других документах говорится, что лезгинский торговый человек из деревни Кизидере вез в Баку для перепродажи российского товару приобретенного им в Астрахани: 640 кумачей красных, 200 платков, железные гвозди, бязи белой, краски- 26 штук покрывал 150 шт. и т.д.².

Как видим, в последнем случае ассортимент товаров шире. Большое место в привозе занимали русские традиционные изделия, видимо они пользовались большим спросом.

Интересно также отметить, что среди поступающих из Южного Дагестана в Россию товаров южно-дагестанского происхождения, появляются и съестные припасы. Так, например, наравне с такими товарами, как кожи, меха, ковры шерстяные, паласы, сумачи, животное сырье и изделия ремесленного производства, отмечаются продукты питания пастила, груши, курага и чихирь лезгинский³.

О торговых связях между лезгинскими селами и Россией в XVIII-XIX вв. можно судить и по ведомостям таможенных сборов, где фиксируются пошлины с дагестанских жителей за продажу овощей 143 руб., лошадей 126 руб., меда 240 руб. и т.д. Всего же с привозных товаров из лезгинских сел и Южного Дагестана было взято 4275 руб за год⁴.

Пошлины были разнообразны и многочисленны, в книгах регистрации за 1812-1813 гг. взимаемые пошлины в Самурском.

¹ Евешкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.

С. 206.

² Там же.

³ Гусейнов А.М. Азербайджано-русские отношения в XVII-XVIII в. Баку, 1963. С. 112.

⁴ Там же. С. 87.

¹ Мустафаев Дж. Указ. соч. С. 57.

² См. Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение... С. 265.

³ Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа. Тифлис, 1902.

С. 60.

Дербентском, Кизлярском, Астраханских постах колеблется в следующих цифрах:

instituteofhistory.ru

Шелк с व्योका	4 руб. 20 коп.
краска	4 руб. 20 коп.
хлопч. бумага	2 руб. 50 коп.
сахар	2 руб. 12 коп.
масло	2 руб. 12 коп.
Мед	2 руб. 15 коп.
бумажные нитки	4 руб. 20 коп.
табак	2 руб. 12 коп.
мыло	1 руб. 60 коп.
горох (нохут)	62 коп.
деревянные изделия	5 коп.
с продавца	
орехи	40 коп.

Купцы прибывшие из других мест и проживающие в караван- сарае свыше 15 дней платили: 1) за большую лавку- 2 руб. коп., среднюю- 1 руб. 60 коп., малую- 1 руб. 20 коп., за сушеные фрукты с продавца 40 коп. Если привезенный товар в город или какой-нибудь населенный пункт в течении десяти дней не продается и купец везет его обратно, то он должен заплатить в таможенном пункте «саламат пулы» с व्योका по 40 коп.¹

Стоимость товаров одного купца в основном составляла от 50 до 2000 руб. Но среди них выделяются и более крупные торговцы, сумма товаров которых определялась в 400 и более рублей. Так, например, в ноябре 1864 г. трое новгородских купцов привезли к границам Южного Дагестана товара на 750 руб., это в основном сукна, замки, бумага, иголки и зеркала, со всех их было взято таможенной пошлины². Из кожаных изделий отмечается привоз на 274 руб. Общая же стоимость всех товаров, привезенных за 1875 год из Н. Новгорода в Дагестан составила

12560 руб.¹. Соответственно с этой суммы были взяты определенные пошлины.

Особое значение при изучении торгово-экономических контактов России и Южного Дагестана имеет изучение системы мер и весов, имевших хождение в регионе. В Ахтах, Курахе, Касумкенте, Самуре и в других крупных торговых центрах в XIX в. хождение имели две вместимые меры «Хлеб здесь измерялся рубами, коих главных два: лезгинская и мишкурская. Каждая руба делится на 12 килей. Мишкурская руба содержит на вес пшеницы 16 3/4 батманов ...Лезгинская руба вдвое меньше мишкурской»².

Условия торговли в XVIII-XIX вв. были нелегкие в силу того, что не было единой денежной системы. Каждая область чеканила свою монету. Стоимость денег менялась на протяжении рассматриваемого времени не один раз.

Русская рублевая монета продавалась на рынках от 1 руб 10 коп. Местный аббас (20 коп) стоил 12 коп. русскими деньгами³.

Во второй половине XIX в. наблюдается новый экономический подъем в Южном Дагестане, как в сельском хозяйстве, так и в домашней промышленности, наблюдается оживление торговли. Помимо посевов зерновых культур, широкое распространение получило товарное садоводство, огородничество и разведение винограда, посадка тутовых деревьев с целью разведения шелковичных червей. Увеличение общей продукции сельского хозяйства вело профессионализму в ремесле и в торговле. Большие доходы жители селений Хнов, Куркент, Ярар Казмалар, Хив и др. получали от продажи тулупов овчинных, бурок, ковров, сукна. Кроме шерстяной промышленности, важное место в XIX в. в торговле между Россией и лезгинскими селами занимали металлические изделия, такие как оружие, изделия из дерева, меди, гончарного производства др.

В 60-х годах XIX в. в торговый обмен между Россией и Южным Дагестаном был настолько интенсивен, что через пограничную таможенную на Самуре прошло до 15 тыс. горцев и с

¹ Юхт. А.И. Восточная торговля XVIII в. // Известия АН Аз ССР. 1956. № 8. С. 24; Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 346.

² Петрушевский И.П. Общая метрология. СПб., 1949. Ч. 1. С. 461.

³ Там же.

¹ Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 170.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 345.

каждым годом число их увеличивалось. Об этом говорит количество регистрации товаров.

В 1866 г.- 2324 пуд сушеных груш и орехов;

В 1867 г.- 3692

1871 г.- 8346.

в 1875 г. сельскохозяйственная продукция поступила на сумму 602407 руб. 36 коп¹.

Транзитная торговля русскими товарами доставляла большие доходы южно дагестанским купцам. Поэтому директор Астраханской портовой таможни предлагал ген. Тормасову открыть в Самуре таможенную заставу, так как по его данным провоз в Дагестан торговых грузов составлял более 20 тыс таев (или 120 тыс. пудов).

Однако, если взять некоторые данные о наращивании торговли Южного Дагестана в целом XIX в. с Закавказьем и с Россией, то следует указать на внутренние и внешние причины. Этому способствовало указ изданный повторно при Екатерине II в 1763 г., по которому купцы от горских народов освобождались от пошлин при провозе своего товара в российские пределы².

В 1810 г. было утверждено специальное положение о развитии торговли с горскими народами. В связи с этим по всей Кавказской кардонной линии была создана сеть меновых дворов. Это еще больше интенсифицировало торговые переезды из Дагестана в Россию, Закавказье, Персию и наоборот. В журнальных записях таможен можно проследить этот процесс.

Так, дербентская таможенная застава выдала большое количество свидетельств о получении торговых пошлин за провоз российских товаров через Дербент, Южный Дагестан и Азербайджан и далее, а также и обратный провоз товаров³.

Среди населения как Дагестана, так и Закавказья всегда большим спросом пользовались товары русского производства. И несмотря на то, что еще в 1799 г. с торговых дагестанских людей начали взыскивать пошлину, приток товаров не уменьшался. Так, по записям в таможне Кизляра в тот год было собрано пошлин на

сумму 4801 р., в том числе российской серебряной монетой 4440 руб¹.

К тому времени относится и обширная переписка южно дагестанских сельских обществ к русским командованиям по вопросу о разрешении им торговать с Россией и в Азербайджане, на что был получен положительный ответ. Однако разрешение получили лишь те общества, которые было либо на хорошем счету, либо давали подписку и присылали аманатов².

Нужда в заграничных товарах вынуждала правящие круги России создать льготные условия для иностранных купцов, временами разрешал им беспошлинную торговлю. Однако иностранные купцы взамен своих товаров большими партиями вывозили из Дагестана, Закавказья товары местного производства: шелк, шафран, марену, предметы ремесленного производства и др.

Начиная с начала XIX в. по тарифу были повышены пошлины (в том числе на мужскую и женскую одежду) и бралось по 10% с оценки товара, да и внутренней взимался 13 % вместо прежних 5 %. Пошлина была в особенности повышена на лен, пеньку, хлеб, кожи, железз и т.д.³.

В различных материалах и документах изредка попадаются сведения о размерах пошлинных сборов в XIX в. Но и после установления твердых сборов, в процессе взимания их можно наблюдать некоторое варьирование. Мы в своей работе не будем определять размеры взимаемых у торговых людей пошлин. Лишь можно сказать, что эти пошлины колебались время от времени в зависимости от политической стабильности, экономического развития и от многих внешних и внутренних факторов.

Итак, вышеприведенный материал рисует активную роль XVIII-XIX вв. в развитии торгово-экономических связей народов Южного Дагестана с городами Центральной России, как весьма сложный социально-экономический организм, сложившийся в специфических геополитических условиях. Русско-

¹ Бакунина Ф.А. Очерки внешней торговли Азербайджана. СПб., 1876. С. 97.

² Бутков Г.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. II. С. 104.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 179.

¹ АКАК. Т. I. Тифлис. 1866. С. 757.

² АКАК. Т. I. Тифлис, 1866. С. 660.

³ Семенова А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговли. С XVIII по 1886 г. Ч. I. СПб., 1859. С. 207.

южнодагестанская торговля в рассматриваемое время поддерживалась как через Каспий, так и по сухопутной караванной трассе пролегавшей по побережью Каспия.

Значительную роль в этой торговле играли такие крупные торгово-экономические центры юга России как Астрахань, Терский городок, крепость Святого Креста, Кизляр. Важная роль в процессе развития экономических контактов по этой торговой трассе принадлежал Дербенту - торговому центру всего Южного Дагестана.

§ 1.3 Роль Южного Дагестана в торговле России с восточными странами в XVIII-XIX вв.

В развитии торгово-экономических связей России с восточными странами немалое значение имели приморские районы Дагестана. В этих областях русские охраняли имущество и собственность местного населения, содействовали свободному торговому передвижению. Политическое и экономическое влияние России на Дагестан и Закавказье в это время усилилось. Их торгово-экономические связи с Россией все более укреплялись и становились одним из важных условий восстановления и экономики. Поэтому Южный Дагестан и приморские восточные территории находились в относительно лучших условиях.

Однако с середины XVIII в. завершился процесс феодального раздробления восточных государств, в частности после распада государства Надир-шаха начался новый этап ожесточенной межфеодальной борьбы независимых ханств, приведший к дальнейшему разорению и истощению производительных сил восточных государств. Это отразилось и на состоянии торговли, парализовало экономические связи между отдельными частями областей и способствовало перемещению центров торговли. «Вся Персия, - говорится в одном из свидетельств современника, - пришла в несчастливейшее состояние... Многие персияне лишились своего имени...шелковичные сады приходили в великое разорение и мужики не ставят больше половины своего полезного продукта. Они принуждены были помышлять только о спасении своей жизни и всем намерении целые семьи

уходили...».

Купцы, жившие ранее в больших торговых городах, стали разъезжаться. Местные правители порой не только не боролись с разбоем на дорогах, а наоборот посылали свои отряды для грабежей. В этих условиях хотя «русские купцы покушались торговать во внутренние персидские города, но чрезвычайные всюду пошлины, притеснения и сие их предприятия»¹

Феодалы «хватили то, где нашли: ...россияне в сие беспокойное время лишались своих товаров». Консул в Иране подтверждал, что «по нынешним в Персии обстоятельствам свободного купечества до времени производить невозможно»². В различных населенных пунктах были ограблены русские купцы.

Таким образом, положение торговцев, в том числе русских в восточном регионе, т.е. Иране стало опасным. По этому поводу русский консул сделал следующее заявление Астраханской губернской канцелярии: «Из Шираза и из Испагана по междоусобию приезжающих сюда нет, почему известий верных получить не можно»³. Пути из Прикаспийских районов в центральный Иран, за редкими исключениями были закрыты почти всю 2-ую половину XVIII в.

В официальных документах неоднократно отмечаются преимущества Прикаспийских районов Дагестана для русской торговли по сравнению с областями Ирана. «Чтобы российским людям торговать в Прикаспийских районах, в частности Дербенде, Самуре и далее к югу к горным селениям, купцам русским внутрь Персии во избежание бедствий и грабежей не ездить»⁴.

Подобные указания имели место и в последующий период. Например, в правительственной конструкции Георга Марка в 1777 г. в Энзели при смене консула написано, что если кто-либо из русских подданных желает «для своего торга в Персию с товарами ехать как для продажи, так и для закупки тамошних продуктов, то не разведая, об опасностях, как то в дороге о

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 322.

² Там же.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 324.

⁴ Ульяницкий В. Исторический очерк русских консульств за границей в XVIII в. М., 1899. Ч. I. С. 614.

разбоях или о замешательствах, купцов в такие поездки вам не отпускать и удерживать»¹. Русским купцам рекомендовали быть осторожным, ездить при необходимости группами.

Таким образом, ясно подчеркивается возможность проезда русских купцов в каком-либо направлении, в благоприятной обстановке, каким было на территории Южного Дагестана, с одной стороны, и предостережение и запрещение в отношении проезда в восточные районы как Иран, с другой. По сведениям правительства путь в последний был более опасным.

Русским правительством были приняты некоторые меры предосторожности и в приморских районах, на которые русские торговцы возлагали надежды. По предложению астраханского губернатора Бекетова. Коммерц-коллегия в 1765 г. представила в Сенат проект, с целью содействия «благополучию астраханского купечества и к разрешению торговли тамошних российских купцов и мещанства учредить водную почту. Предлагалось выделить суда для курсирования между Астраханью и портами западного берега Каспийского моря для поддержания русских торговцев и спасения их товаров от опасности: Чтоб оные по настоящему ныне в Персии мятежному времени для сокращения от грабежа купеческих товаров при всяком могущем быть возмущении содержать не бесполезно»².

В инструкции Астраханской губернской канцелярии в 1785 г. говорится, что если не будет спокойной обстановки «товары на берег не выгружать..., оные содержатся на судах продавать, а чего продано не будет, то с тем возвращаться в Дербент, а оттуда сухопутным путем отправится местные торговые люди по лезгинским селам продавать»³.

Эти правительственные распоряжения о сосредоточении деятельности русских купцов в приморских районах Дагестана, Ирана и Азербайджана были продиктованы реально сложившейся обстановкой и содействовали перемещению центра русской торговли из других мест Востока. Приведенные официальные документы и сообщения современников подтверждают влияния описанных событий на перемещение центра русско-иранской торговли на север и сосредоточение его в

Прикаспийских районах.

Следующим фактором обусловившим концентрацию русской торговли в Дагестане, в том числе Южной части, явилась усилившаяся иностранная конкуренция в Иране. В свою очередь, для европейцев важной и прибыльной базой была иранская, азербайджанская и дагестанская транзитная торговля через Россию. Об этом свидетельствуют постоянные ходатайства их торгово-политических кругов перед Русским государством о предоставлении им права доступа через Астрахань в Прикаспийские районы Дагестана, Азербайджана и Ирана.

Русские товары из Дагестана, а также из Южного Дагестана вывозились в центральные районы Ирана через дагестанских, азербайджанских и иранских купцов. Однако, несмотря на все усилия, русско-иранская торговля к концу XVIII нач. XIX в. в центральном Иране и во многих других районах страны не имела успеха и была парализована.

Проникновение иностранных товаров в Дагестан и Закавказье через турецкие города Багдад и Басру, влияние междоусобной борьбы, обнищание народных масс, порой были настолько ощутимы, что в нескольких восточных провинциях резко снижался русский торговый оборот. Это видно из донесения русского дипломатического торгового агента в Коммерц-коллегию от 19 июля 1784 г., в котором говорится: «ныне почти вся Персия... лежащие близ турецких границ города, ни мало наших товаров, кроме мягкой рухляди и юфты не покупают»¹.

Следует подчеркнуть, что англичане в этих районах не имели успеха. Это особенно относится к Дагестану, в частности его приморским районам, которые были недоступны Ост-Индийским компаниям англичан и голландцев. Европейские купцы проникали туда очень редко, их товары провозились преимущественно через Турцию. Начиная со 2-ой половины XVIII в. торговая деятельность русских купцов в Дагестане сосредоточивалась главным образом в Дербенте. Россия имела здесь большое торговое влияние, русские товары и изделия шли во все села Южного Дагестан.

Итак, если раньше Южный Дагестан и Дербент являлись важным объектами коммерческой деятельности русских купцов,

¹ Там же.

² Петров Г. Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в. М., 1949. С. 328.

³ Петров Г. Указ. соч. С. 330.

¹ Семенова А. Указ. соч. С. 213.

одним из основных районов русско-дагестанской торговли, то в XIX в. центр русско-югдагестанской торговли переместился в села Южного Дагестана.

Сильно возросло значение лезгинских сел для русской торговли. Причинами явились: постепенное перемещение центра экономической жизни Ирана из центральных районов страны на север, усилившаяся междоусобная борьба внутри Ирана, преградившая пути для проникновения русских товаров в центральные и южные районы и европейских на север, английская конкуренция в центральном Иране, препятствовавшая русско-иранской торговле.

В такой обстановке создались благоприятные условия для перемещения русской торговли на север, особенно в Дагестан.

Произошедшие изменения имели серьезные минусы для русской торговли, так как сузились коммерческие операции купцов, был сокращен рынок сбыта, создавалось несоответствие между большим привозом и небольшим рыночным спросом на товары. Все это не могло не вызвать снижения русского торгового оборота как в Иране, так и в Дагестане.

Однако в результате этого перемещения создались благоприятные условия для тесных торговых и политических связей Дагестана, в том числе Южного Дагестана с Россией.

Русская дипломатия была кровно заинтересована положением дел в Закавказье, особенно в Дагестане. Сбор сведений о них входил в круг обязанностей консульской службы и этому придавалось первостепенное значение. Таким образом на консулов возлагались большие и сложные обязанности. В архивных фондах хранятся различные политические и хозяйственно-экономические сводки, описания, сообщения, годовые и полугодовые отчеты, составленные консулами и вице-консулами в Иране и Дагестане.

Консульская служба организовывала и регулировала деятельность русского купечества за границей. Консульская резиденция являлась центром организации русской торговли в стране.

Это нетрудно заметить на примере Дагестана. В правительственном указе (1782 г.) консулу, отправляемому в Дербент говорится: «Пребывание свое избрать для торга российским купцам в удобнейшем и безопасном месте, куда им

спокойнее будет товары на продажу возить»¹. Сосредоточение торговли в каком-либо городе предопределяло размещение там и консульства. Об этом ясно говорится в ответе русского консула в Дербенте от 10 марта 1788 г. на предложение дербентского хана. В свою очередь, консул указывал, что правительство поручало ему искать для купечества удобное и безопасное место, куда купцы могли бы «помоему рассмотрению возить товары»².

В паспорте астраханского купца Петра Шеверева от 25 сентября 1739 г. записано чтобы он со своими судами ездил в Дербент и Баку, и являлся к консул коллежскому асессору Яблонскому: перевозку «из порта в порт товаров без позволения находившегося там» консула не начинать. Нарушение карается штрафом»³. Торговцы были обязаны явиться к консулу, хранить свои товары в том месте, где им укажут и следовать его распоряжениям и указаниями. Вывоз товаров на рынок разрешался частями. Создание консульства в Дербенте являлось следствием возросшего значения Южного Дагестана для русской торговли. В обязанности консула входила создание необходимых условий для торговли, защита интересов купцов, следовать тем, чтоб на местах не взимались с них пощенины и не нарушались их права. Кроме того, консул должен был стараться прекратить вывоз запрещенных товаров, организовывать на местах охрану имущества и товаров русских купцов от хищений, ограблений и пожаров, снабжать коллегия «точными известиями» информировать о ценах на товары и о рыночной конъюнктуре, следить за тем, чтоб русские подданные вели себя прилично, не пьянствовали и не устраивали дебошей»⁴.

Указ Сената гласил, что консулы обязаны давать Коммерц-коллегии свои заключения и предложения о ввозе и вывозе русских товаров.

Многие астраханские и кизлярские купцы в конце XVIII-первой половине XIX в. вели прибыльную торговлю исключительно запрещенными товарами, изъятыми из свободной продажи на внешнем рынке, вывозя их караванными дорогами из Астрахани и Кизляра на юг. Дагестана. Основными районами их

¹ Ульяников В. указ. соч. С. 128.

² Там же.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 339.

⁴ Петров Г. Указ. соч. С. 276.

сбыта являлись Дербент, Ахты, Рутул, курах и т.д.

Этой прибыльной торговле сильно мешал своими розысками, конфискациями и донесениями астраханскому губернатору и Коммерц-коллегии русский консул в Дербенте.

По словам современников, астраханские и кизлярские купцы - контрабандисты стали убеждать, как правящую верхушку, так и астраханское купечество в том, что содержание консульства в Дербенте излишне, прибегая порою для достижения своей цели к подкупу влиятельных сановников.

Начиная с XVIII в. Россия поддерживала торговые связи почти со всеми странами Востока, Средней Азией, Закавказья и Дагестаном.. Ни в одной из этих стран она не имела консульства кроме в Персии и Дагестане (Дербент). Это еще раз говорит о том, какое важное значение во внешнеторговой политике России придавалось торговле с Дагестаном и Дербентом. По своему торговому значению и обороту, Дербент - центр Южного Дагестана, не уступал ни Баку, ни Энзели, и как морской порт. По неполным данным источников, в Дербент ежегодно в рассматриваемое время прибывало более 60 русских судов¹.

По данным Астраханской таможни привоз хлопчатобумажной пряжи и хлопка в Астрахань за четыре года 1801-1805 гг. из Южного Дагестана через Дербент составил 3340 пудов 12 фунтов хлопка. Пряжа стоила 10 руб. за пуд, хлопок 7 руб. 50 коп. В указанный период вывоз шелка-сырца в Астрахань производился из Южного Дагестана (6747) пудов в 2 раза больше, чем из Баку².

Отдельных товаров из Астрахани в Дербент и далее в южные районы Дагестана также привозилось больше, чем в Баку. Так отпуск ярославской полотняной ткани из Астрахани за те же четыре года составлял: в Дербент - 60590 аршин в Баку 13124 аршина³. Также больше Юг Дагестана получал из России стальных и железных изделий.

Все эти далеко неполные сведения обрисовывают значение Дербента в русско-восточной торговле и свидетельствуют о повышении удельного веса торговли Дербента с Россией. Вывоз южно-дагестанских товаров, как было отмечено выше,

производился в основном через Дербент, который являлся центром русской торговли в Дагестане. В дальнейшем значение Дербента, Самура, Кулара и др. в русской торговле еще больше возросло. Граф В. Зубов, подчеркивая необходимость создания условий торговли в Дербенте, придавал ему и следующим образом определял его место в торгово-экономических связях с Россией следующим образом: «если купцы будут обеспечены в личной безопасности и в спокойном обладании своею собственностью, тогда город сей без всякого сомнения сделается средоточием всей персидской торговли и привлечет в себя самых богатейших промышленных людей и все произведения провинций сих станут доставлять в Дербент и далее»¹.

В дальнейшем место и значение Дербента, так и южной части Дагестана во внешнеторговой политике России сильно возросло. Русская дипломатия полагала, что в будущем через Дербент и южные провинции можно будет оказывать влияние и на Иран «Когда через Дербент откроется верный путь к торговле, то не послужит ли это между прочим, надлежащим средством для России возыметь по времени самое сильное политическое влияние на всю Персию»². Это предположение в дальнейшем себя вполне оправдало. Юг Дагестана был не только важнейшим звеном, связывающим Россию с Закавказьем и Ираном, но и значительным пунктом транзитной торговли, и играл важную роль в политической жизни страны.

Изучение источников и архивных фондов приводит к заключению, что в Южном Дагестане были несколько лучшие условия для русской торговли, чем в других регионах. Этому способствовали кроме хозяйственно-экономических и политические факторы.

Влияние войны на торговлю отражено в консульских отчетах из Дербента. Если не было бы войны, «то многие уверяют, - говорится в отчете, было бы оного шелка в вывозе отсюда в отпуск в Россию до 5 тыс. пудов»³.

Уменьшение вывоза товаров из лезгинских сел было в основном следствием общего политического положения страны.

Неблагоприятная обстановка отражалась прежде всего на

¹ Маркова О. Указ. соч. С. 114-115.

² ЦГВИА Ф. 52. Д. 366. Ч. 3. Л. 23.

³ Ульяницкий В. Указ. соч. С. 614.

¹ Цит. по книге: Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 361.

² Чулков М. Указ. соч. Т. 2. С. 521.

³ Там же.

положении местных лезгинских торговцев и меньше сказывалась на иностранцах. Местные владельцы в период войны и мира не трогали русских подданных; от этой борьбы страдали «больше персидские купцы»¹.

В донесении переводчика русской службы Якуба Китаева о результатах переговоров с дербентским ханом говорится, что в руки дербентских воинов попали шемахинские товары, среди которых оказался шелк, принадлежащий русским купцам. Дербентский правитель приказал «российские товары возвратить все сполна»² и, обращаясь к Якубу Китаеву, сказал: «Ныне между мною и шемахинским ханом идет кровопролитная война», при таких обстоятельствах русские поручают свои товары шемахинским бусурманам, а сами не ездят, а остаются в Шемахе..., а ежели бы сами оные хозяева были при своем товаре (на дороге), то я не думаю, чтоб им от моих подвластных грабеж произошел»³. Чтобы отличать русские товары, хан согласился выделять их в отдельные караваны и обеспечивать русским караванам пропуск со специальными «проводниками до безопасного места»⁴.

Дербентский хан приказал написать ордер к благородному и почтенному господину Эшик Агасы Муса беку, чтоб поданным российским купцам по тракту как из Баку в Шемаху, так и обратно в шемахи чинить свободный пропуск, не показывая обид и притеснения»⁵.

Необходимо, «чтоб русские купцы в проезде по тракту шли сами собою не смешиваясь с шемахинским и дербентским караванами..., дабы наши военно-служители могли признать, что они российские подданные»,⁶ говорится в ответном письме дербентского хана консулу.

В течение 2-ой пол. XVIII в. и позже в XIX в. создавались условия для свободного продвижения русских товаров по торговым дорогам. Эшик Агасы Муса бек, выполняя указания хана, сообщил консулу о том, что подданные дербентского

¹ Зевакин Е. Экономические отношения России с Персией и Азербайджаном во 2-ой половине XVI и XVII вв. Баку, 1949. С. 116.

² Там же.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 365.

⁴ Там же.

⁵ Джафаров А. Присоединение Ширванского ханства к России и восстановление города Шемахи. Баку, 1955. С. 5.

⁶ Там же.

ханства русским купцам, проезжающим из Дербента дальше и обратно с товарами, «обид и притеснения не учинять» и просил в дальнейшем не принимать в русские караваны товары местных подданных¹. Одновременно калантар Шабранского наибства Хаджи Рза сообщал консулу, что поскольку Дербентское ханство поддерживает с Россией дружеские отношения, «здешние народы, так и прочие никто русским обиды не причиняют»².

Несмотря на войну между Ширванским и Шемахинским ханствами, мы не обнаружили фактов преднамеренного грабежа русских товаров ни одной из воюющих сторон. Имели место лишь случаи их конфискации, когда русские товары следовали в смешанных караванах и их трудно было отличить от товаров противной стороны.

В консульских донесениях указывалось, что южнодагестанские власти выполняют принятые перед Россией торговые обязательства, а дербентский хан «с давнего времени до ныне русским подданным оказывает большое усердие»³.

Итак, русские купцы в XVIII-XIX вв. имели свободный проезд из Кизляра и Астрахани в Дербент, а затем в Касумкент, Ахты и далее, а в пределах Северо-Восточного Азербайджана стали охраняться интересы купцов, имелась густая сеть караван сараев, Дербентские власти поручили сальянскому султану Кубат-беку и наибу Ага-беку «иметь накрепчайшее старание... построить для купцов без замедления гостиные дворы»⁴, что и было сделано.

Сохранившиеся документы ясно показывают, что в Южном Дагестане создавались более благоприятные условия для русской торговли, чем в Иране. Большую роль в этом играла политика феодальных верхушек Южного Дагестана, в частности их ориентация на Россию.

Поддержка русской торговли в Южном Дагестане по достоинству была оценена русским правительством. В письмах из Коллегии иностранных дел местным владельцам говорится: «К приезжающим к Вам для торгового промысла из России подданным оказываются благодеяния и впрочем всевозможное..., весьма похваляю я благонамеренность вашу ко Всероссийской

¹ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 87.

² Там же.

³ Джафаров А. указ. соч. с. 17.

⁴ Чулков М. Указ. соч. С. 610.

империи и продолжаемое доброхотство к подданным е.и.в.¹

В письме выражалась надежда на то, что власти на местах и впредь продолжат дружескую добрососедскую политику по отношению к России.

Высокая оценка Российского правительства основывается на фактах, сообщенных русскими купцами, а также консулами на местах, являвшимися очевидцами событий и хорошо осведомленными о положении дел в стране.

В обстановке феодальной раздробленности и междоусобных войн характерных для той эпохи, наиболее благоприятные политические условия для российской торговли создавались в Южном Дагестане. Этому способствовали торгово-экономические интересы обеих сторон.

В официальных документах исходивших из феодальных владетелей Южного Дагестана имеющиеся мотивы такого обращения с просьбой о доставке хлеба, объяснялись добрососедскими отношениями и давно сложившимися дружескими связями с Русским государством².

В то время в России была большая нужда в хлебе, он был официально выключен из списка на право вывоза на внешний рынок; исключением из этого правила являлась торговля с Англией. Астраханский губернатор в докладной записке Коллегии иностранных дел, обстоятельно характеризуя положение с хлебом, писал, что Астрахань свое «хлебопашество не имеет, а привоз из верхних городов» недостаточен. Российские войска, расположенные в Астрахани, Кизляре, Дербенте и прочих местах из-за состояния войны, употребляли много хлеба, поэтому он стоил дороже, и в самой Астрахани его не хватало³.

Губернатор указывал, что если Коллегия иностранных дел сочтет нужным удовлетворить просьбу Дербентского ханства «о доставлении к нему муки, то это можно сделать за счет привоза» из верхних хлебородных мест страны⁴.

По этому поводу последовал указ Коллегии иностранных дел, на основании которого требуемая мука была погружена на суда купцов Скворцова и Шарипина, чтобы доставить в Дербент⁵.

¹ Цит. по книге: Абдуллаева Г.Б. Указ. соч. С. 367.

² Киласов Р.К. Указ. соч. С. 116.

³ Ульяновский В. Указ. соч. С. 327.

⁴ Там же.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 210

Причем при отправке хлеба воздерживались от взимания пошлины. Удовлетворению просьбы придавалось политическое значение, поскольку это могло содействовать укреплению связей и дружеских отношений населения Дагестана с Россией.

Оказанную Россией Южному Дагестану поддержку можно рассмотреть как проявление добрососедских отношений. Отпустив несколько судов с хлебом в Дагестан, запрещенных к вывозу, русская дипломатия старалась завоевать расположение дагестанского населения и закрепить дружеские связи с южнодагестанскими купцами на внешнем рынке Астрахани.

В начале 60-х годов XIX в. и в последующее время на рынках Южного Дагестана господствовали две противоборствующие силы: местные купцы и русское купечество. Они старались взять в свои руки прибыльную торговлю шелком и др.

Крупные дербентские и южнодагестанские купцы нередко объединялись в негласные компании, которые опираясь на поддержку властей, отстаивали свои интересы и вели успешную борьбу против засилья русского торгового капитала. Это подтверждает русские источники и официальные данные того времени.

В донесении астраханского губернатора, составленном по сведениям секретной службы губернской канцелярии и людей «приезжающих из Персии»¹, приводятся факты, не только характеризующие положение русской торговли в Дагестане и Северном Иране, но и свидетельствующие о существовании торговых компаний и борьбы между ними. В этом официальном сообщении говорится: «назад тому с пяти лет и знатных портах (Дербенте, Баку и Сальянах), хотя явно, однако тайным образом, есть коммерческие компании, сопряженные с первенствующими их купцами»².

О согласованных действиях местных купцов, наподобие неофициальной торговой ассоциации в Прикаспийских городах, говорится и в следующем донесении: «все сие люди (местные купцы, скупщики), у коих находится в руках товары, друг другу известны и хотя не в одном городе живут, - однако между собою ненарушимое хранят согласие»³. Такие компании организационно

¹ Алиев Ф. Азербайджано-русские отношения. Баку, 1967. С. 78.

² Там же.

³ Заболотский П. Путевые записки из Астрахани, через Кизляр в Баку. в 1835 и 1836 г. СПб., 1838. Ч. 29. № 9. С. 148.

неоформленные и основанные на устном согласии, играли немалую роль в движении цен.

Компании создавались разными путями и приобретали различные формы. В одном официальном сообщении русский современник, находившийся в то время в Дербенте, свидетельствует, что азербайджанские и лезгинские (дагестанские) купцы в Астрахани записываются в первую гильдию и товары свои отправляют для продажи «...свои, с коими они имеют сотоварищество в торгу»¹.

В донесении астраханского губернатора по поводу участия в этих компаниях, в определении и повышении цен имеется следующее сведение: «прежде каждый свой товар, шелк и др. изделия продавал российским купцам. А, ныне продается россиянам не поволую, а согласно от компании ценою пуд посту по двадцати по сороку и по сту по семидесять рублей, равно же и привозимые из России товары покупать посторонних людей не допускают, а покупают от компании же по желаемой цене»².

Местные торговцы порою использовали русских покупателей в своих интересах, русские купцы оказывались вынужденными покупать товары по цене, «что от местных купцов им предписываются»³. В этом сообщении есть определенная доля правды. Таким образом, негласные ассоциации крупных местных купцов оказывали определенное воздействие на цену и размеры продажи. При такой рыночной конъюнктуре большую и действенную роль играли ханские власти и их агенты; порою сам хан вмешивался в дела торговли «регулируя» рыночные отношения и устанавливая цены на местные товары. Аналогичные сведения встречаются и в других документах.

Местным купцам и скупщикам доставалась прибыль от посредничества при закупке товаров у непосредственных производителей и продаже его русским купцам. Из несогласованных действий русских купцов извлекали выгоды местные купцы - скупщики для прибыльной торговли и завоевания относительного преимущества на рынке.

Русские правящие и деловые круги не остались безучастными, когда встал вопрос об ущемлении интересов их

купечества на внешнем рынке. Они вновь приказали не отпускать товаров в кредит и отказаться от выдачи задатков местным торговцам для приобретения шелка к сезону, что ранее было осуждено¹. Стали упорно говорить об умении торговать и обманывать, об искусстве продажи и лавирования, как это было на всех рынках Запада и Востока.

Снижение оборота и упадок русской торговли в Дагестане и приморской части были эпизодичны для отдельных этапов XVIII-XIX вв., и не характерны для всего периода. Приведенные факты были лишены объективной связи с другими фактами и явлениями. Они не характеризуют подлинного положения русско-южнодагестанской торговли в рассматриваемое время. Упомянутое положение русской торговли в восточных странах, характерное для одних местностей, или менее типичное для других, имеет свои причины.

В период, когда доступ из России в центральные, западные и другие районы Востока был почти закрыт, ощущался избыток русских товаров в большем количестве в Дагестане, Гиляне и других районах Закавказья, чем на них имелся спрос. Известная часть этих товаров - сало, холст, меха, сукна, краски и прочее, реализовывалась с трудом². В таких условиях на отдельные товары временами не имелся спрос, а торговля этими видами товаров переживала застой. Поэтому некоторые из этих товаров отсылались обратно в Астрахань.

Однако, уже начиная с XIX в. русско-дагестанская и русско-иранская торговля переживала подъем. Это торговля, по сравнению с предыдущим периодом, не отличалась большими масштабами, а временами, в зависимости от сложившейся обстановки и междоусобных войн, была меньше. Одной из причин было падение покупательной способности и снижение жизненного уровня широких масс населения.

В целях восстановления и развития торговли в большом масштабе предлагалось осуществить правительственное вмешательство в организацию русско-каспийской торговли. В России был создан ряд компаний для торговли с Дагестаном, Закавказьем и сопредельными с ними странами. Окрестности Астрахани объявлялись свободными для поселения иностранцев

¹ Алиев Ф. Указ. соч. С. 84.

² Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 65.

³ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 62.

¹ Киласов Р.К. Указ. соч. С. 89.

² Данили Х.А. Южные ханства Азербайджана во 2-ой половине XVIII в. Баку, 1967. С. 42.

в течение 30 лет. Последние частично освобождались от налогов и могли строить здесь фабрики и заводы¹.

Дворянские и купеческие круги России искали причины снижения торговых оборотов и высказывали по этому поводу различные мнения, составляли планы, проекты и предложения для поднятия русской торговли на восточном рынке. Об этом говорится в ряде материалов в архивных фондах.

Остановимся на письме группы астраханских купцов Сенату, под которым подписались Степан Шарипин, Алексей Скорняков, Лев Кобяков, Кондратий Горбунов, Иван Портнев и Федор Нартов. Подписал его и астраханский губернатор Никита Бекетов. В этом письме в Сенат авторы прежде всего пытались объяснить некоторые причины упадка торговли. По их мнению, причины заключались в неправильной и несвоевременной информации о рыночной конъюнктуре. «Хотя консулы и содержатся», но пользы от этого мало, «нет от них корреспонденции для получения потребных известий в какой товаре где изобилуют или где в чем несут, какой недостаток, без этого стпуск товаров производится не только без надлежащего, но и без всякого рассмотрения». Вследствие купечество особенно русское, не получает необходимой прибыли и принуждено бывает свои товары продавать за бесценок и тем подрывать друг друга» разоряя коммерцию. Русская торговля страдает «за неимением порядочной корреспонденции, следственно за незнание сколько, чего, где потребно»². В письме также подчеркивается, что неудачи русских купцов на рынках является результатом конкуренции армянских и индийских купцов³.

В названном письме астраханских купцов приводятся соображения об утверждении и господствующем положении русского купечества. Рекомендовалось, чтобы без обстоятельных сведений о рыночной конъюнктуре и положении в стране товары в большом количестве туда не отправлялись: «Когда же те известия получаемы будут, тогда по оных и отпуск товаров определять... Лучше товарам лежать здесь в добрых при тамошне построенных амбарах, нежели валяться в чужом государстве... во всегдашнем по происходимоу междоусобию опасности от

¹ Чулков М. Указ. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 289-290.

² Чулков М. Указ. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 294-296.

³ Там же.

расхищения»¹.

Из этого документа видно, что торгово-деловые круги Астрахани, которые представляли крупный купец Степан Шарипин и его компания, а также астраханский губернатор, не поняли истинных причин неудачного оборота дел на восточном рынке для русской торговли. Их понимание причин этого явления было далеким от истины, слишком узким и поверхностным. Поэтому они не могли понять главного и сделать конструктивные предложения для поднятия русской торговли на восточном рынке.

Вопросы о необходимости правительственного вмешательства в организацию каспийской торговли, в частности, торговли с Дербентом и Южным Дагестаном, нашли отчетливое отражение в упомянутом письме. Астраханские купцы предлагали созвать в Астрахани собрание русских купцов, имеющих отношение астраханскому мещанству и выбрать от каждой гильдии по два и того шесть человек людей искусных и особливо знающих коммерцию, депутатов к рассуждению о благополучии астраханского купечества и к расширению его торговли². В этом письме говорится также, что в Астрахани надлежит учредить главную купеческую контору.

Необходимо отметить, что вопрос об организации торговли при правительственном вмешательстве и поддержке купечества в целях устранения неудач в русско-каспийской торговле ставился не раз. Однако правительство отвергло предложения об организации компаний с монопольными правами и не пошло на устранение из торговли купцов нерусских национальностей, сочтя это нецелесообразным и несоответствующим его фискальным интересам.

В начале XIX столетия идея преобладания русского торгового капитала на восточных рынках еще более окрепла, а значение Южного Дагестана для торговли возросло. Царское правительство последовательно охраняло интересы русской промышленности и торговли на внешнем рынке путем протекционистского таможенного барьера, а принцип свободы торговли, применявшийся внутри страны, оно не переносило на

¹ Цит. по книге: Сумбатзаде А.С. Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку, 1964. С. 42.

² Там же.

внешнюю торговлю, ограничивая права восточных купцов вплоть до запрещения их участия в некоторых отраслях торговли.

Правящая феодальная верхушка Дагестана, в том числе Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана рассматривала торговые связи с Россией как имеющие материальное и культурное значение в жизни страны. В свободном движении купцов и их коммерческой деятельности в данном регионе были замечены элементы некоторого благоустройства, рост хозяйственной жизни.

Торговля между Южным Дагестаном и Россией велась на неравных началах. Русское купечество в селах пользовалось различными льготными условиями, беспошлинной торговлей, экстерриториальными правами. Это происходило в то время, когда после падения государства Надир-шаха, в самостоятельных ханствах прежние русские договоры, представляющие льготы русским подданным, признавались недействительными и утратившими силу.

Следует принять во внимание, что льготные условия беспошлинная торговля русских подданных в Южном Дагестане - не затрагивали ханских фискальных интересов. Двойственная тяжесть этих льготных условий ложилась на широкие народные массы. Товары они получали по дорогой цене, поскольку местные торговцы, желая обеспечить себе прибыль, надбавляли на цену товаров двойные пошлины. В XIX в. Южный Дагестан продолжал вывозить в Россию сельскохозяйственное и животноводческое сырье, в основном шелк - сырец (примерно 40-50% всего импорта) и служил сырьевой базой, придатком русских мануфактур. Вывозимый из сел шелк-сырец имел огромное значение для русской мануфактурной промышленности. Из одной только Самурской провинции Мушкурского уезда шелка-сырца было достаточно для снабжения московских шелковых заведений.

Русская торговля с Южным Дагестаном, Азербайджаном и Ираном было активной в пользу России, в то время как баланс русско-азиатской торговли (торговля с Турцией, Средней Азией и Китаем) был пассивным. В русско-дагестанской торговле купцы со средним капиталом занимали ведущее место. В торговле с Россией в рассматриваемое время участвовали и феодальные владетели, действовавшие через своих торговых агентов или

торговцев-пайшиков. Первые вносили капиталы, а последние занимались коммерческой операцией. Это дало феодалам возможность сблизиться с Россией, с одной стороны, и реализовать прибавочные продукты на рынках сбыта - с другой.

Ханы, ведя монетарную политику, разрешали продавать в России свои товары за деньги, поощряли привоз русской монеты. Поэтому ханская монетарная политика вступала в противоречие с относительно развитым русским, старавшемся вести меновую торговлю в отношении закупки сырья, без вывоза денег и драгоценных металлов на внешний рынок.

Крупный торговый капитал тесно сотрудничал с царской властью. Правительство поддерживало его интересы на внешнем рынке; торговый капитал получал от дворянского государства определенные привилегии. Вместо с тем его деятельность контролировалась царским правительством: купеческие компании могли быть домовечными только в том случае, если им покровительствовали органы власти. Однако правительство не поддерживало стремлений к монопольным правам купеческих компаний, так как это стесняло и ограничивало права и деятельность других групп купцов и их фискальные интересы.

Созданная 1822 г. «Компания персидского торга» получила право иметь свои суда¹. Суда, плавающие по Каспийскому морю в XIX в. также были как в предыдущие столетия. неодинаковыми по типу, мощности и тоннажу; преобладали среди них шкоуты и галиоты² «Российское купечество, - говорится в официальном донесении 1825 г., - имеет у себя многие мореходные суда, отправляют оные на Каспийское море, Дербент, Самур и далее для ловли и приема уловной тамошними жителями красной рыбы: белуги, осетры и севрюги»³.

Плата за перевозку товаров давала судовладельцам большие прибыли, являясь одним из источников купеческого капитала. Южнодагестанские и дербенстские купцы «за провоз товаров платят российским судовщикам...выгодные цены»⁴.

Наем русских судов для перевозки товаров составлял значительную отрасль торговли; перевозка на русских судах имела

¹ Чулков М. Указ. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 336-337.

² Там же.

³ Покровский С. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М. 1947. С. 120.

⁴ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 42.

весьма важное значение как для астраханских судовщиков, так и для хозяев строящих эти суда. Многие дагестанские купцы, ведя большую торговлю с Россией, участвовали в компании астраханских предпринимателей и нередко брали их суда на откуп. В официальном русском сообщении говорится, что из числа нерусских подданных купцов в Астрахани участвует в судовой компании, так называемое «товарищество», они берут суда у русских для перевозки своих и чужих грузов между Астраханью и Дербентом и т.д.¹

В. Ульяницкий так же сообщает, что приказчик астраханского купца заключал контракт с дербентскими купцами на 6 месяцев, обязался вывезти «их товары в Астрахань»².

Передача русских судов на откуп дербентским и южно-дагестанским купцам для перевозки товаров было обычным явлением для XIX в. Средние сроки откупа, как видно из приведенных данных, достигали 6 месяцев. Дагестанские купцы участвовали в компании астраханских судовщиков на разных условиях.

Нам трудно установить условия откупа и определить его место в перевозках из-за отсутствия соответствующих данных.

Наряду с отдачей судов на откуп существовала другая наиболее распространенная форма транспортировки - сдача товаров в подряд для перевозки, с выплатой подрядчику подрядной цены. Взаимоотношения между купцами и подрядчиками зависели от величины подряда. Стремление подрядчика сводилось к тому, чтобы получить как можно больше товаров для перевозки и выторговать у местных купцов высокие цены подрядов.

В некоторых местах подрядная форма перевозок не являлась специальным видом транспортировки. Перевозка и хранение товаров осуществлялись без участия подрядчиков, самими купцами.

Царское правительство поставило под контроль своих местных властей и начальников передачу русских купцов на откуп и все другие договорные виды перевозок. Перевозка на торговых судах-киржимах и сандалах осуществлялась вдоль берегов, начиная от Южного Дагестана, Дербента до

Мазандарана; это имело большое значение при бездорожье. Киржимы и сандалы были непригодны для дальнего плавания, не могли устоять при морских штормах, грузоподъемность их была сравнительно небольшой; - они могли перевезти за один рейс от 50 до 100 человек¹. Эти суда имели паруса, подобно русским. сандалы были похожи на ванны и плыли по ветру, подвергаясь большой опасности при шторме.

Этими видами морского транспорта владели, как частные лица так и ханы. В одном из сообщений русского дипломатического агента говорится, что «много усмотрено в бытность мою на Каспийском море, что у Фатали-хана и у Гидаят-хана имеются большие такие киржимы и сандалы»².

Таким образом, для транспортировки товаров каспийский морской путь имел большие преимущества перед сухопутным. Русское судоходство на Каспийском море, как удобное, дешевое быстрое средство, для привоза и вывоза товаров, содействовало росту торговых связей. Русские мореходные компании, русская торговля, вопреки царской политике, объективно оказывали большое положительное влияние на развитие экономики приморских районов Дагестана и Азербайджана.

Из всего сказанного видно, что жители Прикаспийских районов, вошедшие в состав России или имеющие дружественные отношения с ней, оказались в лучших условиях. Стремление русского правительства обеспечить мануфактурную промышленность «произведениями прикаспийских областей» объективно способствовало развитию на Восточном Кавказе шелководства, хлопководства и увеличению производства шерсти. Особое внимание правительство обратило на развитие виноградарства, садоводства и овощеводства. В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, именуемое в официальных документах «садами и огородами е.и.в.» Здесь же было налажено изготовление вина. Россия, стремясь стать посредником в торговле между Европой и Востоком, принимала меры, позволяющие перенести торговлю Ближнего Востока и Кавказа в Астрахань. Огромное значение в деле развития русско-кавказской торговли придавалось Южному Дагестану с центром Дербент, где имелись торговые ряды с приезжими туда купцами

¹ Там же.

² Ульяницкий В. Указ. соч. Ч.2. С. 268.

¹ Чулков М. Указ. соч. С. 404.

² Чулков М. Указ. соч. С. 404.

российскими, армянами, чеченцами, татарами и пр. Разрешение вывозить из России в Дагестан продовольствия, промышленные, строительные и др. товары, а также представление русских судов для провоза товара способствовало развитию внутренней торговли.

Россия не только оберегала подвластное население от бесконечных феодальных нападений, но и гарантировала его личные и имущественные права. Помогала тем, кто оказывался в бедственном положении. Такая помощь была оказана и многим жителям Южного Дагестана¹. Все это способствовало росту и укреплению ориентации народов Кавказа на Россию.

Во второй половине 50-х гг. XIX в. в Южном Дагестане наблюдается упадок шелководства. В 1856 г. в Дербенте и его округе насчитывалось только 240 тыс. тутовых деревьев. Дербентский шелк, по сравнению с привозным, занимал уже весьма скромные размеры. Так, в конце 30-х годов XIX в. Дербентское владение вместе с Самурской провинцией давали 560 пуд шелка, в то время как ввоз шелка в Россию из Закавказья составлял в среднем 14,5 тыс. пуд. в год². Наивысшего расцвета в Дербенте и Прикаспийских районах Южного Дагестана достигло виноградарство в последней четверти XVIII- первой трети XIX в. В 20-х гг. XIX в. южно-дагестанские виноградники вместе с дербентскими давали 2800-3200 тыс. ведер вина, цена доходила 6-10 руб. за ведро³. Мы не будем останавливаться отдельно на вопросе об экспорте вина (чехиря), какую роль играло вино в экономической жизни народов Южного Дагестана, так как оно являлось одним из важных доходных статей у жителей лезгинских сел. Об этом достаточно было сказано в предыдущих моих работах и статьях автора.

Мы лишь отметим, что начиная с 1-ой половины XIX в. Российская администрация всячески поощряла этот вид торговли (т.е. виноделия), которая также давала большие доходы русским купцам.

К сожалению из-за отсутствия достоверных статистических данных нет возможности дать полную картину роста

садоводства и виноградарства во 2-ой половине XIX в. Однако, имеющиеся в «Обзорах Дагестанской области», «Кавказских календарях» и в других источниках, материалы не оставляют сомнения в интенсификации этих отраслей сельского хозяйства. В развитии садоводства в Дагестане одно из ведущих мест занимал Южный Дагестан, специализировавшийся, преимущественно, на разведении винограда и садоводства. Немалая заслуга в этом принадлежала организованному русским правительством, образцовым садам, которые всем желающим бесплатно давали «чубуки» виноградных лоз и черенки для прививки. Все это способствовало повышению урожайности винограда. По данным обзора Дагестанской области, в 1897 г. в одном только Дербенте было собрано 537320 пудов винограда¹.

Другим более важным процессом, наблюдавшимся во 2-ой половине XIX в. в Южном Дагестане, было сокращение числа мелких садовладельцев и за счет этого увеличение площади крупных садов. Этот процесс концентрации садов особенно усилился в середине 90-х годов XIX в.

Продукты садоводства «в виде свежих и сушеных фруктов, а также свежих, сушеных и моченых овощей, кроме употребления на месте, вывозились в другие области и губернии, в том числе в Москву и Петербург»².

Особенно заметно увеличился вывоз фруктов, винограда и овощей после строительства железной дороги, открывшей новые рынки с обширным спросом и облегчивший транспортировку товаров в Центральную Россию. С этого времени количество отправляемых из Южного Дагестана в Центральную Россию свежих фруктов с каждым годом все более и более начало увеличиваться и к концу XIX в. достигло внушительных размеров. Если в 1894 г. по железной дороге из южной области было отправлено 16000 пудов всевозможных фруктов и 9600 пудов овощей, то в 1900 г. уже 19946 пудов свежих и сушеных фруктов, 93586 пудов овощей³.

По тем же данным же за 1901 г. из Южного Дагестана было выведено 32200 пудов. Рост вывоза фруктов, винограда и овощей каботажом через Дербент показывает следующие данные. Так,

¹ РДО. С. 277-287.

² Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. М., 1987. С. 97.

³ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 84.

¹ «Обзор Дагестанской области за 1897 г. С. 28.

² Гаджиев В.И. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 289.

³ Обзор Дагестанской области за 1899 г. С. 63.

если в 1891 г. из Дербента было вывезено морем 44900 пудов., в 1894 г. 100000 пудов, то в 1899 г. вывезено было 109536 пудов фруктов и плодов на сумму 109586 руб. Кроме того, из области ежегодно вывозилось 10-15 пудов сладких и горьких косточек абрикоса для кондитерских предприятий Центральной России¹. Однако, транспортировка фруктов, особенно свежих из отдаленных от железной дороги центров, садоводческой культуры (Ахтынского, Касумкентского, Магарамкентского и др.) была сопряжена с серьезными трудностями. Поэтому нередко садовладельцы сбивали фрукты «на месте скупщикам, приезжающим из разных мест края, частично вывозили на продажу в города: Дербент, Темир-Хан-Шуру, Петровск, Грозный»². Со временем скупщики стали прибывать не только из Дагестана, но и из других городов Кавказа и даже Центральной России³. В результате этого доходы от садоводства и огородничества постепенно из рук непосредственных производителей стали переходить в руки скупщиков.

На базе быстро развивающегося торгового земледелия в крае стали появляться предприятия по обработке продуктов сельского хозяйства для вывоза в Центральную Россию.

Подводя итоги изложенному, мы должны отметить, что Россия постепенно втягивала горцев в водоворот капиталистического развития. Под непосредственным влиянием Центральной России в Дагестане увеличивались площади под посевами и садами, повышалась техника обработки земледелия, росло поголовье скота и улучшалось его породность, происходила хозяйственная специализация, развивалось торговое земледелие и скотоводство, шло классовое расслоение горского крестьянства, получило развитие фабрично-заводская промышленность.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 289.

² Кавказский календарь за 1893 г. С. 150.

³ Там же.

Глава II. Политические взаимоотношения народов Южного Дагестана с Россией в XVIII-XIX вв.

§ 2.1 Внутри и внешнеполитическое положение народов Южного Дагестана и России XVIII-XIX вв.

На политическое положение Южного Дагестана в пер. пол. XVIII в. сильнейшее влияние оказывали события, происходившие не только в самом регионе, но и в соседних с ними областях Дагестана.

До начала 20-х годов XVIII в. политическое положение Дербентского владения определялось влиянием на него событий, связанных с общим экономическим и политическим упадком Сефевидской державы и начавшейся против ее диктата борьбой народов Южного Дагестана.

Начало 20-х годов XVIII в. еще более осложнило политическое положение Южного Дагестана, которое в результате «персидского» или «восточного» похода Петра I в Прикаспий в 1722 г. оказалось оккупированным царскими войсками вплоть до их ухода на правый берег Терека в 1735 г.

Естественно, в этой ситуации не могло быть и речи о самостоятельной внешней политике южно-дагестанских правителей.

Еще более тяжелое время настало для жителей Южного Дагестана с началом завоевательных походов Надир-шаха с целью покорения Дагестана. Этот период охватывал 30-40-е годы XVIII в. и характеризовался открытым диктатом Надир-шаха и его наместников в Дагестане во всех вопросах внешней и внутренней политики. Через Южный Дагестан проходили тысячи и тысячи иранских завоевателей, направленных Надир-шахом на покорение народов Дагестана. Ограбив и опустошив дагестанские аулы, остатки этих полчищ возвращались также через территории Южного Дагестана.

На этих основных политических событиях определявших положение Южного Дагестана в пер. пол. XVIII в. мы и решили более подробно остановиться придерживаясь принципа их хронологической последовательности.

Сефевидский Иран в начале XVIII в. представлял для народов Дагестана угрозу их политической независимости. Кроме того, горцы Дагестана, являвшиеся суннитами, подвергались и религиозным гонениям со стороны персов шиитов, что вызывало также недовольство народных масс.

В свою очередь наместники шаха в Южном Дагестане, неоднократно делали попытки, подчинить своей власти феодальные владения и союзы сельских общин Южного Дагестана.

Необходимо учитывать военно-стратегическое значение территории Южного Дагестана, расположенный на стыке Европы и Азии. Наиболее дальновидные феодальные правители Южного Дагестана в XVIII-XIX в. стремились к усилению и расширению экономических и политических связей с Россией, включению своих владений в ее состав. Их желание совпадали с политическими и военно-стратегическими целями российского царизма, что послужило основной причиной форсированного включения южно-дагестанских владений в состав России.

Если в XVIII в. царизм проводил политику создания на окраинах империи, в частности в Дагестане, вассальных государств, то в последующем XIX в. он переходил к прямому захвату этих территорий. Это территориальные приобретения были результатом не только прямых военных захватов, но и добровольного перехода кавказских феодалов в подданство России.

Сам по себе факт присоединения к России некоторых южно-дагестанских владений не означал того, что политика царизма не преследовала здесь колониальные цели и не осуществлялась, как везде, военно-феодальными методами. Начав создавать военный плацдарм на границах Ирана и Турции в центре Закавказья, царская Россия стремилась расширить его путем включения в состав империи ханств Дагестана.

В самом начале изучаемого периода народное негодование выражалось главным образом в пассивной форме сопротивления. В источниках имеются сведения о массовом бегстве крестьян в отдаленные места, о действиях

разбойничьих отрядов, совершавших нападения на отдельные феодальные поместья и купеческие караваны¹.

Недовольства народных масс особенно дали о себе знать на окраинах сефевидской монархии, неиранским населением, где гнет местных и иранских феодалов сочетался с религиозным преследованием. Восстания происходили в Курдистане, Армении, Азербайджане и Грузии.

С другой стороны, к возрастающему гнету и произволу присоединились все усиливающиеся религиозные преследования. В осуществлении политики шиитизации азербайджанского народа жители отдельных населенных пунктов Азербайджана подвергались поголовному истреблению. При этом не щадили ни детей, ни стариков ни ученых с крупными именами².

Положение народных масс в Дагестане были настолько трагичным и настолько они были озлоблены, что современники предсказывали неизбежность выступлений масс и констатировали, что им не оставалось иного выхода³.

Первыми поднялись джарцы. Они вторглись в район Шемахи. К ним присоединились цахуры. Вооруженные толпы крестьян прошли по областям Шекинской, Кабалинской, Гаджинской, Шамхорской и др.⁴ С разных сторон стекались к восставшим крестьяне. Повстанцы нападали на шахские войска и дружины местных феодалов. Бывали случаи истребления местных феодальных родов. Так, например, повстанцами был истреблен род кубинского хана Султан-Ахмедхана⁵. После подавления восстания джарцев начались волнения в Кайтаге. В 1710 г. эти волнения, начавшиеся против феодального гнета влились в открытое восстание. К восставшим примкнул и уцмий Кайтагский Ахмед-Хан, придав восстанию исключительно антииранский

¹ Гаджисев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в нач. XVIII в. // Уч. записки ИИЯЛ ДФ АН СССР Махачкала, 1963. Т. XI С. 125; Левинатов В.Н. Указ. соч. С. 66-67.

² Кюгюн-Челеби-заде Тарихи-Челяби-заде. Стамбул 1967. С. 116.

³ Бакиханов А. Гюлистан-Иран. Баку, 1926. С. 102.

⁴ Левинатов В. Очерк из истории Азербайджана. Баку, 1948. С. 67.

⁵ Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. I. С. 96.

характер¹.

Борьба угнетенных народных масс в Дагестане развернулась в обстановке глубоких социально-экономических противоречий. Восстания кавказских горцев должны были еще более ослабить состояние иранского государства и положить конец иранскому владычеству на Кавказе.

По своему характеру это было антишахское движение, о чем красноречиво свидетельствует вышеприведенный материал. Его первоначально возглавили Канлы Шабан и Молла Абдуллах, к ним присоединился цахурский Али-Султан бей². Со временем антииранскую борьбу возглавили уроженец сел. Дебели Мюшкюрского уезда Хаджи-Дауд. Решившись возглавить военные действия против шахских войск, Хаджи Дауд выступил против Шабрана и после упорной борьбы взял его. Отсюда он двинулся в Кубинское владение, взял населенный пункт Худат, к нему присоединились многие владельцы Южного Дагестана, уцмий Кайтага. Объединившись в один мощный отряд Хаджи Дауд, Сурхай-хан, Ахмед-хан приступили к активным действиям в Северном Азербайджане.

Стремясь использовать создавшееся положение, Хаджи-Дауд активизировал свои действия. Он рассылал в разные места Дагестана письма с призывом подняться против ненавистных сефевидов. Уговаривал он и феодальных владельцев подняться на антишахскую борьбу. Как бы то ни было в короткое время под знамена Хаджи-Дауда и Сурхай-хана собралось несколько тысяч горцев, готовых на решительную борьбу с иранцами.

21 июля 1721 г. повстанцы осадили Шемаху, а 7 августа 1721 г. заняли этот важный торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана³.

Причем большую роль в падении Шемахи сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. Взяв Шемаху, повстанцы стали зажигать и грабить дома знатных и богатых людей. В это же время повстанцы Джара, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемый правителем Ширвана,

Гусейн-Алиханом¹.

Вскоре после взятия Худата в Кубинское ханство прибыл уцмий Кайтага со своим войском, акушинцами и кюринцами, которых привлек на свою сторону². Тем временем Хаджи-Дауд и Сурхай-хан в борьбе с сефевидами достигли крупных успехов, заняли низовую дорогу, город Шабран, восстание охватило окрестности Дербента. И султан дербентский, доносил Ф. Бекевине, который «за день приехал, был в Ширване, чтобы бунтовщиков примерить, насилу... уходом спасса и приехал в Баку»³.

В Шемахе Хаджи-Дауд и Сурхай-хан оставались недолго. Это объясняется видимо не только тем, что их не поддерживали шемахинцы, но и отсутствием у предводителей повстанцев единой тактики, а также противоречиями в лагере горцев, существовавшими с самого начала борьбы.

Жители Ахты-пары, как говорится в источнике, Дауд-беку и Сурхай-хану «помощь немалую учинили, притом они добычею себя не забывали и обогатидись, и куда приходили, - с обывателями поступали»⁴. Тот же источник сообщает, что «куралинцы, дагестанцы, лезгины и прочие из гор пристали к Дауд-беку и Сурхаю потом пошли оные к Шемахе, в которой город, ибо он не укреплен был, силою ворвались, хана и всех людей высоких чинов побили, так же и других обитателей, ибо оные шаги, порубили, город ограбили, разорили и великое богатство из оного взяли. Хаджи Дауд потом сиделище свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Сурхай ханом разделил»⁵. Анализ фактического материала показывает, что в дальнейшем повстанцы ограничивались внезапными нападениями. Нападали они на Акташ, Шабран, Низабат, угрожали Дербенту и другим городам и населенным пунктам.

Вместе с тем грабежи и разбои, чинимые местному населению лезгинскими отрядами, были одной из главных причин

¹ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 63.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 125.

³ Цит. по книге: Гаджиев В.Г. Разгром Надир шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 58.

⁴ История, география, этнография Дагестана. М., 1958. (Далее - ИГЭД). С. 78.

⁵ Там же. С. 95.

¹ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 182.

² Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 53.

³ Там же. С. 56-57.

отхода народных масс от движения.

Крестьянские массы Южного Дагестана оказывали шахским войскам вооруженное сопротивление, при появлении этих отрядов (т.е. «лезгинских») основные силы иранских воинов, старались не вступать с ними в бой, чтобы меньше было потерь, так как доведенные до отчаяния налогами, грабежом крестьяне боролись ожесточенно.

Первыми из значительных городов, к которому подступили отряды повстанцев, был Шабран - это один из главных центров Ширвана. Находившийся в городе малочисленный гарнизон иранских войск не смог оказать сопротивление численно превосходящим отрядам повстанцев¹.

После этого события Хаджи Дауд и Сурхай-хан повели свои отряды на север, намереваясь захватить Кубу, Дербент и села Южного Дагестана. Хаджи Дауду не удалось овладеть хорошо укрепленной Дербентской крепостью. Неудачи в Дербенте убедили Хаджи Дауда, что для достижения своей цели надо найти силы, которые можно было бы использовать для борьбы против Ирана.

В этой связи Хаджи Дауд решил обратиться за помощью к Российскому государству.

В одном из писем Хаджи Дауда, астраханскому губернатору И.В. Кикину от 23 апреля 1721 г. говорилось: «Пресветлейшему и державнейшему великого государя подручному честейшему и высокопочтенному и высокородному астраханскому боярину Ивану дружелюбия и доброго здоровья желаю. Преж сего от кызылбаш многие обиды были и покою нам от них не стало, что они сделали обиду через силу и за то стали мы с ними, кызылбаш в неприязнестве и за свою кровь им отомстили, и Дербент шемаху и Баку осадили...»². В другом письме на имя того же И.В. Кикина Хаджи Дауд писал: «Ныне я хочу с вашею милостию дружелюбия иметь в соседство и доноси мои слова великому государю, чтобы он по своему указу велел своим торговым людям свинцу и железа и прочее, что нам надобно, провозить, а мы сторонним людям продавать не будем, и всем закажем, а от нас буде понадобится шелк и иное что то откоме государевых людей

¹ Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения (XV-XIX в.). Баку, 1985. С.24.

² Цит. по книге: Алиева Ф.М. Указ. соч. С. 24; Гаджиев В.Г. Роль России... С.129.

продавать не будем»¹.

В свою очередь Хаджи Дауд еще больше усилил антииранскую деятельность. Он рассылал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против сефевидов, организовывал отряды, уговаривал феодальных владетелей Дагестана.

В борьбе с иранскими властями, кроме дагестанцев, как было сказано выше, были втянуты и некоторые азербайджанские феодалы, в частности куткашенский мелик Махмуд, его брат Ахмед и их сыновья, обладающие большим богатством². Собрав вокруг себя огромную массу людей различного сословия и социального положения Хаджи Дауд в союзе с Сурхай ханом Казикумухским решили нанести удар по Шемахе.

В связи с приближением многочисленных отрядов повстанцев в Шемахе поднялась тревога.

Первоначально к городу подступил небольшой отряд-авангард повстанцев, среди которых в основном были войска из Дагестана. Повстанческий отряд сбил их и гнался за ними до самого города. Однако они не захотели войти в город, так как боялись, что силы у них меньше, чем у неприятеля. Они вынуждены были вернуться к Хаджи Дауду, приближавшемуся с основными силами к Шемахе.

10 августа 1721 г. все эти племена лезгин и азербайджанцев вместе со своими главарями взяли Шемаху³. Напуганный успехами Хаджи Дауда, ереванский хан, двинул свои войска на Ширван. Узнав об этом Хаджи Дауд и его союзники из Дагестана двинули свои войска через Куру и вступили в бой, который еще больше увеличил победу повстанцев. Руководители внешней политики России, анализировали сложившуюся ситуацию. Особый интерес в этом плане имеет письмо А.П. Волынского к Петру I, где он отмечал: «Гаджи Дауд отнимет у персиян города и

¹ Русско-дагестанские отношения XVII-нач. XVIII в. (сб. документов) / Под ред. Гаджиева В.Г. М. Наука, 1988. С. 139-140.

² Абдурахманов А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в пер. пол. XVIII в. Баку, 1964. С. 73.

³ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана. Баку, 1948. С. 71; Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во 2-ой пол. XVIII - нач. XIX в. Махачкала, 2000. С. 81.

себе оставить, а именно Дербент, и Шемаху»¹. Может это и оказалось одной из решений похода Петра I на Дагестан, об этом трудно сказать, хотя в исторической литературе об этом походе много версий.

Сам Петр I придерживался таких взглядов. «Нам, - заявил он, - нужна будет берега по Каспийскому морю овладеть, понеже турок тут допустить невозможно и стал готовится к походу»². Стало быть Петр I, предпринимая поход на Кавказ, пытался решить ряд задач: предотвратить овладение Турцией Закавказьем, Южным Дагестаном и Прикаспием, а также решить важные для страны экономические и политические проблемы. Присоединив к империи прикаспийские провинции, Петр I надеялся обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность России, а также перевести торговлю шелком Ирана и Дагестана с турецкого пути на Астрахань и тем самым превратить Россию в посредницу между Европой и Востоком.

Между тем, Турция приказала Хаджи Дауду, чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента.

В сентябре 1723 г. напуганный вторжением турецких войск на Кавказ, Иран подписал с Россией договор. По условиям Петербургского договора, шах уступал России в вечное владение Дербент, Баку со всеми прилегающими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, а также провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад³. Это еще больше обострило русско-турецкие отношения. Войну кажущую неизбежной, все же удалось отвести, благодаря миру заключенному в Константинополе в июле 1724 г. о разделении Кавказской территории на сферы влияния. По условиям этого договора, за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная же территория Дагестана и Азербайджана, а также Грузия и Армения отходили к Турции. Ширван был объявлен особым ханством. Город Шемаха оставался в прежнем состоянии. Однако народы Кавказа не были довольны Константинопольским договором и не хотели подчиниться власти Турции.

¹ Галжиев В.Г. Разгром Надир шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 58.

² Там же.

³ Русско-дагестанские взаимоотношения XVIII-XIX в. Сб. документов. М, 1988. С. 66.

Положение турецких властей осложнялось с каждым днем. Турецкий паша перестал доверять Хаджи Дауду, который в последнее время почти не считался с турецким государством и проявлял попустительство в отношении антитурецких выступлений. Недовольство турецких правящих кругов было вызвано также с намечавшимся сближением его с Россией. В официальных турецких кругах стало известно, что Хаджи Дауд ведет тайные приготовления, чтобы завязать дружеские узы с русским государством. Вскоре по указанию султана он был арестован и отослан на Кипр, где и скончался. На место его был назначен Сурхай хан, еще в 1721 г. отстраненный Хаджи Даудом от управления Ширваном. Но и после этого Сурхай хан вел свою самостоятельную политику, всячески мешая разграничению Кавказских границ между Портой и Россией, он стал вмешиваться в дела Кюринской провинции, отошедшей по договору с Турцией к России. Тогда же ген. Румянцев в свою очередь отправил с карательной целью отряд царских войск в Кюру, которая захватила большую часть Южного Дагестана, некоторые села были разорены полностью¹.

Здесь же в Кюре между горцами и отрядами царских войск произошла

битва, в ответ царские войска «усмирили» 12 кюринских сел².

Анализ сложившейся ситуации показывает, что накануне нашествия Надир шаха в Дагестане сохранилась сложная и напряженная обстановка. Внутриполитическое состояние Дагестана, усугубленное политической децентрализацией, пестротой этнического состава населения, сложными взаимоотношениями между феодальными владениями и союзами сельских общин, вмешательством соседних держав, характеризовалось наличием многочисленных очагов напряженности, перерастающих в вооруженные столкновения. Такая ситуация, несомненно способствовала воспитанию дагестанцев, как храбрых и умелых воинов, но вместе с тем ослабляла возможности совместного отражения внешней угрозы.

Внешнеполитическое положение Дагестана определялось политикой противоборствующих сторон, сложным переплетением русско-иранских и русско-турецких отношений с заметным

¹ Асадов Ф.С. История Талышского ханства и его связи с Россией. Баку, 1966. С. 38.

² Там же.

сближением Ирана с Россией и обострением русско-турецких противоречий из-за определения сфер влияния в Дагестане и Прикаспийских областях. Отличительной особенностью политической жизни народов Дагестана в этот период следует считать более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы против иранского владычества и активное противодействие захватническим устремлениям Турции и России в годы разграничения стремившихся присовокупить к своим владениям отдельные территории и народности этого края.

Сильнейшее влияние на внешне- и внутривосточное положение Южного Дагестана и России оказал предпринятый в 1722 году Петром I так называемый персидский поход, имевший целью упрочить позиции России на Каспийском море и в Дагестане, покончить с владычеством Ирана и Турции на Кавказе.

Учитывая то, что к этому времени антииранское движение в Южном Дагестане принимало все больший размах, Петр I решил, не упустив удобный момент, приступить к походу, «ибо развал иранского государства породил опасность поглощения всех его кавказских владений султанской Турцией. Этот давнишний враг России всячески мешал устремлениям России на Кавказе»¹.

При такой ситуации надо было спешить с походом. Уже накануне похода в указе русскому консулу в Персии Аврамову от 25 июня 1722 г. писалось, чтобы тот добился от шаха обещаний уступки России хотя бы прикаспийских провинций².

Но прежде чем сделать решающий шаг, Петр I с присущей ему дальновидностью предпринял меры предосторожности для обеспечения продвижения русских войск на юг. С этой целью император 15 июня 1722 г. издал специальный манифест, в котором указывал, что цель его похода в Прикаспий заключается в оказании помощи шаху Гусейну в борьбе с бунтовщиками Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом, нанесшими огромный материальный ущерб и русским купцам в Шемахе.

Обращает на себя особое внимание часть манифеста, где Петр I гарантирует местному населению полную безопасность.

¹ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 189.

² Русско-дагестанские отношения в XVIII - нач. XIX в. Сб. документов / Под. ред. В.Г. Гаджиева М., 1988. С. 32.

Любое насилие, проявленное со стороны русских войск, должно было повлечь за собой строгое наказание. Манифест гласил: «... всем через сие наше императорское милостивое ободрение истинно и твердо проведено повелеваем, что в вышеописанных провинциях жителям обретающим приезжим никому ниже оной убыток и трата учинитца, и самим им и имением их, селам и деревням ни кто руку не положит, о чем до сего случая военачальникам нашим и всего войска как от кавалерии, так и от инфантерии офицерам и другим командирам и всему войску генерально крепко приказано и повели, дабы никому ниже никакого озлобления и похищения не чинили, и ежели в малом в чем и то обличены будут и такие казнь и экзекуцию получают»¹.

4 августа 1722 г. жители Дербента послали письмо Петру I о получении манифеста и с просьбой сообщить время его прибытия в Дербент. В письме: «Донесли В.И.В., что в 28 день получили мы в.и.в. присланные через служителей ваших высоко повелительных указы. Всему свету известно, что между В.В. восточного и западного императора содержица дружба и братство и никакого несогласия не было, и ныне о происшествии В.В. все дербентские жители обрадовались и господу богу хвалу возденет. Того ради В.И.В. просим милосердия, дабы изволили повелеть о прошествии своем нас уведомить, чтобы всяк по своей возможности, в чем будет потребность, служить могли, а которые по делам противин явятся, тем учено будет наказание»².

Развернувшиеся в Дагестане и Азербайджане события заставили Петра I поторопиться с осуществлением намеченного мероприятия, тем более, что «Волынский, доставая государю подробнейшее сведения о Персии, предложил тогда государю, чтобы богатые персидские области лежащие подлое Каспийского моря, коими непременно могут овладеть Авганцы, для безопасности границ российских принять в свое защищение, занять и населить оными войсками российскими»³. При рассмотрении мотивов похода русских войск в прикаспийские

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII - нач. XIX. Сб. документов / Под ред. В.Г. Гаджиева М., 1988. С. 346; (Далее - РДО). Лысов В.П. Персидский поход Петра I. М., 1951. С. 120

² РДО. С. 35-36.

³ Лысов В.П. Указ. соч. С. 84.

провинции нельзя обойти и сообщения иностранных послов, находившихся в то время в Русском государстве, в частности полномочного французского министра при русском дворе де Кампредона, который писал: «бунтовщики..., разорившие Шемаху, ищут теперь покровительства Порты. Царь никогда не потерпит, чтобы Турция их под свое покровительство приняла и утвердила... это противно интересам всех вообще держав, потому что турки сделались бы тогда господами всей персидской торговли»¹.

Были письма и другого характера. Так, европейские дипломаты опасались намерений Петра I овладеть местами, где вырабатывался шелк-сырец лучшего качества, поскольку понимали, что при реализации плана Петра I торговля шелком будет целиком монополизирована русским правительством, в то же время южные границы Русского государства будут гарантированы от внезапных нападений турков и иранцев².

В другом донесении сообщалось, что предполагаемая военная экспедиция Петра I в сторону Шемахи и Дербента предпринимается с целью овладеть этими городами и другими портами на Каспийском море «и тем самым обеспечить в России свободную торговлю шелком»².

В феодальной среде манифест Петра I вызвал враждебную реакцию. Хаджи-Дауд тревожился потому, что он был назван «бунтовщиком»³. Он не только боялся ответа за ограбление и убийство русских купцов, но и не хотел терять в случае прихода русских войск приобретенное положение и земли. Видя в России мощного соперника, Хаджи Давуд стремился укрепить свое отношение с Турцией.

В ответ на манифест Петра I отдельные представители местного населения Южного Дагестана обратились со специальными посланиями к императору, в которых просили помощи и присылки войск для обеспечения их безопасности.

В ответ Петр I писал, что их письма получены и что «из оных усмотрели мы, что вы... имеете к нам свою верность, и предоставляете свои услуги, что мы приемлем милостию, и обнадеживаю вас нашею императорского величества милостию...».

¹ См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. 4. С. 308.

² Там же.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 37.

12 августа 1722 г. Петр I, находясь в Тарках, получил еще одно письмо с подписями ста одного дербентца. В письме говорилось, что жители с нетерпением ждут прихода русских войск в их город и желают его величеству «многолетнего здоровья»¹.

Содержание приведенных писем вполне определенно выражает настроение местного населения и его доброжелательное отношение к приходу русских войск.

Встреча русских войск во главе с Петром I в Дагестане была ярким выражением отношений местного населения к Русскому государству. Как свидетельствуют многочисленные источники, дербентский наиб Имам Кули-бек на расстоянии одной версты от города встретил Петра I, и в знак покорности и дружбы преподнес ему ключи от городских ворот, произнося речь следующего содержания: «Мне и всем жителям города чрезвычайно приятно видеть великого Императора, шествующего в Дербент для принятия нас под свое высокое покровительство...»².

По поводу радушной встречи русских войск Петр I писал в письме, отправленном в Сенат: «когда приближались к сему городу Дербенту, то наиб сего города встретил нас и ключи поднес от ворот»³.

К Петру I, находившемуся в Дербенте, обращались отдельные лица, просившие его принять их на российскую службу. В этом отношении характерно обращение дербентского жителя приехавшего из Шемахи, Муртуза Кули. Он, явившись к Петру I, доложил о шемахинском погроме и в конце беседы заявил, что «... желает его императорскому величеству: прибыть всегда в верности, не щадя и живота своего»⁴. Описывая встречу, оказанную русской армией населению Южного Дагестана, Петр I писал: «Правда, что сии люди нелicenseмерно любовью приняли и так нам рады как бы своих из осады выручили»⁵.

Однако неожиданные и неблагоприятные обстоятельства воспрепятствовали осуществлению ряда мероприятий, связанных

¹ АВПР. Ф. сношения России с Персией. Оп. 77/1. Д. 18. Л. 37.

² ЦТ АДА. Ф. ВУА. Д. 1539. Л. 6. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в пер. пол. XVIII в. Баку, 1975. С. 16.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 677.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 30.

⁵ Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений в XV-XVIII в. Баку. 1958.

с генеральным планом прикаспийского похода.

Возвращаясь обратно в Россию, Петр I приказал дербентскому наибу Пман Кули-беку собрать сведения о городах и селах «от Низовой до Баку, и от Баку до Шемахи»¹.

В то же время Петр I всячески старался препятствовать дальнейшему сближению Хаджи Дауда с Турцией. Петербургский кабинет даже дал секретное указание русскому резиденту в Стамбуле Неплюеву, чтобы он любой ценой помешал принятию Хаджи Дауда под турецкое покровительство. Но турецкая сторона, вынашивала далеко идущие планы, активно покровительствовала Хаджи Дауду. Как только Петр I покинул пределы Кавказа, султан турецкий отправил грамоту Хаджи Дауду, обещая покровительство Турции на тех условиях, что и крымский хан. Ему пожаловали ханский титул и власть над Ширваном и Дагестаном, хотя Дербент и провинции Прикаспия и Южный Дагестан были заняты русскими войсками². Султан, отдавая прикаспийские провинции Хаджи Дауду, тем самым спровоцировал его на столкновение с русскими войсками.

После того как Турция официально признала вассальную зависимость Хаджи Дауда от нее и фактически получила свободный доступ в Ширван, Петр I стал опасаться за свои позиции в Закавказье, ибо Шемаха стала официальной резиденцией Хаджи-Дауда.

Следует отметить, что завоеванию Закавказья Турцию подстрекали западноевропейские государства, прежде всего Англия и Франция. Порта потребовала от России вывода войск с занятой ими территории Кавказа. Однако правительство России не хотело уступать свои позиции. Турецкие войска вскоре вторглись на Кавказ и постепенно стали продвигаться к пределам Южного Дагестана.

В сентябре 1723 г. по предложению шахской Персии, напуганной вторжением турецких войск на Кавказ, между ними и Россией был подписан договор. Вторая статья этого договора гласила: «... его шахово величество уступает императорскому величеству Всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по каспийскому морю лежащими землями и местами, також де и провинции Гилян»,

¹ АВГР. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. Д. 13. Л. 34.

² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 694.

Мизаждран и Астрабадт, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахова величеству против его бунтовщиков в помощь посылает, не требуя за то денег»¹.

Народы Южного Дагестана, попавшие под власть Турции, оказались в тяжелом положении. Согласно русским источникам, они были «так ожесточены, вконец разорены, и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя. И так все народы, как христиане, так и басурманы - все против них готовы, только просят чтобы была им надежда на нас»². Дагестанцы давали отпор завоевателям и не давали им покорить себя. Так, по свидетельству И.Г. Гербера, жители близких к Дербенту союзов сельских общин Самурской долины были с турецкой стороны в покое оставлены, так как «силою их в подданство привести труд заплатиться, не почитая убытку, что к тому потребно будет»³.

Войну между Турцией и Россией казавшуюся неизбежной, все же удалось отвести, благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору между ними⁴. По условиям этого договора за Россией закреплялись Прикаспийские провинции.

Если очертить границы территорий Дагестана с 1725-1727 г. пограничная линия между Россией и Турцией проходила следующим образом: к России отошли Цахур, Северный и Южный Табасаран, г. Дербент с Улусским магалом, Кайгаг, Ахтыпаринское, Докузпаринское и Рутульское общества при разграничении земель отошли к Турции. Жители Ахтыпаринского общества, жившие в «крепких местах», не желавшие «слышать о таком разделении», были царскими властями оставлены в покое⁵.

Гюнейский магал, подвластный Сурхаю, не признававшему русского владычества, был оставлен в составе Казикумухского ханства. Казикумухское султанство и Кубинское ханство оказались в номинальной зависимости от Турции.

¹ Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 185-186.

² Цит. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 955

³ Гербер И.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 78.

⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 701.

⁵ Рамазанов Х.Х. Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до конца XX века. Махачкала., 1964. С. 176.

Таким образом, значительная часть территории народов лезгинской группы должна была отойти к Турции. Народы, же попавшие под власть турецких оккупантов, поднимались на борьбу за свое освобождение.

Турецкие ставленники с помощью местных феодальных владетелей принимали меры для подавления выступлений народных масс.

Впервые за всю историю международных отношений, Россия стала равноправным участником кавказских дел. Стамбульский договор был первым политическим соглашением Российского государства относительно кавказских земель. Если в XV-XVII вв. Дагестан, в т.ч. Южный, являлся объектом международных соглашений исключительно сефевидского Ирана и Османской империи, то начиная с 1724 г. неперменным участником подобных соглашений становится и Российская империя.

События 1724-1725 гг. еще раз подтверждают, что южно-дагестанские феодалы больше стремились к проведению самостоятельной политики, чем вступление в чье-либо подданство, будь то российское, османское или иранское, а если подданство и принималось, то происходило это ввиду безвыходности положения и до перемены внешнеполитических обстоятельств. Хотя Турции не удалось утвердить власть Хаджи Дауда, и рассчитывать она могла только на Али Султана Цахурского и Дауд-бека, но продолжала поддерживать контакты с наиболее влиятельными южно-дагестанскими владетелями.

Анализ сложившейся ситуации показывает, что накануне нашествия Надир-шаха в Дагестане сохранилась сложная и напряженная обстановка. Внутриполитическое состояние Дагестана, усугубленное политической децентрализацией, пестротой этнического состава населения, сложными взаимоотношениями между феодальными владениями и союзами сельских общин, вмешательством соседних держав, характеризовалось наличием многочисленных очагов напряженности, перераставших в вооруженные столкновения. Такая ситуация, несомненно, способствовала воспитанию дагестанцев, как храбрых и умелых воинов, но вместе с тем ослабляла возможность совместного отражения внешней угрозы.

Внешнеполитическое положение Южного Дагестана

определялось политикой противоборствующих сторон, сложным переплетением русско-иранских и русско-турецких противоречий из-за определения сферы влияния в Южном Дагестане и Прикаспийских областях. Отличительной особенностью политической жизни народов Южного Дагестана в этот период следует считать более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы против иранского владычества и активное противодействие захватническим устремлениям Турции и России в годы разграничения стремившимся присовокупить к своим владениям отдельные территории и народности этого края.

Получив от Турции военную помощь, Сурхай-хан начал военные действия против прикаспийских областей. «Сурхай в соединении с самим турецким войском впадения учинил в российские провинции Кизил-Агач и ... Сальян: там бывших людей побил и пленил: устроенные магазины с провиантом и многие там лежащие деревни без остатку выжег, пожитки пограбил и несказанное свирепство произвел. Имеется достоверный архивный материал, в котором описывается сколько деревень и имущества было разорено и ограблено в 1728 г. войсками Сурхай-хана в присоединенных к Российской империи землях»¹.

Объединив под своей властью огромную территорию Сурхай-хан, хотя и прекратил грабежи в провинциях принадлежащих Турции, однако, «повиновался ей только по наружности, потому что понимал свою силу»². В этой связи большой интерес представляет ответ Сурхай-хана на требование турецкого султана. Как пишет В.Г. Гаджиев, «несмотря даже на то, что ему, как подвластному турецкой державе был послан приказ султана Махмуд-хана, чтобы он выехал оттуда, т.е. Ширвана и передал свое владение персидскому шаху, что Сурхай отказался это сделать и заявил, что он завладел Ширваном при помощи мечей мусульман-лезгин, а не пожалованию державы»³.

Действия Сурхай-хана опирались при этом на сочувствие народных масс, но вызывали гнев и возмущение Надир-шаха,

¹ АВПР. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. Д. 1 (1728). Л. 97-100. Об: Д (1729). Л. 79а, 79б; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 89.

² Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847. С. 23; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 135.

³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 135.

который постепенно стал теснить из Закавказья, в частности Азербайджана турок, вопреки условиям ирано-турецкого договора 1727 г., по которому Турция получала не только все земли, предусмотренные Константинопольским договором с Россией, а практически всю территорию Азербайджана, за исключением полосы прикаспийских земель.

Отметим, что в начале 30-х годов XVIII в. в Иране стал выдвигаться своей энергичной антитурецкой деятельностью Надир.

В 1732-1735 гг. Надир заключил мир с Россией, по которому она вывела свои войска из прикаспийских земель. После этого он начал утверждать свою власть в Иране. Между тем, Сурхай-хан, оттянув свои войска на север стал быстро создавать новые отряды, чтобы преградить путь в случае наступления иранских войск в Дагестан. Опасаясь сильного противника, Сурхай-хан вновь стал возлагать большие надежды на турецкое государство, которое с готовностью откликнулось на просьбу своего ставленника о помощи. К Сурхай-хану, который к этому моменту уже успел собрать вокруг себя войска в количестве 12000 человек, поспешила 8 тыс. турецкая армия под предводительством Мустафа паши, Нур паши и Фети Герей-султана¹. Сурхай-хан одновременно призвал также крымских татар оказать ему помощь в борьбе с иранскими войсками. Но помощь это не подоспела.

Военно-политическая обстановка в Южном Дагестане резко обострилась, особенно после того, как в августе 1734 г. Надир обратился к кавказским владетелям с требованием «немедленно очистить территории, находящиеся под их управлением». Для принятия кавказских земель, находившихся под властью османов или их ставленников, были назначены специальные уполномоченные беглер-беки². С этого времени вплоть до своей смерти Надир придавал огромное значение созданию кавказского плацдарма, обеспечивающего верховенство в этом регионе. Военно-стратегическое положение Дагестана как опорной базы на побережье Каспия должно было способствовать решению этой задачи. Над Дагестаном, снова нависла угроза порабощения иранскими завоевателями. Многие местные владетели своевременно почувствовали эту угрозу, что оказалось на их

внешнеполитических позициях

«В прибытии моем в Дербент, - сообщал Левашов в одном из донесений, - куралинцы, которые прибывали в бунте, в подданстве России пришли и присягою обязались, и Усмий о приеме ею в подданство присылать начал¹. Внимательно присматриваясь к позиции Сурхая, он также отмечал, что «в отношении к России от него Сурхая явных ссор не является»².

Пользуясь этим, Надир старался сколотить их на свою сторону. Но Надиру не удалось добиться этой цели, дагестанские владетели не выступили против России.

В середине августа 1734 г. иранские войска захватили Шемаху, опустошили ширванские селения, многие жители были убиты. Этими мерами Надир преследовал определенную цель - устроить народы Азербайджана и Дагестана и склонить Сурхая к капитуляции.

Сурхай тем временем собирал войска в Кабалинском магале. Сражение произошло в урочище Деве-Батан между Шемахой и Кабалой. Силы были неравны, горцы выставили 20 тыс. войско, против 42 тыс. иранской армии³. Итоги этого сражения источники отмечают следующим образом: «сначала горцы потеснили иранцев, но от их пушечной стрельбы Сурхай хан устоять не мог»⁴.

К этому времени российско-иранские переговоры о возвращении Ирану Прикаспийских провинций шли к концу.

6 декабря 1734 г. иранский посол Гусейн-хан прибыл в Петербург для переговоров с русским правительством по договору. Ирану возвращались Прикаспийские провинции с городами Баку и Дербент. Однако Надир угрожая войной России, потребовал новые условия - это граница до реки Сулак.

Таким образом, вновь возвращаясь к новым условиям иранцев 10 марта 1735 г. был подписан русско-иранский Гянджинский договор о возвращении Россией Ирану, Гиляна, Мазандарана, Астрабада и части Ширвана, а также об отводе с

¹ Магомедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Баку. 1980. С. 124.

² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М. 1991. С. 103.

³ Асадова Ф.С. История Талышского ханства и его связи с Россией. С. 38.

⁴ Тамай А. Восстание 1711-1722 гг. в Азербайджане. // Уч. записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. 3. С. 82.

¹ Бакиханов А.К. «Гюлистан-Ирам». С. 113-114.

² Магомедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Баку, 1980. С. 124.

территории Дагестана русских войск за реку Сулак¹. Это означало, что значительная часть Южного Дагестана, входившая в состав России, попадала под власть Ирана в качестве важнейшей зоны. Для народов Дагестана этот договор сулил новые тяжкие испытания.

Выполнение условий Гянджинского договора ухудшило и внешнеполитическое положение в Прикаспийских областях. Добившись фактической капитуляции России, Надир стал готовиться к очередному нашествию на Дагестан.

Летом 1735 г. Надир снова выдвинул свои войска на Ширван и Южный Дагестан. Опустошая джарские джамааты, Шеки, Ширван, Шемаху, лезгинские и табасаранские магалы, встречая упорное сопротивление и неся большие потери иранские войска подошли к Дербенту. Здесь Надир разделил свои войска на 3 части. Первый отряд, под личным его руководством двинулся в Будуг и Хиналуг, другой отряд численностью 6 тыс. чел. отправил наказать докузпаринцев и ахтыпаринцев, а третье отправил в Курахское село Кабар, здесь иранские войска многих жителей казнили, некоторые были взяты в плен и увезены в неволю². Так же войска Надир-шаха поступали и в других селениях.

Недалеко от Кураха в районе современного сел. Гильяр был населенный пункт, называющийся Гияр-Шаер, окруженный оборонительной стеной. Иранские войска осадили его и после ожесточенного сражения захватили и до основания разрушили. Такой же участи подверглись еще семь южно-дагестанских селений Кулах, Цюрюх, Чурухюр, Кикентхюр, Сернер, Генек, Чехтюр.

В селении Хоредж, в завоевании которого лично участвовал Надир, разрушили все село, забрали с собой скот и имущества людей³. Таким образом, войска Надир-шаха учинили в Южном Дагестане настоящий погром, истребили большое количество жителей, разграбив и разорив села Самурского владения Кюру и

¹ Абдурахманов А.Г. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в пер. пол. XVIII в. Баку, 1964. С. 98.

² Абдурахманов А.Г. Указ. соч. С. 96; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-Шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.

³ Мустафаев Д.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII нач. XIX в.). Баку, 1989. С. 48.; Алиев Б.Г., Умаханов М.С.К. Союзы сельских обществ в борьбе за независимость Дагестана в XVII - пер. пол. XVIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 62.

Табасаран.

Весной 1736 г. Сурхай-хан напал на старую Шемаху и Дербент. Бывший правитель Ширвана Мурад-али Султан, заключив союз с Сурхай-ханом решил действовать против Надира. В это время среди жителей Дербента началось брожение. Когда Мехти Кули хан владетель Ширвана прибыл в Дербент для подавления выступления жителей города, он был убит. Направленные иранские значительные силы, ценой больших потерь одолели оборонявшихся и ворвались в город Дербент. При этом часть повстанцев бежала к уцмию Кайтага Ахмед-хану, а другие заперлись в крепости Нарынкала. Однако после ожесточенной схватки крепость была занята правительственными войсками.

Антииранские выступления были настолько частыми в Южном Дагестане и Азербайджане, что иранские военачальники, видя в них прямую угрозу собственной безопасности, уже не могли ограничиваться карательными экспедициями местного значения.

Осенью 1738 г. брат Надир-шаха, Ибрагим хан двинул большую армию в область Джар. Расположившись лагерем перед Кахом, Ибрагим хан приказал приступить к рытью оборонительных окопов.

Народные массы Азербайджана и Южного Дагестана совершенно иначе расценивали поступок Ибрагим хана. Они были уверены в том, что Ибрагим хан, прибывший с карательными целями, с уцмием заключил договор из-за слабости своих позиций. Противостояние еще больше обострилось. Забурлили джаро-белоканские союзы сельских общин, их во всем поддерживали шекинцы, кухинцы и жители других городов и селений Азербайджана. Жители Хачмаского магала вместе с кюринцами и жителями Самура не только отказались подчиниться персам, но и оказали им сопротивление. Во время движения иранских войск многие шекинцы и ширванцы, выступавшие против персов, бежали в Джаро-белоканы¹. В Ширване, Шеки и других частях Северного Азербайджана действовали как местные, так и прибывшие с Южного Дагестана отряды самообороны. В связи с этим иранцы вынуждены были продвигаться с особыми предосторожностями.

¹ Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 98.

Вскоре к джарцам из Табасарана, Самура, Кюринского ханства, Хиналыга, Ахтыпары пришло подкрепление в количестве 20 тыс. человек¹.

Недооценив силы своих врагов, Ибрагим хан решил одним ударом покончить с противником. Он оставил свой лагерь у подножья горы и, взяв с собой всех пехотинцев, двинулся на повстанцев. Путь иранского войска лежал по узким горным проходам, крутым тропинкам - все это осложняло положение иранских войск.

Со своей стороны воинственные жители джаро-белоканских «вольных» обществ, вместе с южно-дагестанскими ополченцами не раз обращавшие в бегство иранцев, также готовились к защите родных очагов.

Как и предусматривал замысел оборонявшихся, первые стычки иранцев с джарцами завершились победой иранской армии, которая стала преследовать отступавших, не подозревая о расставленной ей ловушке. Вначале иранские войска продвигались, не встречая упорного сопротивления, хотя в горах часто появлялись летучие военные отряды, которые быстро исчезали из поля зрения, создавая иллюзию, что джарцы «не надеясь на свою силу стоять от страха собирались в верхние горы»².

Введенный в заблуждение этой тактикой, недооценив силы своих врагов, Ибрагим-хан решил одним ударом покончить с противником.

Джарцы во главе с Ибрагимом Диване не препятствовали продвижению регулярной армии. Когда же появился отряд, возглавляемый Ибрагим-ханом местное ополчение внезапно начало «жестокую из ружья пальбу». Ошеломленные неожиданным нападением иранские войска даже не знали в какую сторону обратить свои ружья, так как было еще темно и пули летели со всех сторон. К тому же противник умело замаскировался в естественных укрытиях. Одним из первых пострадал предводитель иранских войск Ибрагим-хан, в которого Ибрагим

¹ Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений XV-XVIII в. Баку, 1958. С. 30.

² Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 134.

Диване выстрелил сам. Получив тяжелую рану, Ибрагим-хан упал с коня. По словам Мухаммеда-Казима, гянджинский беглербек Угурлу-хан, увидев раненого Ибрагим-хана и будучи сам раненым, позвал своего брата Гусейн Али хана и сказал ему: «Выведи его из кошмара, если не дай бог с ним что-нибудь случится, завтра весь Азербайджанский мемлекет станет жертвой гнева Надир и сгорит в огне». Однако вторая пуля смертельно сразила Ибрагим-хана. Был убит так же и Угурлу-хан¹. В этих решающих схватках, отборные иранские войска были разгромлены, их остатки пустились в паническое бегство, погибло много ханов, султанов и воинов. Тем временем, народы Южного Дагестана совместно с азербайджанскими народами продолжали неравную борьбу с завоевателем и не случайно кызыл-баши поднявшихся на борьбу горцев называли не иначе как «необузданными», «злоумышленниками» и т.п.².

Надир приказал «так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула, лучше будет в первую очередь пойти на них, стереть их с лица земли и перебить жителей того края»³. Однако примерно 30 тыс. лезгин закрыли вход в ущелье, ожидая прихода иранских войск. Разгоревшаяся между ними битва длилась целый день и в конце концов завершилась победой горцев. Кызыл-баши под покровом ночи отступили в свой лагерь⁴.

В боях с противником отличились дагестанцы, особенно предводитель джарцев Ибрагим Диване и Магомед Халил, которые гнали остатки вражеского войска вплоть до берегов Аракса⁵. После тяжелых потерь бежали в панике коменданты Каха, Шеки и Ширвана. За склонность к сговору с завоевателями горцы изгнали Али Султана из Цахура, а его сына Магомед-бека, как последовательного борца против иранского владычества признали правителем Шеки и Кахской области.

В источниках есть описание этого боя, В своем труде азербайджанский профессор Ф.М. Алиев, ссылаясь на сообщение участника карательной экспедиции, описывает следующее: «Ибрагим-хан пришел к Джарским горам ни малого

¹ Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 135; Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 125.

² Гаджиев В.Г. Разгром Надир шаха в Дагестане. Махачкала., 1996. С. 147.

³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 147.

⁴ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 147.

⁵ Арунова М.Р., Ашрафян К.Э. Государство Надир-шаха Афшара. С. 189.

сопротивления не видел. Но еще оные с покорностью к нему прислали. На что Ибрагим-хан отвечал; что он намерение взял их до основания разорить и потом пошел в горы, где три крепости взял. Тогда по горам между джарцами видны были Сурхаева владения и как только еще одну крепость осадили, то неприятеля из всех его Ибрагим-хане первого убили выстреляя по нему из трех ружей, а потом войска пришло в робость и хотя прочие командиры всячески старались оное замещение удержать, однакож лезгинцы не давая на исправления время со всех сторон сильный огонь производили и так персиян принудили в бегство обратитца и гналися за ними не только низу гор, где лагерь стоял, но и когда на ровное место выбежали, то из лезгинцев несколько сот человек конных показались и персиян жестоко встретили. Токмо вдоль за ними гнатца не отважились, на том побеге еще из командиров убиты эриванский беглербег и два султана Соух-булагский и мугамский, а из войска множество погибло, кроме что неприятеля побили, но и в узких проходах бегучи сами себя как стеснили, что многих до смерти подавили, и в реке истонуло. Понеже персияне через оную необходимо бежать принуждены были»¹.

Поражение иранских войск в Южном Дагестане весьма дорого обошлось Иранскому государству. Вместе с главнокомандующим иранскими войсками Ибрагим-ханом в этой операции погибли многие военачальники, знатные ханы и султаны.

По данным русских дипломатических представителей в Иране и современников описываемых событий, из тридцати двухтысячной иранской армии спаслись бегством лишь до 8 тыс. людей. Остальное все войско погибло. «Колико онаго при Ибрагим-хане было со многими знатными командирами, которых считают до двенадцати персон и артиллерия невидимо, что оной учинилось, которую Ибрагим хан из Табриза с собой взял состоящую в тридцати пушек»².

Говоря о поражениях иранских войск, на наш взгляд, следует также учесть то обстоятельство, что в армии у Надира, были кроме персов и другие народности. «Надир шах из всех тех городов военных людей взял

с собой»¹. А при Ибраги-хане, хотя и осталось большое войско, однако оно состояло в основном из новобранцев, не имевших ни опыта, ни навыков ведения войны.

Как видно, названные факторы, также могли способствовать столь быстрому и сокрушительному поражению. Воодушевленные успехом отряды повстанцев не довольствовались обращением в бегство противника и захватом большого количества провианта, оружия, которые были оставлены на поле битвы и в лагере Ибрагим-хана у подножья горы.

После этих побед борьба против иранского владычества охватила многие районы Дагестана, Азербайджана и Грузии. Особенно упорней она была в районе Дербентского владения, Кюринского ханства, Табасарана и Кубы.

Как и прежде, во главе этих восстаний оказались местные феодальные правители, боровшиеся не только против иранского владычества, но и за укрепление и расширение своих классовых привилегий. Подтверждение тому волна народных возмущений, прокатившиеся по Дагестану и Азербайджану в конце 30-х - нач. 40 гг.

Как доносил из Решта 20 апреля 1739 г. консул С. Аврамов, горский владелец Сурхай и другие многочисленными силами людей «согласясь поднялись на Персию и вышли из гор и находятся возле Шемахи, Мускура, Шабрана и Баки, с которыми имевшие поддерживавшего Шахова величества куринцы, куралинцы, отложась согласились же и несколько шемахинской провинции деревень взяли»². Опасаясь нападений повстанцев на Баку, Шемаху, Шабран и Дербент, что вызвало бы новую эскалацию иранских нашествий, Аврамов предполагал принять меры для защиты своих границ на Сулаке и укрепления Кизляра.

Однако сбить волну антииранских восстаний в Южном Дагестане и Азербайджане, иранским властям тогда удалось. В конце 1739 - нач. 1740 г. сын Сурхая Муртазали и кубинский правитель Гусейн-Алихан напали на Низабат, Шабран и Мюшкюр, ограбили местных жителей, после чего кубинский хан удалился в Дербент. Оставшись один во главе повстанческих масс, Муртузали продолжал действовать между Низабатом и

¹ Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 136-137.

² Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 505. С. 52.

¹ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 147.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1993. Кн. XI. Т. 22. С.

Дербентом, доходя до окрестностей крепости. Отряды Муртузали осаждали Новую Шемаху, Аг-Су, доходили до реки Куры, под давлением регулярных сил правители Аг-Су вынуждены были отступить в горы¹.

Хотя Надир-шах находился в то время далеко от Кавказа, но получив весть о новых антииранских восстаниях, распорядился немедленно отправить карательные отряды для их подавления. Узнав об этом, джарцы, талийцы и южно-дагестанские отряды объединились вокруг главы Джаро-талийского общества Хаджа Ага Муртуза-эфенди, который мобилизовал своих соплеменников для отпора ожидавшейся карательной экспедиции.

Однако Надир-шах, препятствуя объединению антииранских сил, отправил письмо Хаджа Ага Муртузу-Эфенди с требованием усмирить население, обещая пощаду и богатое вознаграждение. Не получив ответа разгневанный шах снарядил специальный отряд для защиты Ширвана и наказания джарцев зимой, когда горные дороги делаются непроходимыми и затрудняются оборонительные действия защитников.

Для выполнения этой задачи в мае 1740 г. он отправил своих командующих Мухаммеда Фетх Али-хана и Абдали Гани-хана с приказом «въехать в Ширван, где вместе с армянами командующих в Азербайджане и Грузии, уничтожив лезгин Джары и Талы в течении осени и зимы»².

Лихорадочные действия шаха были вызваны тем, что правящие круги Османской империи пытались воспользоваться создавшейся обстановкой, чтобы привлечь на свою сторону джарцев и лезгин путем подкупа и иными средствами.

Таким образом, с осени 1740 г. Дагестан снова оказался в центре внешней политики Ирана, хотя началом подготовки Дагестанской компании можно считать концентрацию сил для штурма и уничтожения джарских джамаатов.

Однако ни многократное численное и военное превосходство вражеских войск, ни угрозы Надир шаха не сломили воли и сопротивление джарцев и пришедшие к ним на помощь из гор лезгин. Военные действия начались осадой противником джарских укреплений.

После упорного сопротивления джарцы и лезгины отступили к Хадыку. Не выдержав наступления превосходящих сил противника, защитники перешли в третье укрепление, где продолжали сражаться с поразительным упорством, «От самого утра до позднего вечера, -свидетельствует А. Бакиханов, - продолжалась упорная битва. Обе стороны понесли одинаковую потерю. Наконец, в полночь абдалины, несмотря на град пуль и камней, подавлявшие их, взойшли на вершину и овладели укреплением, лезгины отрезанные с северной стороны и не видя возможности спастись, бросались со скал в пропасть. Те же которые не имели такой решимости, погибли под кинжалами победителей»¹.

Подавив очаги сопротивления, иранские войска двинулись в другие места. Тотальный террор завоевателей был вызван тем, что области Ширван, Шекинская имели добрососедские отношения с народами Южного Дагестана и имели разнообразные связи. Поэтому военачальники Надир-шаха преследовали политическую цель, - заморить голодом население непокорного им Южного Дагестана².

В апреле 1741 г. 16 тыс. иранское войско под командованием Абдали Гани-хана напало на джарские джамааты. «Но ко оным же джарцам, -доносил астраханский губернатор С.В. Голицын, - намерены идти на помощь горский владеец Сурхай и его сын Муртазали. По видимому это помощь подоспела вовремя и сыграла свою роль в победе над противником». Наместник шаха в Дербенте Наджаф Султан получил приказ идти с войсками на соединение с Хасбулатом «и как оное войско в Тарки прибудет то сколько шамхал сможет собрать своего войска и с оным персидским войском идти на Сурхая и на тавлинцев»³.

Таким образом, несмотря на неоднократные обращения и угрозы Надир-шаха, дагестанские владетели не изъявили готовности выступить на его стороне.

В марте 1741 г. Надир-шах двинул на Дагестан 100-тысячную армию. Шах стремился не только отомстить лезгинам за гибель брата Ибрагим хана, как объявил он публично, но главным

¹ Бакиханов А.А. Гюлистан-Ирам. Баку., 1926. С. 146.

² Бакиханов А.А. Указ. соч. С. 147; Шихсаидов Р.С. Взаимоотношения Дагестана с Азербайджаном XVIII-нач. XIX в. Махачкала. 1971. // Рук. фонд. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 239. Л. 48.

³ Алкалари Г. Асари Дагестан. С. 70.

¹ Там же.

² Бакиханов А.А. Гюлистан и Ирам. Баку, 1926. С. 120.

образом завоевать Дагестан, чтобы показать России свою ударную силу¹.

Решение этой задачи облегчалось тем, что после разгрома джарских джамаатов, где погибло немало дагестанских воинов и после многочисленных стычек с иранскими войсками в 1739-1740 годах, горцы не сумели подготовиться к организованному сопротивлению и вынуждены были отходить в неприступные места под натиском врага. Пользуясь этим иранские войска развернули наступление через Барду, Кабалу, Шахдаг, и ломая сопротивление азербайджанцев, табасаранцев и лезгин, беспощадно расправляясь с ними, к концу мая достигли территории Южного Дагестана. В связи с приближением иранских войск к Дербенту казикумухский хан Сурхай и уцмий Ахмед хан обязались взаимной клятвой сражаться с врагом вместе до конца.

Решимость к сопротивлению Сурхая и уцмий Ахмед-хана снискала к ним симпатии горских масс. Не желая попасть под иранское владычество, они создавали свои отряды, становились под знамя наиболее последовательных борцов против иранского нашествия.

Однако они осознавали, что собственными силами не смогут оградиться от нависшей опасности. В обстановке разорения своего края владельцы и старшины Дагестана активно искали поддержки извне, один со стороны России, а другие Османской империи. В свою очередь Российское государство усиливало в этом крае пророссийскую ориентацию. «Они все чаще и чаще уточняют позиции местных владельцев и стали обращать свои взоры на Север»². Правящие круги Ирана, обеспокоенные обращением горцев к России, пытались помешать сближению Дагестана с Россией путем давления на местных владельцев методами подкупа и устрашения.

Разорив Дженгутай, Акушу и Кубани, Надир шах решил направить основные силы против Сурхая, но встретился с еще большим сопротивлением в Табасаране и Рутуле.

Разъяренный шах приказал убить находившихся при нем табасаранских владельцев, а затем заявил: «так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула лучше будет в первую очередь

¹ Арунова М.Р. Ашрафян К.З. Указ. соч. С. 201.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М, 1965. С. 131

пойти на них, стереть их с лица земли и перебить жителей этого края»¹. С этой целью шах повелел двухтысячному отряду хорасанских стрелков совершить марш на Табасаран и занять главное ущелье, которое связывало жителей с внешним миром и могло бы служить единственным каналом спасения на случай блокады с других сторон.

Однако табасаранцы опередили противника, сами заняли это ущелье и нанесли ему значительный урон. Отправленный на помощь попавшим в беду иранцам 10 тыс. отряд правителя Грузии Хан Джана не спас положение. Потребовалось вмешательство самого шаха, который перебросил туда же новые силы, надеясь внести перелом в ход битвы, продолжавшееся двое суток. На третий день битва возобновилась и по описанию источника: «со всех сторон Дагестана пришло много лезгин на помощь табасаранцам. Собралось огромное количество людей, так, что горы, склоны ее и вся земля были полны пешими лезгинскими стрелками. С обеих сторон разгорелась битва и сколько иранские войска не старались, ничего не помогло. Час от часу росло могущество лезгинского племени. Целый день те два войска не щадили друг друга. Множество людей с обеих сторон были убиты. Когда усталость овладела обеими сторонами, поневоле оба жаждущих мести войска направились к своим стоянкам. Но шахские молодцы, среди которых было много раненых, ослабили духом. Они удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного народа лезгин»².

По данным Мухаммед Казима битва продолжалась четверо суток и закончилась поражением шахских войск. «Из места Дюбек и Барсарли, как было доложено шаху разведчиками, было много лезгин. Численно лезгин было больше и мы не выдержали их натиска и отвернулись с поля битвы»³.

Получив это известие, шах поспешил к аулу Дюбек, надеясь разгромить горцев в открытом бою. Но те успели занять вершины и склоны горы у входа в главное ущелье и преградили путь

¹ Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства. Сефевидов. Баку, 1962. С. 87.

² Цит.: по Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири». Мухаммед-Казима в первом походе Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала., 1976. С. 78.

³ Цит.: по Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири». Мухаммед-Казима в первом походе Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала., 1976. С. 78.

противнику. Иранские войска были окружены горцами. Не вступая в прямую схватку с превосходящими силами врага, они ушли в высокогорные вершины, куда к ним прибыло 10 тыс. аварцев. Как видим, аварцы пришли на помощь табасаранцам, лезгинам и азербайджанцам бороться против Надира. Смешанные отряды дагестанцев преградили путь иранцам¹. Отряд, отправленный в табасаранское село Дюбек, трое суток сражался с Сурхаем, но не добился цели и отступил обратно.

Серьезную озабоченность шаха перед вторжением в Дагестан продолжали вызывать крепнущие связи народов Южного Дагестана с Закавказьем и Россией. Стараясь не допустить развития этого опасного для своих захватнических планов процесса, он старался блокировать Дагестан, соорудив на его территории ряд укреплений, отрезать горцев от их соседей. С этой целью передовым иранским частям, выступившим из Табриза в марте 1741 г., был дан приказ ускоренным маршем следовать на Кюру и Самур и подготовиться к наступлению в сторону Дербента, для чего «крепость делать - первую против Усмиева владения возле моря на реке Бугале, она же и Усмейка, другую крепость против Буйнака на реке Манасе, третью крепость на реке Сулаке, где бывало прежде всего крепость Святого креста... десять тысяч человек послать и поставить в вершине реки Терека для непропуску горских людей в Россию»².

Находившийся в Стамбуле русский агент Николай Буйдий, сообщая о том, что шах сам руководит всеми военными операциями, докладывал: «Шах Надир путь свой продолжает в Демир Капи (Дребент) для утеснения лезгинцев, дабы в его подданство отдавались»³.

Однако репрессии иранских властей не запугали дагестанских владетелей, а наоборот усилили стремление к единству между ними и тягу к совместной борьбе. Узнав о притеснении уцмий, Сурхай отправил к нему нарочного, «чтобы он персиянам не вскорости отдавался», сам же Сурхай отослал обратно шахского посланника Хасан-бека с ответом: «Я де к шаху персичкому не буду, а буду до времени здесь, а когда де здесь

жить места не будет то пойду к туркам»¹.

Потерпев поражение в боях с народами Дагестана, шах приступил к реализации новой тактики. Для создания новых сил и оградить оставшиеся войска от постоянных нападений повстанцев он возвел недалеко от Дербента укрепленный лагерь, получивший позже название «Иран хараб» (Разорение Ирана). Но здесь и не находили они покоя подвергались налетам горцев. Как сообщил Калушкин в донесении от 8 октября 1741 г. «табасаранцы стоявшего от Дербента в пятнадцати верстах персичкого командира Рустамбека, при котором было восемь тысяч войска»².

Иранские войска, как было сказано выше, находились в постоянной тревоге, болезни и голод уводили многих людей, необрунные трупы валялись на улицах Дербента. Шах обвел свой лагерь высоким земляным валом, а из опасения внезапного налета повстанцев перевез в Дербент семью, гарем и ценности. Но эти меры не могли обеспечить полной безопасности, пока сохранялось единство горцев.

В условиях нового подъема освободительной борьбы народов Дагестана положение иранской армии продолжало ухудшаться. В конце 1741 - начале 1742 г. Калушкин неоднократно доносил, что шахское войско претерпевает «крайнюю во всем нужду... у шаха с лезгинами развязалось тяжелое положение, от которого Персия пострадает. Особенно тяжелое положение сложилось в Дербенте и в его окрестностях, в том числе шахском лагере Иран Халаб»³.

Чем больше ослабевала шахская власть, владетели и старшины Дагестана более активно добивались покровительства России, надеясь на ее поддержку для свершения Иранского владычества.

В конце марта шах попытался привести в покорность уцмий и его сторонников, но был отбит со значительными потерями. Подобные примеры имели не единичный, а массовый характер. Героическая борьба народов Дагестана подрывала базу иранского владычества и заметно ослабляла военно-феодальную державу Надир-шаха. Совпадая со стратегическими целями царского правительства на Кавказе, она встретила взаимопонимание со

¹ Там же.

² Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 138; Джаваров Г.Д. Связи Азербайджана со странами Передней Азии. Баку, 1984. С. 107.

³ Далили Х.А. Южные ханства Азербайджана во 2-ой пол. XVIII в. Баку, 1967. С. 48.

¹ Там же.

² Цит.: по кн. Сотавов Н.А. «Крах Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С.169.

³ Абдулаев Г.Б. Указ. соч. С. 207.

стороны России и потому стала важным фактором сближения российских политиков и дагестанских владетелей. Позитивному развитию этого процесса способствовала обширная информация, поступающая от русских резидентов из персидского лагеря, в которой настойчиво подчеркивалась мысль о твердой решимости народов Дагестана отстоять свою независимость и самим перейти в наступление. Надо полагать, что непримиримая борьба народных масс против иранского владычества оказывала решающее влияние на позиции дагестанских владетелей, продолжавших активно добиваться покровительства и помощи со стороны Российского правительства. Российское правительство, учитывая сложившуюся ситуацию, действовало осторожно, поощряя горцев в борьбе против Ирана, снабжая провиантом тайно обнадеживая через дипломатические каналы, хотя кавказская военная администрация, повседневно общавшаяся с местным населением, была готова действовать более решительно.

В течении 1742 г. Надир-шах предпринял ряд новых попыток покорить дагестанцев и их соседей. Так, в мае 1742 г. во главе 30-тысячного войска он трижды наступал на Табасаран, но вынужден был отходить назад с большими потерями. Если попытки иранского правителя покорить Табасаран и Кайтаг, закончились провалом, то сражение за Калакорейш (Кайтаг), стало одной из ярких страниц освободительной борьбы народов Дагестана. Мы не будем останавливаться описанием сражения за крепость Калакорейш, об этом досконально сказано в исторической литературе.

Народы Дагестана с каждым днем наращивали удары по местам дислокации вражеских войск. Как и прежде, они чаще нападали на Иран Хараб, грабили обозы, мешали доставки провианта в шахский лагерь, кроме всего этого, начались антииранские восстания и в Азербайджане, так в самом Ширване, Гянджи и др. населенных пунктах в поддержку жителей Южного Дагестана¹.

В конце 1744 - нач. 1745 г. по Дагестану прокатилась новая волна антииранских выступлений. Восставшие наносили одно поражение за другим размещенным здесь шахским гарнизонам и подступившим к Дербенту войском Гани-хана².

¹ Алиев Ф.М. Антииранские выступления... С. 137.

² История Дагестана. Т. I. Махачкала., 1967. С. 373.

Это восстание представляло собой освободительную борьбу на территории Южного Дагестана, «так как... наносил удар по одному из сильнейших оплотов власти иранского шаха по дербентскому гарнизону»¹. Обеспокоенный Надир выступил из Баку и с 30-тысячным войском к концу декабря 1744 г. подошел к Дербенту. Одновременно шах пытался продлить свое пребывание в Дагестане путем укрепления Дербента, куда он перенес ставку, но фактически вынужден был признать банкротство своей политики и возрастающее влияние политики России.

Влияние России усиливалось и тем, что часть российских войск находившихся в Кизляре, была расквартирована по р. Койсу для наблюдения за передвижением иранской армии. Шаги, предпринятые правительством России, способствовали стабилизации положения и позитивно сказались на настроении местного населения, укрепляя его готовность к борьбе против шахских карателей. Это же способствовало тому, что четвертый поход Надир-шаха, как и предыдущие три похода (1734, 1735, 1741 г.), закончился полным провалом. «Многочисленные кровавые походы в Дагестан шаха Надира для наказания непокорных владетелей и горцев, - писал Неверовский - только во время смирил лезгин»².

Будучи измучены голодом, иранская армия начала отступление через р. Самур, и здесь она подверглась нападению со стороны лезгин и азербайджанцев. «От реки Самур до Шабрана на расстоянии 55 верст дорога человеческими трупами и падалицами была устлана»³.

Не повезло и в дальнейшем движении. Кроме всякого рода неприятностей в походе от Шабрана «по причине случавшегося жестокого ненастья и метелицы крайнее себе изнурения нанес и собственный шаховых конюшни больше 1 тыс. мул в дороге погибло, и еще с голоду и холоду немалое число людей померло и затем множайшее из чиновников продолжали путь пешими от стана до стана»⁴.

Так бесславно завершилась Надирова эпопея «покорения»

¹ История Азербайджана. Баку, 1958. Т. I. С. 328.

² Неверовский А.А. Краткий взгляд Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 13.

³ Гаджиев В.Т. Разгром... С. 199.

⁴ Гаджиев В.Т. Разгром Надир шаха в Дагестане. С. 200.

Дагестана. Освещая результаты войны шаха в Дагестане и Азербайджане источники отмечают: «Надир ничего не достиг, кроме того, что разорил свое войско¹. Итак, один из крупнейших полководцев XVIII в. Надир-шах имевший своей целью поставить горцев на колени оказался сам поверженным. Те самые горцы, которых он стремился физически истребить и переселить, вынудили его к бесславному отступлению во главе разбитой, развалившейся и голодной армии.

§ 2.2 Южный Дагестан во внешней политике России, Турции и Ирана XVIII-XIX вв.

В последней трети XVIII - нач. XIX в. Южный Дагестан все более и более приковывает к себе внимание на Кавказе великих держав - России, Ирана и Турции. Укрепившись на Черном море, Российская империя вновь обратила свой взор на Каспий. В свою очередь Порты не оставляла далеко идущих планов в регионе. Эти две враждовавшие империи делали все возможное в своих стремлениях окончательно вытеснить Иран за пределы Кавказа².

В борьбе за господство на Северо-Восточном Кавказе Россия являлась более могущественной державой. Османская империя, пережившая период глубокого кризиса, пыталась найти выход из него. Подстрекаемая европейскими державами, Порты желая усилить свое влияние в регионе, развернула активную антироссийскую агитационную деятельность, посылая в Дагестан своих агентов с письмами, деньгами и подарками, убеждая «дагестанцев готовиться к священной войне»³. С осени 1783 до весны 1787 г. на Кавказе, в частности в Южном Дагестане, находилась группа турецких эмиссаров во главе с Халилом Эфенди, на которого была возложена задача создания союза владетелей Кавказа с Портой, в результате чего и был номинально создан военный союз между ахалцихским пашою и азербайджанскими и дагестанскими феодалами⁴.

¹ Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов. Баку, 1962. С. 110.

² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 145.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. I. С. 71.

⁴ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.

Европейские державы, обеспокоенные усилением позиций Петербурга, активизировали антироссийскую пропаганду, обещали султану оказать помощь в возвращении Крыма. Англия пыталась создать свой военный союз с Турцией, действуя на два фронта.

В свою очередь персидские дипломаты, путем подкупа и помощи, вооруженные предложениями, оказывали Порте свою помощь. Летом 1787 г. английский посол добился предъявления «Высоким диваном» ряда ультимативных требований к Петербургу, который и сам искал повода к войне. Турция получила резкий отказ и 13 августа объявила России войну.

Следует отметить, что хотя Турция и пыталась настойчиво вовлечь Дагестан в эту войну, посылая своих эмиссаров с чрезвычайными поручениями, по признанию русских историков «железного союза» с владетелями Дагестана «вполне добиться нельзя»⁵.

В апреле 1790 г. Гудович сообщал Астраханскому губернатору о том, что шамхал известил его о поступлении из Турции фирманов к азербайджанским владетелям. «Ему шамхалу равно и дагестанским владетелям..., что в город Сунджук и Анапу отправлено будет в великом числе от Султана войска с повелением иметь движение к Кизляру». 18 июля поступило еще одно письмо шамхалу от ахалцихского паши, где говорилось следующее «получил я от двора турецкого высочайшее монаршее повеление, последовавшее к Вам и прочим дагестанским ханам, чтоб чинили Вы сильное на сопредельных врагов наших, беззаконных россиян и на их селения и города нападения». Однако дагестанские владетели не вняли этим Требованиям⁶.

Османская армия во главе с Батал-пашою предприняла летом 1790 г. наступательные действия против России на Кубани. В их задачу входило пройти через Кабарду и взять Кизляр, склоняя «к нападению на Кизляр дагестанцев и ханов Ширвана»⁷. Но турецкая армия, насчитывавшая 6 тыс. воинов была разгромлена русскими войсками, а сам Батал-паша сдался в плен⁸.

Не только в годы русско-турецкой войны, но и после нее

207.

⁵ Бижов А.Х. Адыги северо-западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х - нач. 30-х г. XIX в. Майкоп, 1994. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ АКАК. Тифлис, 1869. Т. П. С. 1119

⁸ РДО. 1988. С. 217.

Турция продолжала посылать своих агентов в Дагестан¹. Однако поведение местных правителей свидетельствовало о том, что они не намерены выступить против России.

Обстановка в Дагестане была накалена и не только из-за длительной борьбы России и Турции, но и с возникновением «каджарской угрозы». После смерти Керим-хана Зенда в Иране развернулась ожесточенная борьба за центральную власть между Зендами и Каджарами, во главе которой стоял Ага-Мухаммед-хан Каджар. Энергичный, в то же время очень жестокий Ага Мухаммед хан, за короткий срок смог подчинить себе все северные провинции Ирана и фактически стал правителем страны². Турция поощряла агрессивные планы Ага-Мухаммед хана на Кавказе и оказывала ему различную помощь. Каджарская угроза Дагестану стала реальностью. В свою очередь Ага Мухаммед хан обратился с письмами к кюринскому хану, дербентскому, азербайджанскому и грузинским правителям с требованием, чтобы не только признали его власть, но и порвали все отношения с Россией. Это и послужило тому, что все эти государственные деятели заключили договор, направленный на совместную защиту со стороны как Ирана, так и Турции.

В свою очередь Турция всячески пыталась разжечь пламя войны между Ираном и Россией, чтобы воспользоваться ослаблением обеих сторон для распространения своего владычества. Поэтому они поощряли агрессивные планы Ага-Мухаммед хана на Кавказе и оказывали ему всяческую поддержку и помощь.

В то же время, Франция пыталась отвлечь Россию от участия в антифранцузской коалиции, добивалась начала войны между Ираном и Россией. С этой целью французские эмиссары подогревали устремления Ага Мухаммед хана на Кавказе³.

Во второй половине XVIII в. на территории Дагестана образовалась антикубинская коалиция, которую возглавил кайтагский уцмий Амир-Гамза. Недавний союзник Фатали-хана щедро награжденный за помощь, оказанную в период борьбы за Дербент, оказался в числе его противников. Произошло это в силу

ряда причин: усиление власти Фатали-хана, и кроме того, отказ Фатали хана пропустить отряды уцмий через Кубинское ханство в Шемаху.

По просьбе Фатали-хана в помощь ему, а также для обеспечения интересов России на Восточном Кавказе в Дербенте был оставлен гарнизон в 500 человек, основные же силы русских войск были возвращены в Кизляр.

Таким образом, с помощью России Фатали-хан восстановил свое пошатнувшееся положение и усилил влияние на Восточный Кавказ.

В 1781 г. войска Ага-Мухаммед хана Каджара заняли Гилян и предали огню его столицу Решт. Вытесненный из своего владения гилянский Гидаят-хан вынужден был бежать к Фатали-хану и искать у него помощи. В свою очередь дербентский хан организовал поход на Гилян в том же году, объединив военные силы и отряды Дербентского, Бакинского, Шемахинского, Карабахского, Талышского и Ардебильского ханств. В походе принял участие также войска кюринского хана, тарковского шамхала и кайтагского уцмий¹. Такой широкий состав участников похода на Гилян свидетельствовал о формировании чувств единства у дагестанцев и азербайджанцев в борьбе против шахского Ирана. Гилянская провинция была очищена от войск Ага Мухаммед хана Каджара. Вдохновленный победой в Гиляне, Фатали хан решил осуществлять давно вынашиваемый им план присоединения к созданному объединению, хотя бы части ханств. С этой целью весной 1784 г. он организовал поход в Ардебиль. В мае месяце его войска овладели Ардебилем и продолжали двигаться на юго-запад. Однако его попытка встретила сопротивление со стороны некоторых азербайджанских ханов. Этого не желало и правительство России², которая по словам П.Г. Буткова: «Когда войска Фатали-хана овладели Ардебилем, ген. Поручик Потемкин потребовал от хана, чтобы распустил свое войска»³. Вследствие настояния П.С. Потемкина, а также враждебных действий ардебильского Назар-али хана и карабахского Ибрагим хана Фатали-хан вынужден был отозвать свои войска из Ардебиля.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 223.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С. 173.

³ Джагиев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII - пер. пол XIX в. Махачкала, 1989. С. 127-128.

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 237.

² Ибрагимбеи Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969. С. 60.

³ Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа. 1722-1803 г. СПб., 1809. Ч. II. С. 17.

Характеризуя деятельность Фатали-хана, как выдающегося государственного деятеля, следует подчеркнуть три линии политики, которых он неизменно придерживался. Во-первых, бескомпромиссная борьба за отделение Азербайджана и Южного Дагестана от Ирана и создание единого государства, во-вторых, четкое отмежевание от султанской Турции и, в-третьих, не изменение верности союзу и дружбе с Россией. Именно при Фатали-хане, происходила активная внешняя политика. Его владения расширились за счет азербайджанской территории и за счет южно-дагестанских земель, чем и была вызвана борьба против него ряда феодальных владетелей Дагестана - уцмий Амир Гамзы, казикумухского и аварского ханов, табасаранского кадия и т.д.

Особенно активную внешнюю политику проводил Фатали-хан в отношении с Россией, добиваясь своего принятия под ее покровительство. Однако смерть Фатали хана в марте 1789 г. прервала окончательно все переговоры по этому вопросу.

Российское правительство в свою очередь поддерживало тесные торговые и политические сношения с Фатали-ханом, объединившим вокруг себя близлежащие села Южного Дагестана.

Тем временем из Стамбула в Дагестан поступил фирман Селима III из которого явствовало «большое неудовлетворение султана за вступление вечное подданство» России шамхала и дербентского хана¹. Поэтому в августе 1794 г. из Дагестана в Стамбул отправилось посольство, в составе которого кроме представителей таких, как ширванского, шушинского, акушинского кадия, шамхала Тарковского, был представитель и Шихали хана от Южного Дагестана. В их письме к султану заверялось об их верности Турции и о готовности выступить против России в том случае, если Турция им окажет финансовую помощь. В ответ на это султан обещал отправить в Южный Дагестан с ханскими регалиями Капуджи-баши, который туда непременно прибудет².

На самом же деле Турция и не намерена была оказать Дагестану помощь, зная реальный расклад сил и дел в регионе, над которым нависла угроза иранского вторжения. В их планы

входило столкнуть своих вечных противников - Россию и Иран, используя при этом народы Кавказа.

Карабахский Ибрагим-хан стал выступать в роли организатора антикаджарской коалиции. В начале он восстановил дружеские отношения с Умаханом аварским, войска которого с 1792 г. находились в Карабахе¹. Как свидетельствуют источники, Ираклий I, правитель Эривана Мухеммед-хан и правитель Талыша Мир-Мустафа-хан совместно с Ибрагим-ханом поклялись не повиноваться Ага-Мухаммед-хану Каджару, а быть союзником и помогать друг другу².

Следует отметить, что большинство дагестанских владетелей, как и прежде, являлись сторонниками русской ориентации.

Что же касается Шихали-хана, то он в начале своего правления не проявил особого желания установить дружеские отношения с Россией и даже начал преследовать и притеснять сторонников Петербургского двора. Тем не менее, нельзя утверждать будто Шихали-хан был ярким противником России и сторонником Ирана и Турции. Это подтверждает письмо самого хана к Н.В. Гудовичу, в котором объявляется о его готовности при помощи России

оказать сопротивление Ага Мухаммед хану³. Однако ради сохранения своей власти, хан в зависимости от обстоятельств, лавировал между Ираном и Россией⁴.

К началу 1793 г., укрепившись в основных районах Ирана, Ага Мухаммед хан начал рассылать закавказским владетелям фирманы об их подчинении ему, что побудило Шихали - хана вновь обратиться к России за покровительством. Для ведения переговоров о покровительстве везир Шихали - хана Мирза-Хасан в марте 1793 г. выехал в Россию⁵.

В рапорте И.В. Гудовича Государственному Совету сообщалось, что «присланный от Шихали хана с полной доверенностью первейший чиновник его Мирза-Хасан учинил

¹ Гамидова Ц.Г. Из истории азербайджано-грузинских отношений во 2-ой пол. XVIII в. Баку, 1986. С. 106.

² Гамидова Ц.Г. Из истории азербайджано-грузинских отношений во 2-ой пол. XVIII в. Баку, 1986. С. 106.

¹ Левинатов В.Н. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 152.

² Там же.

³ История Карабахского ханства. Баку, 1971. С. 83-84.

⁴ Сумбатзаде А.С. Кубинское восстание. 1837. Баку, 1961. С. 57.

⁵ Там же.

е.и.в. именем хана своего полную подданническую присягу»¹.

Однако Шихали - хан отказался от присяги на верность России. В январе 1794 г. И.В. Гудович подробно уведомил императрицу о таком поведении Шихали - хана. В этом рапорте он также особо отметил, что несмотря на колебания хана, все больше растет тяготение местных жителей к России².

Поддерживая связь с Ага-Мухаммед-ханом, Шихали - хан в то же

время продолжал переговоры с главнокомандующим русских войск. Цель этих переговоров как с Ага-Мухаммед-ханом, так и с И.В. Гудовичем была ясна - Шихали-хан просто не хотел терять самостоятельность, ради чего он и прибегал к политике лавирования между Ираном и Россией.

Вероятность нашествия на Южный Дагестан Ага-Мухаммед-хана, толкнула Шихали-хана вновь осенью 1793 г. обратиться к генералу И.В. Гудовичу, за финансовой помощью для организации обороны. При этом он предупредил И.В. Гудовича, что если через десять дней после получения письма ему не будет дан «требуемая помощь», то он покорится Ага Мухаммед хану³.

Таким образом, из-за неустойчивой политики Шихали-хана в пер. пол. 90-х годов XVIII в. Южный Дагестан так и не был принят под покровительство России.

В инструкции посланной И.В. Гудовичу говорилось: «для обеспечения безопасности прикаспийских провинций особое внимание надо уделить на край Азербайджан и Дагестан и области к морю Каспийскому прилегающему»⁴. И.В. Гудович, по предписанию правительства должен был склонить Ага Мухаммед-хана отказаться от притязаний на прикаспийские провинции, подкрепляя свои предложения тем, что с этим в свое время согласился и Али Мурадхан Исваханский⁵. Как видно из инструкции, Россия не желала уступать прикаспийские провинции Ирану. И.В. Гудовичу предписывалось объявить Ага-Мухаммед-хану следующее, если хочет, чтобы Россия признала его шахом Ирана, то ему следует претендовать «на области к Каспийскому

морю прилегающие» называя в их числе Самурский округ, Дербент, Бакинское и Карабахское ханства¹.

Как свидетельствует содержание инструкции, Россия имела твердые планы в отношении Закавказья, а также Дагестана.

Тем временем войска иранцев захватили Грузию, вторглись на территорию Азербайджана. С начала 1795 г. к Ага-Мухаммед-хан несколько раз потребовал от закавказских и южно-дагестанских ханов признания его власти, а также отправки аманатов к нему в знак покорности. Но они за исключением Шихали-хана, ответили ему отказом.

В регионе развернулась всеобщая народная борьба против иранских завоевателей. Особенно большие потери иранцы несли от совместной борьбы ополченцев из Кюринского ханства, Ахтыпаринского общества вместе с карабахскими вооруженными отрядами под предводительством Ибрагим хана. Описывая эти события, источники отмечают: «Тамошний Ибрагим-хан, имеющий при себе довольное число лезгин, к нему присоединившихся по поводу родства его с их владельцем на довольное расстояние преследовал отряд иранских войск и отбил у него до 8000 пленных захваченных войсками Ага-Мухаммед хана в Грузии»².

Активные действия Ага-Мухаммед хана в Ширване, его намерение овладеть Южным Дагестаном вплоть до самого Дербента, заставили Россию отправить отряд под командованием генерала И. Савельева, который состоял из трех батальонов, кавалерии с орудиями. В декабре 1795 г. Гудович предписал генерал-майору Савельеву «следовать через Тарки в Бойнакск и стараться в Бойнакске пригласить всех дагестанских владельцев и обязать их на общую оборону»³.

По дороге Савельев послал своего офицера в Тарки, который застал у шамхала посла от Ага-Мухаммед-хана с требованием, чтобы шамхал собрал войско и присоединился к нему на поход в Грузию. Несмотря на это, сам Савельев в Тарках был встречен с «полным почетом», а сын шамхала Мехти решил идти с русскими на Дербент⁴. Кроме отряда Савельева,

¹ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965.

² Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-хан-Шура, 1906. С. 107.

³ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-хан-Шура, 1906. С. 107.

⁴ Бижов А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х нач. - 30-х г. XIX в. Майкоп, 1994. С. 74-75.

⁵ Там же.

¹ Мустафаев М. Указ. соч. С. 85.

² Сумбайзаде А. Указ. соч. С. 38.

³ Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во 2-ой пол. XVIII - нач. XIX в. Махачкала, 2000. С. 117.

⁴ Джахияева Э.Г. Указ. соч. С. 103.

участвовали еще отдельные отряды русских войск; это отряд полковника Сырыхнева и отряды в крепости Баку и на острове Сара в Талышском ханстве. Общая численность экспедиционной армии достигала 20954 человека, из коих 11 тыс. составляла пехота, 9 тыс. конница, артиллерия насчитывала 103 орудия¹. Общее командование экспедиционной армией было возложено на ген. поручика В. Зубова.

Русским войскам, направленным в Дагестан специальным указом Екатерины II предписывалось, чтобы при движении они соблюдали безукоризненное поведение, чтобы никакие притеснения местным людям не делали, ограждали неприкосновенность личного имущества, безопасность, уважение к религии народов Дагестана, внимание к ним. В то же время внешняя политика русского царизма в Дагестане в конце XVIII в., направленная на подготовку присоединения этих территорий к России, отличалась большой осторожностью и дипломатическим характером, что на первых порах создавало у населения иллюзии по отношению к России. Население верило, что законы царской России сохраняли неприкосновенность имущества и гарантировали некоторые личные права, чего не было при прежних властях².

Российские войска с помощью местных ополчений 10 мая 1796 г. заняли Дербент, вслед за ним были заняты Куба и Баку³.

Цель похода 1796 г. заключалась, прежде всего, в вытеснении Ага-Мухаммед-хана из всех прикаспийских владений, улучшении русско-азербайджанской и русско-дагестанской торговли. Помощь, оказанная русской армией, спасло население Дагестана, Азербайджана и Грузии от разорения, порабощения и физического истребления.

Грабительские действия Ага-Мухаммед-хана и его полчищ в Южном Дагестане, усилили ненависть дагестанцев к этому кровавому завоевателю, в то же время они усиливали симпатии к русскому государству⁴. Этим и объясняется активное участие населения в иррегулярных войсках Дагестана на стороне русской армии в русско-иранских и русско-турецких войнах.

Однако русскому правительству и военному командованию

экспедиционной армией не удалось полностью осуществить намеченный план. Персия же в свою очередь ввиду нахождения на Кавказе русских войск, не решалась оказать помощь Ших-алихану, Между тем 6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II и Павел I приказал приостановить дальнейшие действия русских войск и вернуть их на Кавказскую линию. В.А. Зубов был отстранен от командования войсками, главнокомандующим был назначен ген. И.В. Гудович.

С выводом русских войск внешнеполитическое и внутреннее положение Дагестана резко обострилось. Шихали-хан вернул себе власть в Южном Дагестане и в Дербенте. Ага-Мухаммед-хан стал готовится к новому вторжению. Почти во всех владениях Кавказа были разосланы фирманы, в которых уход русских войск объяснялся страхом перед персидским оружием. Основные силы персидских войск, как и в первом походе, готовились к вторжению в Азербайджан и в Южный Дагестан. Однако осуществить свои жестокие планы ему не удалось. В июле 1797 г. Ага-Мухаммед-хан был убит своими же нукерами, а его приближенные бежали в Иран.

С уходом иранских войск, создалась благоприятная обстановка для присоединения Восточного Кавказа к России, тем более, что феодальные владельцы Дагестана неоднократно обращались к России с письмами, в которых просили принять их в подданство¹. Однако отношение Шихали-хана, как и прежде, не было последовательным. Как известно, в целях сохранения своей власти, он лавировал между Ираном и Россией.

Недовольство местного населения Южного Дагестана Шихали-ханом привело к тому, что в Дербенте была установлена власть Хасан-хана брата Шихали-хана. В рапорте на имя ген. Л. Кнорина от 28 мая 1800 г. доносилось «... уцмий Каракайтагский и кадий Табасаранский хотят. Однако эти владельцы делают все по воле и согласию Шихали-хана, возмущенный народ обратился за помощью к ген.- л. Мегди-Шамхалу Тарковскому, чтобы восстановить спокойствие. Уцмий и кадий с войском прибыли, сам Шихали-хан со стороны Азербайджана с войском прибыл»².

Опасаясь нападения Шихали-хана, Хасан-хан обратился к

¹ Ибрагимбейли. Х. М. Указ. соч. С. 54.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 27.

³ Там же

⁴ История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 381.

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 172.

² Магомедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджана XVIII - нач. XIX в. Баку, 1980. С. 22-23.

русскому правительству, прося о помощи против своего брата. Вскоре сам Шихали-хан обратился к русскому двору с просьбой прислать в его распоряжение шеститысячное войско, с помощью которого он хотел подчинить не только территории Дербента, Табасарана, Кюриского, Ахтыпаринского обществ, но и Бакинское ханство и Сальяны. Однако никому из них, не удалось получить ожидаемой помощи от правительства России. Россия, стремившиеся не обострять свои отношения ни с одной из сторон, приняла компромиссное решение. Жалованной грамотой от 28 августа 1800 г. Она утвердила Хасан-хана правителем в Дербенте, а Шихали-хана в Азербайджане (Кубе)¹.

Тем временем русские войска под Елисаветполем нанесли сильный удар иранским войскам, тогда же в Дагестан вступили русские войска под командованием ген. Г.И. Глазенапа, и те условия, выдвинутые Шихали-ханом в ходе переговоров с Глазенапом о передаче ему владения Сальян и Бакинского ханства, показались генералу неприемлемыми².

В свою очередь жители Южного приморского Дагестана оказали посильную помощь продвигающимся русским войскам. Прибыв в Дербент русские войска, направились в Южный Дагестан. Уцмий кайтагский, кадий и майсум Табасарана и хан кюринский вышли навстречу русским войскам. Тогда же было подтверждено их подданство России³.

Однако как было сказано выше, Шихали-хан никак не хотел держаться российской ориентации. В его письмах, обращениях к владетелям Дагестана, были призывы к войне против России. В письме князя П.Д. Цицианова - главнокомандующего на Кавказе говорится: «Шихали-хан прельщенный как видно золотом, - дал вспомогательные войска Мустафа хану Ширванскому против войск Российских»⁴.

В марте 1803 г. началось покорение Джаро-Белооканских обществ, земли которых имели важное стратегическое значение, как плацдарм Ирана и Турции для борьбы против России и развития наступления вглубь Закавказья. Во время одной из карательных экспедиций Цицианов жестоко обращался с

населением Джаро-Бекоканских джамаатов, состоявшим из азербайджанцев и лезгин. «Кто силу в руках имеет, - писал в воззвании к джарцам Цицианов 23 июня 1803 г., - тот с слабым не торгуется, а повелевает им»¹. Джаро-Беклоканские общества были присоединены в январе 1804 г.

В начале января 1804 г. русские войска подчинили Гянджинское ханство. Взятие Гянджи было чрезвычайно важно в политическом и военном отношении. Во-первых, крепость эта считалась ключом к Южному Азербайджану, во-вторых, после взятия Гянджи для русских войск создавалась возможность дальнейшего продвижения с целью подчинения других ханств Азербайджана.

Кроме того, покорение Гянджинского ханства обеспечивало безопасность восточных границ Грузии и способствовало дальнейшему продвижению русских войск в сторону Каспийского моря для установления морских коммуникаций с Астраханью через Баку.

В 1805 г. в состав России вошли Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. Присоединение их было осуществлено без вооруженного столкновения, мирным путем. Подписание договоров о переходе в 1806 г. в подданство России Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств Азербайджана имело большое политическое значение.

В следующем 1806 г. в состав России вошли Дербентско-Кубинское и Бакинское ханства.

Подчинив своему господству Ширванское ханство - одно из самых крупных и богатых ханств на севере Азербайджана, русский царизм приобрел большие экономические, политические и стратегические преимущества в связи с центральным положением Ширванского ханства по отношению Бакинскому и Дербентскому ханствам, быстрое присоединение которых к России было обусловлено именно этими преимуществами.

О боевых качествах жителей Южного Дагестана весьма положительно отзывались русские исследователи. В частности С. Броневский, писал: «Дербентцы.... Умеют отражать нападения, будучи от природы храбры и по осторожности всегда вооружены. Многочисленные дербентские и южнодагестанские лезгины ополчение приняли участие в боевых действиях, на стороне

¹ ПСЗ. Т. 26. С. 726-727.

² АКАК. Т. II. С. 786, 822.

³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 184.

⁴ АКАК. Т. 3. С. 784-785.

¹ АКАК. Т. II. Док. 1392.

русской армии. В случае войны они могут собрать четыре тысячи вооруженных людей, большей частью конницы, которая почитается в Дагестане за лучшую»¹.

Дагестанские ополчения были выделены и для наиболее важных коммуникаций, в частности Самурскую дорогу обороняли лезгинские ополчения численностью 260 человек, Хачмазскую 60 чел., Шамшадильскую 30 чел., Кубинскую 50 чел., и т.д. В основном ополчения были конные и пешие².

Таким образом, в ходе боевых действий против общего врага, и в борьбе с внутренними противниками присоединения к России, крепло боевое содружество русских войск с населением и ополченскими войсками Дагестана.

Из всех выступлений дагестанских феодалов - противников русской ориентации в период русско-иранской войны, самым крупным и длительным является выступление Шихали-хана. Бежавший из Дербента в Кубу Шихали-хан делал попытки набрать войско из азербайджанцев и лезгин для военных действий против русских войск. В свою очередь русские войска стали преследовать его, и подошли к р. Самур. Видя приближение русских войск, Шихали-хан обратился к командующему царскими войсками ген. Булгакову с просьбой простить ему ошибки. Зная прекрасно цену заверениям Шихали-хана ген. Булгаков занял без боя Кубу и отстранил от управления Шихали-хана³. Шихали-хану разрешено было поселиться в выбранном им ауле. Однако бежавший хан не стал соблюдать эти условия. Разъезжая по селениям Южного Дагестана он продолжал вести антирусскую деятельность, собирая людей для войны против русских войск. Так, Шихали-хан, на протяжении шести лет трижды со значительными силами выступал против России.

В свою очередь русское правительство, зная о намерении Шихали-хана, восстановить свою власть, осторожно относилось к его заверениям восстановить свою власть. Так, в предписании гр. Гудовича ген. Булгакову от 11 октября 1806 г. говорится: «С особым удовольствием получил уведомление о покорении Кубы и приведении народа к присяге на верность подданства е.и.в. о

письме Шихали-хана где он раскаивается, однако не верно, но вы постарайтесь под благовидным образом его иметь в своих руках я поставлю в известность е.и.в. Жителей города, если оной будет покорен без кровопролития, пощадить и обласкасть, но не терпеть в крепости вооруженных и при въезде в город складывать оружие»¹. Этот документ говорит о многом, но прежде всего показывает отношение российского командования к мирным жителям.

Далее в другом письме Гудовича от 19 октября 1806 г. на имя барона Будберга сказано, что «Шихали-хан выехал со своими приближенными к ген. Булгакову, принося искреннее раскаяние, и в его присутствии принести его к присяге на вечное подданство е.и.в. Однако Шихали-хан не может уже быть оставлен на прежнем месте, поэтому оставить его на время в Кубе, чтобы он исправно исполнял свои обязанности, в дальнейшем если у него плохие замыслы, отказать ему в ханстве»².

Итак, отношение русских к Шихали-хану, теперь было очень осторожным и ему не очень доверяли. Об этом красноречиво свидетельствует предписание гр. Гудовича ген. Гурьеву от 3 июня 1807 г. «Шихали-хана продолжайте ласкать, а между тем держите онаго в известности и усердии для Российского правления. Не упускайте случаев уверять его, что владение его уже никогда из наших рук не выйдет, а потому и оставил бы уповать на персиян и сноситься с ними. Он не может надеяться достигнуть ханства Кубинского, пока не придет ко мне, ибо на таковое важное достоинство должен он принять присягу в присутствии моем»³.

События в Южном Дагестане в период русско-иранской войны не нашли должного освещения в отечественной историографии. Больше всех этому вопросу внимание уделяли военные историки, которые описывали военные действия на Кавказе и истории полков, частично касались и этих событий. Но они освещали события односторонне, ими не прослеживалась связи выступления Шихали-хана с планами ослабления России в угрозу интересам ее соперников на международной арене, главным образом Англии.

Таким образом, предметом внимания дореволюционных

¹ Броневский С. Новейшие географические... Ч. II. С. 340.

² Гамидова Ц.Г. Из истории азербайджано-грузинских отношений во 2-ой пол. XVIII в. Баку, 1986. С. 92.

³ АКАК. Т. 3.С. 389.

¹ АКАК. Т. 3.С. 392.

² АКАК. Т. 3.С. 394.

³ АКАК. Т. 3.С. 611.

военных историков служила лишь внешняя сторона событий. Вполне понятно, что они оправдывая национальную и социальную политику самодержавия, недооценивали роль южно-дагестанских и азербайджанских ополчений в борьбе против отрядов Шихали-хана. Между тем роль населения южно-дагестанских ханств, как в деле присоединения его к России и в последующей борьбе, против восстановления власти Шихали-хана очень велика.

Разбитый совместно ополченцами и русскими войсками в начале 1809 г. Шихали-хан, бежал в Табасаран. Оттуда он не прекращал свои набеги на жителей и на сторожевые посты русских войск. Шахские эмиссары с воззванием добрались до Шихали-хана и вдохновляли его от имени иранского шаха Фетх-Али шаха на борьбу с Россией. Больше того Тегеранский двор послал Шихали-хану через Каспийское море много ценных товаров, золота и денег для усиления своих отрядов воинами из дагестанских племен¹.

В поддержку Шихали-хана выступали табасаранские беки. После ряда сражений Шихали-хан, со своими войсками окружил Кубу и отрезал ее от остальных частей провинций. В это время русскими войсками, расположенными в населенных пунктах Южного Дагестана, командовал ген. Репин. Для действий против отрядов Шихали-хана из Баку были направлены роты Севастопольского полка и ополчения, состоявшего из азербайджанцев и дагестанцев².

Отряд этот 13 августа 1810 г. достиг р. Гильгиль-гай, где встретился с трехтысячным отрядом Шихали-хана. Вступив в бой русские пехотинцы и ополченцы имели даже успех. Однако нерешительность некоторых командиров вынудили отряды отступить. Это отступление было раздуть Шихали-ханом и его приверженцами, выдавая его чуть ли не за общее поражение русских войск.

Своими неудачами против Шихали-хана ген. Репин ослабил веру населения Дагестана, в том числе и Кубинской провинции, в способности русского правительства защитить его от разорений и притеснений ненавистного ему Шихали-хана.

Между тем, коварную роль по отношению как к русскому правительству, так и местному населению сыграл Мустафа-хан

Ширванский, распространивший среди населения Южного Дагестана весть о возвращении Шихали-хана, «что одних привело в страх, а другим вскружило голову»¹.

Царское командование длительное время не предпринимало решительных действий для ликвидации все усилившегося восстания под руководством Шихали-хана. Укрепившись в табасаранской деревне Ерси, хан производил набеги на села Самурской долины, Кулар, Шихи-кент и т.д. В свою очередь, царское командование, располагая достаточными силами, не пыталась из решительные действия. А население не в достаточной мере видело поддержки русских войск и постепенно склонялось на сторону восставших. В свою очередь этим воспользовались многочисленные эмиссары иранского шаха. Все это привело к тому, что выступление вылилось в крестьянское восстание. Продолжая бездействовать, царское командование решило «действительно признать Шихали-хана кубинским ханом», отдать ему во владение Кубу с принадлежавшими ей окрестными селами и трактатом вести его в подданство России².

Для укрепления своей власти царизм шел на все меры, вплоть до восстановления, хотя и временного правления изгнанных феодалов. Так, царизм поступил с Шекинским ханством и Дербентом, так собрался поступить и на этот раз по отношению Шихали-хана.

Разумеется, подобное решение царского командования стало известно населению как Кубинской провинции, так и близлежащих сел Южного Дагестана. Весть о возвращении Шихали-хана всполошила местное население. В то же время, приверженцы бывшего хана, агитировали население поддержать его, а несколько беков даже перешли на его сторону.

Для оказания помощи царское командование направила в Кубу, одну роту и конницу численностью 1000 сабель. По пути движения к этому отряду присоединялись ширванские азербайджанцы, лезгинская конница в 100 сабель³.

1 октября 1810 г. русская армия во главе с полковником Лисаневым и ополченцами состоящих из лезгин и азербайджанцев

¹ Ибрагимбеги Х.М. Указ. соч. С. 124.

² АКАК. Т. IV. док. 986.

³ Бинсов А.Х. Указ. соч. С. 176.

¹ АКАК. Т. IV. док. 986, 987.

² АКАК. Т. IV. Док. 1014.

прибыл в русский лагерь, к караван-сараю Догумли на дороге Шемаха-Куба. 4 октября русские войска в составе 800 штыков пехоты, 1000 сабель шекинской и лезгинской конницы и 200 казаков при двух орудиях нанесли первое поражение отрядам Ших-али-хана у деревни Эрпели Кубинской провинции¹.

Освободив Кубу русский отряд, преследовал Шихали-хана до табасаранских владений, где в деревне Ерси Шихали-хан со своими приверженцами укрылся.

В разгроме отрядов Шихали-хана особенно отличились русские отряды Троицкого, южно-дагестанских лезгин и дербентское ополчение. Преследуя разбитые отряды Шихали-хана, Лисаневич прошел «с огнем и мечом» по мирным селениям. В донесении военному министру ген. Тормасов, похвально отзывался о Лисаневиче, писал, что он «примерно наказав бунтовщиков и взяв от населения аманатов, возвратился в Кубу, где вся сия провинция преклонила свою повинную голову»².

В конце октября 1810 г. отряд Лисаневича в сопровождении дружины уцмий Кайтага, отряда ополченцев из Самурского и Кюринского ханств, прибыл в Табасаран и атаковал село Ерси, откуда Ших-али-хану снова удалось бежать в глубь Дагестана. За участие в этой операции дагестанские владетели были награждены российским командованием³.

Тем временем Турция и Иран продолжали нагнетать обстановку. Не добившись успеха в борьбе с Россией, не находя сочувствие и поддержки среди народов Дагестана, иранские феодалы при прямом подстрекательстве и финансовой помощи Англии разжигали ревашистские устремления отдельных дагестанских и азербайджанских ханов.

В январе 1811 г. царская администрация обратилась к дагестанским народам, призывая их к покровительству России, обещая права свободной торговли и выезда и т.д., а в противном случае угрожал блокадой⁴. Но эти призывы и предупреждения уже не изменили решения антироссийской коалиции во главе Сурхай-ханом, Али-Солтан Дженгутайским, акушинцев и табасаранцев. Со своей стороны «Турция обратила внимание свое на

дагестанские народы, чтобы восстановить их против России». А в марте 1811 дагестанским народам обратился Фетх-Али шах иранский с призывом к изгнанию русских из Дагестана и Ширвана¹.

На Кавказ были вновь отправлены агенты, которые уже с помощью Англии должны были привлечь горцев воевать с Россией. Так, к Сурхай-хану приехали турецкие эмиссары с письмами от шаха и деньгами и лошадьми. В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахтыпару, Докузпару, Курах и другие общества были разосланы фирманы шаха, в которых он обещал горцам награды и подарки, больше чем в минувшие годы призывал их к священной войне². Однако надежда шаха и султана на поддержку мусульманских народов Закавказья и Дагестана не оправдалась.

Несмотря на большие усилия и большие затраты, Ирану и Турции не удалось сколотить враждебную России армию из дагестанцев.

Наряду с подготовкой к организованному вторжению отдельные отряды иранской армии разоряли азербайджанские и лезгинские села, наносили огромный экономический ущерб пограничным районам Южного Дагестана.

В это тревожное время царское командование придавало большое значение лезгинским пограничным ополчениям. Необходимость в постах признавалось и Тормасовым, который в письме к южно-дагестанцам писал, что «без них (т.е. постов) нельзя отразить неприятеля, а без конных разводов нельзя быть предуведомленным о движении неприятеля»³.

К концу сентября 1811 г. относится наиболее активное участие дагестанских ополчений в составе русских войск. В Казахской в Шамшадильской, Борчалинской владениях, Ахтыпаринском, Кюринском, Самурском обществах и в г. Дербенте осенью 1811 г. были сформированы конные ополчения из дагестанцев. Каждая из округа владений выставила по тысяче всадников, а жители г. Дербента выставили большой конный отряд⁴.

Таким образом, население Дагестана, учитывая малочисленность русских войск, выставило конные и пешие

¹ Юдин П. Россия и Персия в конце XVIII в. СПб., 1899. С. 234.

² Там же.

³ Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 2. С. 214-215.

⁴ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 140.

¹ Там же. С. 142.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С. 199.

³ Мурадов В.Д. Средневековые города Азербайджана. Баку, 1983. С. 101.

⁴ АКАК. Т. V. Док. 251.

отряды на границах. Внезапные нападения неприятеля на мирные села, приучили крестьян к быстрым решительным действиям против врага.

В свою очередь на другом фланге русских войск, на северной окраине Azerbaijan, в июне 1811 г. опять выступил Шихали-хан. Целью его выступления было стремление возвратить утерянные территории Южного Дагестана, т.е. Дербентско-Кубинское ханство. Получив указание, а главное и средства от Ирана и Турции Шихали-хан развернул в Дагестане подрывную деятельность путем подкупа, запугивания и угрозы. Нельзя не отметить очень важной роли и Azerbaijan, в частности Каспийского моря в планах Англии. Стремясь восстановить власть Шихали-хана, по прямому указанию и с непосредственной помощью англичан, шах решил прибрать к рукам путь через Каспий, что было в прямых интересах Англии.

Получив средства и указания Шихали-хан вместе с Абдулла-беком Ерсинским неладивший Магомед-кадием Табасаранским, вместе с акушинцами хотел захватить Хучни, за что обещал тем, кто в этом деле поможет, дать по скотине. Люди Шихали-хана ездили по аулам Дагестана с требованием, чтобы из каждого двух домов один человек готов был идти к Шихали-хану, «а который не послушает, у того дом разорят и имение будет отнято»¹.

Собрав, таким образом ополчение, Шихали-хан снова попытался начать военные действия против русских и овладеть Кубой. С помощью Абу-Бекра кадия акушинского и денег посылаемых ему из Персии, успел вторично собрать акушинцев и с 8000 ополчения из Акуша, Табасарана и Казикумуха соединившись с Нух-беком, сыном Сурхай-хана пошел на Кубу². В ноябре 1811 г. в сражении у населенного пункта Зейху на реке Самур, русский отряд под командованием Гурьева потерпел поражение. В Зейхурском сражении в составе русских войск участвовали ополченцы из ближайших лезгинских сел, а также конница из жителей Дербента. Русский отряд состоял из 1400 человек, а отряды Шихали-хана насчитывали до 8 тыс. человек в основном конницы. В этом бою русские солдаты и местные ополченцы, несмотря на проявленную храбрость и стойкость потерпели поражение и потеряли более 300 чел. убитыми и

ранеными, а 50 чел. попало в плен¹. Одержав победу Шихали-хан подошел к Кубе и занял сильную позицию в деревне Рустов. Для разгрома его войск из Ширвана в Кубинское ханство прибыл русский отряд под командованием Хатунцева. 21 ноября 1811 г. под деревней Рустов отряд Шихали-хана был разбит русскими, азербайджанскими и дагестанскими войсками и отброшен в горы². Таким образом, Кубинское ханство и некоторые села Южного Дагестана и на этот раз были избавлены от восстановления власти Шихали-хана. Планы иранского шаха и его английских покровителей потерпели крах.

«После этой победы, - пишет А.К. Бакиханов - ген. майор Хатунцев двинулся на Кюринское владение, предварительно склонив на свою сторону Аслан хана, сына Шах-мардана, бежавшего от своего дяди Сурхай-хана в Турцию, а затем жившего у кайтагского уцмий». Сурхай-хан в свою очередь, укрепившись в деревне Шихи-кент (Касумкентский район. - Н.М.), был разбит и удалился в Казикумух.

Кюринское владение перешло под власть русских и было отдано Аслан-хану. Для поддержания его в Курахе был оставлен батальон русских войск.

После этого от разных обществ и магалов Самурской долины присланы были к Хатунцеву делегации почетных людей. Они заверили о своей преданности России. В феврале 1811 г. по их просьбе было подтверждено и документально оформлено вступление в подданство России вольных обществ Южного Дагестана - Ахтыпаринского, Докузпаринского, Алтыпаринского и др.³.

Потерпев поражение Шихали-хан снова обратился к царским властям с раскаянием. В рапорте от 5 марта 1812 г. командующего войсками в Дагестане М. Хатунцева, главнокомандующему на Кавказе Ф.О. Паулучи о раскаянии Шихали-хана во враждебных действиях против России говорится: «Изменник Шихали-хан во враждебных действиях прислал ко мне с чиновником своим Магомед-беком письмо, в котором раскаяваясь в своих поступках против России, просит исходатайствовать ему прощение и милость у е.и.в... под

¹ АКАК. Т. 4. С. 163

² Бакиханов А. Гюлистан и Иран. С. 150

¹ АКАК. Т. 4. Док. 234; 984.

² АКАК. Т. 5. Док. 231.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 200.

державою которого желает он остаться навсегда непоколебимо верноподданным»¹.

«Желая соответствовать таковой просьбе Шихали-хана, весьма для нас полезной, я отвечал ему также письмом и уверял через присланного от него чиновника, что совершенно искренне его раскаяние в его ветреных деяниях без сомнения исходатайствует ему ту великую милость и что я представил уже о сем».

Однако царское правительство отнеслось подозрительно к заверениям Шихали-хана, так как он такие обещания и до этого давал, но не исполнял их. Российские власти знали и о том, что он тайно продолжает поддерживать связь с Ираном и Турцией.

В этот период Россия, готовясь к войне с Францией, была заинтересована в скорейшем заключении мира с Турцией и Ираном. Однако в переговоры с ними старались вмешаться Англия, Франция и др. европейские государства.

Война России с Францией тяжело отразилась на России в этот период. В свою очередь Наполеон не забывал о привлечении Ирана на сторону Франции, за это они обещали отдать под власть Ирана вошедшие в состав России территории Азербайджана, Южного Дагестана, Грузии и Армении. Фетх-али хан (иранский) и особенно наследник его Аббас-Мирза, вдохновленные отходом русских армий и вступлением французов в Москву, стали открыто требовать возвращения Ирану Азербайджана и других областей Дагестана, вошедших в состав России с 1801 по 1812 г.

В октябре 1812 г. 30 тыс. иранская армия под командованием Аббас-Мирзы двинулся к границам Южного Дагестана, надеясь нанести удар по русским войскам. Но планам Аббас-Мирзы не суждено было осуществиться. Вместе с русскими на защиту встали ополченцы из дагестанцев. Местное население, упорно обороняясь, стойко удерживало свои позиции.

Учитывая складывающуюся обстановку, русские войска первыми атаковали армию Аббас Мирзы. За два с половиной месяца иранская армия понесла огромные потери, потеряла всю свою артиллерию, а также г. Микорань². Испугавшись дальнейшего продвижения русских в глубь Ирана, Англия уже

теперь сама ратовала за скорейшее заключение мира между воюющими сторонами.

12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан в девятидневный срок был подписан трактат между Россией и Персией¹. По Гюлистанскому договору за каждой стороной сохранились те земли, которые в данный момент находились под их властью. К России перешли Дагестан, Грузия, Кубинское, Ширванское, Талышское ханства, а также исключительное право держать военный флот на Каспийском море². 21 мая 1814 г. в Париже Гюлистанский договор был ратифицирован Александром I.

Тем самым подтверждалось присоединение к России всего Кавказского побережья Каспийского моря от устья Терека до Астары и почти всего Северного Азербайджана до р. Аракса и Зангезурского хребта. Под властью Ирана оставались Эриванское и Нахичиванское ханства. Таким образом, Гюлистанским мирным договором был завершен первый этап присоединения Азербайджана и Дагестана к России.

Характерным для периода русско-иранской войны 1804-1813 гг. является то, что в борьбе против иранских захватчиков участвовали не только иррегулярные воинские формирования, но и все население ханств и провинций на защиту своего Отечества. Все это убедительно свидетельствует о тяготении дагестанских и других народов Кавказа к России еще в начале XIX в.

В результате подписания Гюлистанского мирного договора, была установлена государственная граница между Россией и Ираном, которая в основной проходила на территории Азербайджана и Дагестана и частично на территории Карабахского ханства. Но оставались еще не размежеванное пространство, это и послужило предметом споров между Россией и Ираном. Иран после подписания Гюлистанского договора продолжал удерживать за собой некоторые территории, принадлежавшие России по условиям договора. Россия же в свою очередь, продолжала занимать северо-западное побережье от Севан, Эриванское ханство.

В своих планах войны с Россией, иранская верхушка главную надежду возлагал на народные массы мусульман Азербайджана и Дагестана, Эмиссары из Тегеранска,

¹ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 143

² Абдурахманов А. Указ. соч. С. 164.

¹ АКАК. Т. 5. Ч. П. С. 736.

² Там же.

проникавшие в Дагестан, распространяли ложные слухи. Они составляли ложные письма шаху, в которых от имени азербайджанцев и дагестанцев просили о помощи для защиты ислама.

Однако факты из русско-иранской войны 1826-1828 гг. свидетельствуют о ратном содружестве азербайджанского и дагестанского народов в борьбе против общего врага - иранских завоевателей.

Достаточно сказать, что в течении этой войны почти все полки и бригады отдельного Кавказского корпуса, действовавшие на территории Южного Дагестана получали от местного населения продовольствие, фураж, лошадей, выючных быков, пользовались гужевым и речным транспортом¹.

О существенной поддержке, которую оказали дагестанцы русской армии в перевозке продовольствия, фуража, боеприпасов, раненых и больных солдат, говорят многие факты. Так, например, в своем рапорте командиру Отдельного Кавказского корпуса о дагестанских деревнях Самурской, Хачмазкой и др. провинций один из русских офицеров писал: «Не брать с проезжающих русских при нынешней дороговизне и при очевидной бедности жителей введено в такое обыкновение, что я с трудом мог заставлять брать от меня следуемое»². В походном журнале другого русского офицера, участника боев 1827 г., записано: «жители... спешили доставить отряд русских войск разные съестные припасы, хотя сами в них почти нуждались»³. Разумеется не следует все виды материальной поддержки со стороны населения Дагестана относить за счет добровольных пожертвований. На разных этапах войны, в зависимости от обстановки и отношения царского командования к населению, эта поддержка выражалась и в виде купли - продажи тех или иных продуктов или даже временами носила характер реализации, принудительной поставки транспорта, скота, хлеба и других видов материального снабжения армии. Но часто имел место и элемент добровольности.

19 июля 1826 г. огромная иранская армия состоявшая из многочисленной регулярной пехоты, кавалерии и имевшая

¹ Рахманин А.А. Азербайджан в конце XVI-XVIII в. Баку, 1954. С. 203.

² Гусейнов А.Н. Азербайджано-русские отношения в XVII-XVIII в. Баку. 1963. С. 89.

³ Там же. С. 108.

большое количество орудий, под командованием Аббас-Мирзы, внезапно без объявления войны, вторглись в пределы Приморского Дагестана. Перед самым началом войны отдельный Кавказский корпус был соединен двумя линиями: Военно-Грузинской дорогой и приморским путем от Баку до Дербента. Таким образом, войска расположенные в Азербайджане и Дагестане, были почти изолированы от войск, расположенных на Северном Кавказе. Это ставило войска Отдельного Кавказского корпуса, противостоящие противнику в невыгодное положение, ибо их приходилось дробить на отдельные отряды, что ослабляло ударную силу главной группировки войск, действовавших на главном направлении.

Эта малочисленная русская пехота, насчитывавшая не более 7 тыс. штыков, противостояла огромной иранской армии. Начало русско-иранской войны было весьма неудачным для России, войска которой потерпели ряд поражений из-за своей малочисленности и раздробленности на мелкие отряды. Русские солдаты, дагестанские ополченцы активно действовали против неприятеля. Население окрестных сел оказывало вооруженную поддержку русским войскам¹.

Из Старой Шемахи - Кюринского округа и окрестных сел в помощь русским войскам была направлена Кюринская кичиша численностью в 300 сабель, которая приняла активное участие в обороне Старой Шемахи, при разгроме иранских войск².

В свою очередь Ширванская провинция в планах иранских захватчиков занимала особое положение. Не менее важное значение придавало Ширвану и Южному Дагестану русское командование, исходя из стратегических и политических особенностей этой провинции, находившейся на границе Дагестана и занимавшей центральное положение по отношению к другим ханствам.

С 26 июля по 8 августа 1826 г. небольшой русский отряд совместно с южно-дагестанской конницей вел ожесточенные неравные бои с многочисленной иранской армией. В боях против иранских войск ярко проявилось ратное содружество русских и дагестанских воинов. Несмотря на усилия иранского шаха и англичан поднять народы Дагестана против России,

¹ Абдурахманов А. Указ. соч. С. 180.

² Там же.

положительных результатов не дали, а планы англо-иранских захватчиков провалились. И даже в такой критический момент для русских войск, когда в Кубе проиранская настроенная феодальная знать подняла 18 сентября 1826 г. восстание, Дагестан отказался участвовать в восстании против России¹.

«В Кубинскую провинцию - писал Ермолов, - подослан Аббас Мирзою, также сын бывшего дербентского Ших-али-хана (Беюк хан), известного злодея умершего в бегах. Доселе весьма немногие присоединились к нему, кроме того, в Кубинскую провинцию прибыли под командою Шихали-Мирзы, 2 тыс. воинов иранских 50 орудий, 800 чел. Персидской конницы, 400 человек дагестанцев, а один из сыновей шаха был направлен в Дербент и в Кубу для возмущения народа, но значительная часть жителей в провинции не изменили верности России»².

В целом в этих жестоких боях неприятель был не только разгромлен, но и отброшен далеко за пределы Южного Дагестана.

В результате активных действий русских войск и дагестанских ополченцев восстание Кубинской, Дербентской провинции, охватившей и территории Южного Дагестана, было подавлено.

В своем рапорте в Петербург Ермолов писал: «... если большая часть беков была в самой гнусной измене, то простой народ был обрадован изгнанием ханов»³.

В начале декабря 1826 г. Аббас-Мирза с помощью восставших феодалов Азербайджана и Дагестана спровоцировал выступление лезгинского населения, граничащего с Шекинской провинцией и двинул на Нуху значительный отряд с целью восстановления ханского правления, претендентом на которое был Гусейн хан. На защиту Шекинской провинции выступило почти все ее население. Шекинцы сформировали конное ополчение и, вооружив его, выставили к своим границам. В этот период в Шекинской провинции русского гарнизона не было, а отряд русских войск под командованием Ермолова прибыл в Нуху лишь 9 декабря 1826 г. Когда неприятель уже отказался от своего намерения из-за активных действий шекинской и лезгинской конницы.

В этих военных действиях совместно с русскими войсками участвовали ширванская, кубинская и южно-дагестанская конница, состоявшая из отборных воинов.

Таким образом, к началу 1827 г. все провинции Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестан были очищены от вражеских захватчиков.

§ 2.3 Южный Дагестан в период Кавказской войны.

Прошло более 170 лет, как в горах Дагестана и Чечни развернулась борьба под флагом кавказского мюридизма. Это героическое и в то же время трагическое событие с самого своего начала было направлено против политики царской России, проводимой на Кавказе. Энергичные действия «Проконсула Кавказа» генерала Ермолова по насаждению нового политического правопорядка углубили классовую и внутриклассовую борьбу, до предела взбудоражили общественное мнение всего региона.

Однако мы не можем не отметить, что проводимой самодержавием политикой были недовольны феодальные круги, которые никак не хотели расстаться с политической властью и с институтами, поддерживающими их привилегии. С этой целью феодальные правители Аварии, Кайтага, Казикумуха и др. сумели организовать антицарские выступления. Но они были подавлены легко войсками. Не угодившие царскому правительству владетели были отстранены от власти, на их места назначены феодалы, придерживающиеся прорусской ориентации. Естественно, что отстраненные от власти феодалы и их окружение были недовольны действиями кавказского командования и мечтали «вернуть утраченные привилегии и восстановить выгодные для них состояния», феодальные порядки с вытекающими отсюда последствиями.

Враждебно было настроено к царизму и местное мусульманское духовенство, за исключением небольшой его части, перешедшей на службу к царизму. Роль мусульманского духовенства в дагестанском обществе определялось не только его многочисленностью, но главным образом позициями, которое оно занимало в горских обществах. Кроме того, что духовенство контролировало духовную и быденную жизнь горцев, в ряде мест

¹ Юдин П. Россия и Персия в конце XVIII в. СПб., 1899. С. 116.

² Цит. по кн: Ибрагимбеи Х.М. Россия и Азербайджан. С. 183.

³ Рахманин А.А. Указ. соч. С. 217.

оно прибрало к рукам и светскую власть. Мусульманское духовенство и ранее было против включения Северного Кавказа в состав России, поскольку сам факт перехода мусульман под покровительство страны, где государственной религией было христианство (православие) расценивалось мусульманским духовенством как посягательство на его авторитет и влияние. Меры Ермолова еще больше убедили их в этом.

Политикой царизма недовольны были и широкие народные массы Северо-Восточного Кавказа. Отстранив от политической власти феодальных правителей, самодержавие оставило по существу неприкосновенными существовавшие до этого порядки во внутреннем управлении феодальных владений. Мало того, создавая себе социальную опору, царизм всячески поддерживал эксплуататорские устремления феодалов, оказывал им всякую помощь и поддержку. Неграмотным феодалам присваивались высокие воинские и пожизненные пенсии, ежегодные жалования в размере 2-6 тыс. руб. Широко практиковалась также раздача земель и даже целых деревень в управление феодалам. Словом, делалось все, чтобы не ущемить феодальных владетелей. Характерным в этом плане является заявление генерала Ермолова. «За себя и детей своих, - писал он шамхалу Тарковскому, - можешь не беспокоиться. Теперь власть шамхала будет более уважаема и соседи разумеют, что значит могущественное покровительство великого государя»¹.

Понятно, что имея могущественную поддержку, феодалы начали широкое наступление на общинные права. Уверенные в поддержке кавказского командования, феодалы стали еще более деспотично обращаться с подвластным населением. Не считаясь ни с чем, они решали дела «как бог на душу положит», выносили жестокие приговоры и тут же приводили их в исполнение. Нередки были случаи, когда по одной лишь прихоти владетели без суда и следствия людей ссылали во внутренние губернии страны. Все это вызывало недовольство народных масс «своими» владетелями и их покровителем самодержавием. «После покорности дагестанских племен, - заметил А. Руновский, - мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему

управления. Установлением там порядка не только не прекратили тиранию владетелей, но и предоставили управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть...»¹. Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми. Кроме того практиковались необдуманные меры правительства, такие, как принуждение горцев работать по прокладке дорог, выставять по требованию властей лошадей, подводы для перевозки различных грузов, нести почтовую службу и др.

Недальновидной была политика кавказского командования. Без всякого выяснения, чаще всего за вину отдельных лиц, применяли блокаду целых районов, запрещали свободный проезд горцам в равнинную часть Дагестана, Закавказья и на Северный Кавказ. В случае же нарушения этого запрета власти арестовывали горцев, а привезенные ими товары конфисковывали. В блокированные районы запрещалось ездить армянским и другим купцам. Эта мера воздействия крайне отрицательно сказывалась на экономике края, ставила горцев в крайне стесненное положение.

Тем не менее запреты и притеснения продолжались. Положение трудящихся масс усугублялось и произволом, злоупотреблением и взяточничеством офицеров и чинов кавказской администрации, а также их невниманием к обычаям, правам и традициям горцев. Поскольку рост феодальной эксплуатации и гнет самодержавия происходили одновременно и в тесном переплетении с ужесточением политики самодержавия естественно, что антифеодальный протест сливался с антицарской борьбой. Нередко даже недовольство феодальным гнетом отходило на второй план, уступая первое место национальному протесту.

Итак, сложившейся ситуацией были недовольны и широкие народные массы (горское крестьянство, ремесленники, торговцы), узденская аульская верхушка и часть феодалов и мусульманского духовенства. Однако цели, которых добивались различные социальные слои, были совершенно различны. В то время, как народные массы желали освободиться от феодального деспотизма и все усиливающего гнета самодержавия, эксплуататорские верхи

¹ Гаджиев В.Г. Социально-политические причины, движущие силы и характер движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 1829-1859 гг. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала, 1994. С. 29.

надеялись, используя недовольство народа, встать у кормила власти и укрепить свое положение. Феодалы жаждали вернуть утраченные позиции, а мусульманское духовенство и поддерживающая их аульская верхушка стремились, оттеснив феодалов, как плохих мусульман, предавшихся царизму, взять в свои руки духовную и политическую власть. Однако, вступая в жестокую борьбу с самодержавием, они и не думали сменить власть России господством Оттоманской Порты и шахского Ирана.

В этих до предела накаленных условиях классовых и национальных противоречий на рубеже 30-х годов XIX в. возникло движение горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля. По своему национальному и социальному составу оно не было однородным. Х.-М. Хашаев писал, что в движении под водительством Шамиля не принимали участие даргинцы, лезгины, табасаранцы и др. народы Южного Дагестана. Он прав только в том, что базой движения и основной территорией имамата была Авария и Чечня. Но это не значит, что в движении не принимали участие народы, населяющие Южный Дагестан, и остались глухи к многолетней борьбе.

Общеизвестно, что в движении принимали самое активное участие все народы Дагестана. Джамааты Турула, Шиназа, Цахура, Ахты, Хучни и др. часто получали письма Шамиля, в которых имам высказывал надежду на поддержку. Так что выступление табасаранцев, рутулов, цахуров и самурских лезгин - это не случайное явление. В результате высоких податей, установленных царизмом, злоупотреблений и произвола со стороны чиновников положение народных масс сильно ухудшилось. Зависимость от России не устраивала ни беков, ни узденей, ни райят Южного Дагестана. Недовольством были охвачены не только районы Южного Дагестана, но и Кубинский, Нухинский и Джаро-Белоканский округа, провинции Азербайджана. Это недовольство завершилось Кубинским восстанием 1837 г., самое активное участие в котором принимали и жители Южного Дагестана во главе с Ага-беком Ругульским и Молла-шейхом Ахтынским.

Весной 1838 года в Кубинской провинции было собрано большое количество войск под командованием ген.-лейт. Фези. Перед ними была поставлена конкретная задача - подавить восстание в Кубинской провинции, наказать жителей «вольных»

обществ Кубы, а затем двинуться в Нагорный Дагестан для борьбы с восставшими горцами. Жители обществ Самурской долины, вооружившись под предводительством Ага-бека Ругульского и Молла-шейха Ахтынского встретили царские войска в Аджи-ахуре, где в течении двух дней продолжались упорные бои, в результате которых восставшие потерпели поражение. При этом царские войска потеряли убитыми около 50 человек, ранеными более 100 человек. Потери лезгин составили 600 человек. Они были вынуждены принять присягу на верноподданство России и обещать выполнять требования царских властей. После этого отряд войск во главе с ген. Фези направился в Нагорный Дагестан.

Между тем жители обществ Самурской долины, воспользовавшись уходом царских войск, вновь восстали и вторглись в Шекинскую провинцию под предводительством Ага-бека Ругульского. В связи с этим царские власти попытались поднять местных жителей против лезгинского отряда, но это им не удалось. По словам генерала Коцебу, азербайджанцы «отказались от защиты». Это равнодушие жителей было результатом того, что «лезгины у них ничего трогали, ибо за всякий грабеж Ага-бек строго наказывал»¹. Поэтому он не встречая никакого сопротивления, был дружелюбно принят жителями Шекинской провинции, «где имел много тайных сообщников»², в конце лета 1838 года занял город Нуху и обложил крепость. К Нухе в срочном порядке начал стягиваться отряд царских войск, состоящий из 6 рот пехоты, а также из милиции елисуйского султана. Отряды восставших лезгин вынуждены были отступить.

Вторжение горцев на территорию Азербайджана вынудило кавказское командование вернуть отряд во главе с генералом Фези с Северного Дагестана в селение Хазры и снова направить его вверх по Самуру. У урочища Аджи-аху горцы приготовились к отчаянному сопротивлению. Генерал Фези, не надеясь на успех, решил начать переговоры. Они закончились тем, что у горцев взяли обязательство о взносе в казну числящихся за ними недоимок и уплате за убытки, причиненные при вторжении в Азербайджан.

¹ АКАК. Тифлис, 1896. Т. VII. С. 536.

² Там же.

После этого Ага-бек решил отправить в Тифлис представителей обществ Самурской долины с просьбой сложить с них денежные налоги и недоимки, но получил отказ. Общества Самурской долины, говорил Головин, «с 1837 года с необычайной дерзостью столько раз изменявшие нашему правительству (1839 г. - Авт.), не только сами предаются более и более духу мятежа, но употребляют все усилия, дабы склонить дагестанцев и соседственные провинции к совместному против нас восстанию»¹. Далее он указывал, что в этих обществах существуют две партии: одна, состоящая из людей благомыслящих, желает покорностью служить правительству, заслужить его покровительство, а другая помышляет силой оружия воспротивиться нашим требованиям, и будучи гораздо многочисленнее, не только уничтожает всякое влияние благонамеренных людей на народ, но заставляя их даже скрывать свои миролюбивые расположения»².

Ситуация во владениях Южного Дагестана очень тревожила царских генералов, поэтому для сохранения там спокойствия, царское командование вынуждено было срочно снять часть сил действовавших против Шамиля и направить их для подавления волнений в Южном Дагестане. Как отмечал Н.А. Добролюбов, «в сентябре 1837 г. русские войска вынуждены были удалиться «из Аварии», чтобы подавить волнения обнаружившиеся в это время в Южном Дагестане»³. По словам Милютина, «волнение в Табасаране, Каракайтаге и Самуре...отвлекло войска от Северного Дагестана». По этой причине, предполагаемая в 1838 г. экспедиция против Шамиля не состоялась.

Генерал Фези должен был спешить в Южный Дагестан⁴. Восставшие потерпели поражение под Аджиахуром от ген. Фези и потеряли убитыми 800

Человек⁵.

«В 1838 году Верхний Табасаран и Каракайтаг, - говорится в

¹ Потто В. Указ. соч. Т. 2. С. 225.

² АКАК. Т. IX. Док. № 289.

³ Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Собр. соч. 1962. Т. 5. С. 437.

⁴ Милютин. Описание военных событий...С. 19.

⁵ Юров А. Три года на Кавказе (1837-1840) // Кавказский сборник. Тифлис, 1884. Т. VIII. С. 210.

документе, - были в открытом неповиновении, как и остальные части Дагестана». В 1839 г. также восстали жители Ахты, Борча, Хнова, Рутула. В мае того же года с низовьев Самура двинулись крупные силы под командованием ген. Головина, а отдельный отряд под командованием ген. Симборского был отправлен для наказания Хнова и Борча. Через три дня царские войска, достигнув местности Аджи-ахур, атаковали позиции горцев с 30 на 31 мая и овладели ими. Горцы были рассеяны по своим селениям. Как отмечал генерал Головин, «вольные Кубинские общества, где нога русская еще не бывала, покорились, отряд без выстрела занял главное селение Ахты»¹. По его же словам, в 1839 году «для прочного водворения владычества нашего в этой стране» было начато строительство крепости при Аджи-ахурской теснине и в Ахтах. К осени обе крепости были выстроены. Ахтынская крепость была рассчитана на 80 человек гарнизона с 8 орудиями. Аджи-ахурская крепость, получившая название Тифлисской, также была рассчитана на 80 человек с 4 орудиями. Из обществ Самурской долины, за исключением Рутульского, отошедшего к владениям елисейского султана, был образован особый округ под названием Самурского, который подчинялся начальнику из числа царских офицеров.

После подавления восстания жителей Самурской долины часть войск была снова отправлена в помощь генерал-адъютанту Граббе, действующему против Шамиля в Северном Дагестане. Оценивая значение покорения Самурской долины, генерал Головин писал: «Важнейшие результаты нынешней экспедиции против Ахты и Рутула состоят в том, что овладев Самуром до самых его истоков, мы перерезываем горный хребет поперек и ограждаем через то весь Южный Дагестан от вредных сношений с племенами нам непокорными и таким образом надежнее можем сохранить спокойствие в мусульманских наших провинциях; сверх того быстрый и полный успех на Самуре принес существенную пользу экспедиции в Северном Дагестане»². В течение последующих 10 лет жители Самурской долины не прерывали переписку с Шамилем, хотя открыто выступить они не могли, ибо после событий 1837-39 гг. были оставлены в Ахтах, Рутуле и Лучеке гарнизоны царских войск.

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6378 Л. 17.

² Там же.

Антиколониальная борьба горцев Южного Дагестана обострялась под непосредственным влиянием борьбы остальных дагестанских горцев. В 40-х годах XIX в. Шамиль одерживал ряд побед над царскими войсками. Нередко военные действия происходили в непосредственной близости к территории Южного Дагестана.

Хотя царизм предпринимал меры, чтобы волнения в Аварии «не проникали в сопредельные общества», успехи, одержанные Шамилем, не могли не оказать влияния на антиколониальную борьбу в Южном Дагестане. «Восстание, начавшееся в Гумбете и Андии, - отмечал ген. Граббе, -распространяясь в Аварии, Андалале и других обществах разлилось в Казикумухском и Кюринском ханствах, Акуша, Каракайтаг, Табасаран и вольные Самурские общества находятся в сильном волнении»¹.

В зените своих побед имам Шамиль решил включить в состав имамата Самурскую долину, Кубинскую провинцию и Табасаран².

Сложившаяся обстановка в Южном Дагестане убедила Шамиля в том, что надо собрать в один кулак значительные силы, и не давая опомниться царскому командованию двинуться в Южный Дагестан и нанести сокрушительный удар царским войскам, дислоцированным в данном регионе. И для этого было полное основание, т.к. царское командование не в состоянии было за короткое время собрать воедино свои войска и противопоставить их отряду горцев, и Шамиль, конечно, об этом знал³.

Весной 1842 года большая группа войск Шамиля вторглась в Казикумухское ханство. Войска Шамиля, не встречая сопротивления в лакских селениях, стали двигаться в сторону Кюринского ханства. Они заняв укрепление Чирах, двинулись к селению Рича, которую защищали две роты. Между горцами и царскими войсками произошел ожесточенный бой. Однако горцам не удалось захватить ричинскую крепость. Как сообщается в официальном документе, русские войска «геройски отстояли при

¹ Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1957. С. 122.

² Гасанов М.Р. Табасаран в период борьбы горцев в 20-50-е годы XIX в. против царизма. Махачкала, 1997. С. 19.

³ Кавказский сборник. Т. VII. С. 550.

селении Рича занимаемую ими позицию против 2 тысяч лезгин и тем удержали в повиновении все отрезанные племена, готовые принять участие в восстании»¹. В этом источнике речь идет о намерениях южно-дагестанских селений оказать вооруженную помощь войскам Шамиля. Но решительные действия царских войск не позволили им объединиться и выступить.

В «Политическом обзоре горских племен Кавказа от 1842 года» говорится, что покорность лезгинских обществ Южного Дагестана и Самурского округа «вообще ненадежна и полагать можно, что они с готовностью присоединились бы к Шамилю, если бы сему возмутителю удалось распространить действия свои на Южный Дагестан. Ахтынцы и рутульцы представляют более ручательства в покорности, по возведении укреплений Тифлисского и Ахтынского, коими занято течение Самура»².

Усиливающиеся волнения в связи с успехами Шамиля вынудили генерал-адъютанта Нейдгардта писать военному министру в 1843 году: «Последние происшествия в Дагестане, не говоря уже о понесенной нами потере, ослабили нас на всем пространстве от Владикавказа до Самура, пришли в волнение все племена дагестанские, уже с давнего времени нам покорные, возвысили до чрезвычайности дух горцев, не могли не иметь дурного влияния на наши войска и, наконец, более нежели какие-нибудь из предшествовавших событий показали нам силу, которую приобрел ныне Шамиль, и размер, который он дает своим предприятиям... Наконец, весь Дагестан принимает живое участие в успехах Шамиля и малейшая неудача может теперь произвести восстание на всем пространстве между Сулаком и Самуром и даже распространить волнение по всей Каспийской области»³.

Кавказское командование принимало решительные меры, чтобы не допустить всеобщего восстания в Южном Дагестане - увеличивало количество войск, создавало на важных стратегических дорогах сторожевые посты. Кроме того местным феодальным владетелям было предложено дополнительно набрать людей в милицию и быть постоянно готовыми к выступлению в поход; на имя «почетных лиц», кадиев, мулл Табасарана,

¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. / Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 456.

² ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 263. Д. 18. Л. 4.

³ АКАК. Т. IX. Док. №653.

Казикумухского ханства были направлены специальные воззвания с требованием оказать содействие в удержании «простого народа» в покорности, строжайше следить за тем, чтобы в Южный Дагестан не проникали мюриды Шамиля.

Весной 1842 года жители селений Аракул, Катрух, Ихрек и Микрах получили от наиба Шамиля Хаджи-Яхьи воззвание с требованием присоединиться. Узнав об этом, елисейский султан собрал милицию из 1200 человек и окружил указанные селения. Их жители, не имея достаточных сил для сопротивления, были вынуждены уступить требованиям султана. Выступление этих селений было предотвращено. Генерал Аргутинский писал генералу Головину от 5 июля 1842 года: «В водворении спокойствия между кайтагцами и табасаранцами мне много помогли майор Ибрагим-бек Карчагский и капитан Джамов-бек»¹.

В начале 1844 года царские войска, после подавления волнений в Терекме и Кайтаге, вторглись в Табасаран, жители которого, по словам А.Юрова, были «готовы предаться Шамилю»². Одному из наибов Кибит-Магоме Шамиль приказал «собрать по мере возможности сильную партию и двинуться вместе с Сакуром в Табасаран»³. В своем письме к Магомед-кадию Акушинскому Шамиль отмечал: «Я отправил к Казикумухским Магомед-Эфенди войско в Кайтаг и Табасаран для восстановления исламизма, и тебе повелеваю послать туда без всякого отлагательства с сыном своим Абубекиром около 100 человек, дав ему необходимые наставления»⁴.

В марте 1844 года произошло сражение у селения Дюбек между жителями Верхнего Табасарана и царскими войсками. По приказу генерала Аргутинского селение Дюбек было сожжено за исключением мечети и двух домов и преданных жителей⁵.

Подробно о восстании табасаранцев и кайтагов и его подавлении говорится в рапорте генерал-майора Аргутинского-

¹ Юров А. // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. С. 177.

² Там же.

³ АКАК. Т. I. С. 811.

⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 годах XIX в. Махачкала, 1959. С. 53.

⁵ АКАК. Т. IX. С. 820.

Долгорукого генерал-адъютанту Нейгарду от 6 марта 1844 года: «4 числа сего месяца (март) войска Самурского отряда в час пополудни разбили кайтагцев и собравшихся в большом числе вольных табасаранцев перед Дюбеком и вслед за тем взяли штурмом последнюю деревню, которую я по многим причинам обязан был наказать и потому, предав деревню пламени, отступил того же числа у урочище Баши-Даш...Я уверен, что истребление Дювека будет иметь благодетельное влияние на дела этого края»¹.

В 1847 году Шамиль снова пытался овладеть Дарго. «Отсюда он мог взволновать Мехтулу, Шамхальство, Кайтаг, Табасаран..., проникнуть в Кюринское ханство».

Кавказское командование принимало все меры, направленные на обуздание действий поднявшихся на борьбу жителей Табасарана и Кайтага. «Поднять Кайтаг и Табасаран было слишком соблазнительным. Ведь с отторжением Кайтага отлегла от нас значительная часть наших владений на юго-востоке Прикаспийского края»².

Вскоре жители Верхнего Табасарана явились к Аргутинскому с повинной. Они были прощены с условием безусловного выполнения впредь всех приказов. 15 марта того же года Аргутинский прибыл в Гиляр и расположил отряд по квартирам. Затем царские войска прошли через крупные селения Стал, Магарамкент, Капир, Курах, Рича, Чирах, с целью навести страх на местных жителей.

Следует отметить, что различные слои населения Южного Дагестана к движению горцев относились по-разному. Ставленники царизма всячески старались подавить выступления рядовых жителей «вольных» обществ Самурской долины. Местная администрация в лице ханов, беков делала все зависящее от себя, чтобы Южный Дагестан не был охвачен движением. Несмотря на это, подавляющая часть жителей Южного Дагестана сочувственно отнеслась к движению горцев и настоятельно просила Шамиля организовать поход во владения Южного Дагестана.

5 сентября 1848 г. с конным отрядом в 4 тыс. человек Даниял-бек прибыл в Шиназское ущелье. За ним двигались два отряда, один из них двигался правым берегом Самура в

¹ Движение горцев... С. 454.

² Обзор событий на Кавказе в 1857 г. // Кавказский сборник. Вып. XVIII. С. 160.

направлении с. Амсар, а другой Ачи-арго в Ихрекском ущелье. Жители сел и находящаяся там милиция сдались. Их примеру 6-7 сентября последовали ряд сел рутульского магала. Узнав об этом, начальник Самурского округа полковник Рот решил организовать сопротивление наступающим мюридам, но оно не имело успеха. Тем временем Хаджи-Мурат вошел в Рутул.

Беспрепятственное по существу движение отрядов имама встревожило кавказское командование. Все воинские начальники лихорадочно принялись к подготовке войск к борьбе. Были вызваны даже отряды, дислоцированные в Северном Азербайджане. Письмо Даниял-бека к имаму создало благоприятную обстановку для продолжения наступления. «До сих пор, - говорилось в нем, - дела наши идут как мы хотели. Рутульцы уже в наших руках. Потом жители Ахтов и других красв (т.е. сел) желают перейти на нашу сторону и приглашают нас к себе. Многие ахтынцы и жители других селений перешли к нам. Со стороны врагов слышны противоречивые известия. Мы отправимся к поступам Ахтов, внимая их просьбам, а вообще население очень хочет, чтобы вы приехали к нам»¹. Все это обрадовало Шамиля. Он понял, что самое время выехать на театр войны и лично командовать наступательными действиями. Так он и поступил. 12 сентября он прибыл в Рутул. Как и положено, у имама собрались все представители отрядов, назначенных к наступлению. Произошло короткое совещание, на котором Шамиль изложил поставленную задачу и в приказном порядке заключил основательно подготовиться всем и не теряя времени ускоренно двинуться на Ахты и занять его. Он хорошо понимал, что исполнить эту нелегкую операцию необходимо в кратчайший срок, используя выпавшее на его исполнение время отсутствия в Южном Дагестане основных сил отряда ген. Аргутинского. На следующий день имам Шамиль направился в с. Ахты, жители которого горели желанием встретиться с ним². Одновременно начал наступление и Хаджи-Мурат со своей конницей и занял курахскую дорогу и дошел до Хазры, что в 45 км. ниже от Ахты. Даниял-бек продвигаясь по правому берегу реки Самур, вступил в ущелье Ахты-Чая и стал у минеральных источников.

¹ Движение горцев...С. 578.

² Мусаев Г. М.-С. Участие рутулов в Кавказской войне // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. С. 234.

Царские войска заперлись в Ахтынской крепости, расположенной в трех километрах от селения. Вместе с царскими войсками в ахтынской крепости находились со своими семьями самурские беки: Али-Султан-бек, Али-Мулла Шериф-оглы, Аглен и их нукеры (слуги). Гарнизон крепости состоял из 500 солдат и 18 офицеров с 14 орудиями различного калибра. Снарядов и пороха было достаточно, чтобы выдержать продолжительную оборону.

Еще за день до занятия Ахты восставшими горцами, жители селения, как отмечает современник, «ожидая к себе Шамиля, решили к его приезду завладеть укреплением Ахты. Под предлогом просить патронов, они намеревались войти в укрепление и завладеть им, но коварство их сделалось своевременным известным через лазутчиков». Ахтынцев не пустили в крепость и они «видя свою неудачу», стали просить патронов якобы «для защиты себя от партии Шамиля», Полковник Рот отпустил ахтынцам 15 или 20 тысяч патронов и, как сообщает современник, ахтынцы «действительно пустили их в дело - но против нас, присоединившись к неприятелю»¹.

Местные жители не оказывали Шамилю и его отряду никакого сопротивления. «Ахтынцы пустили к себе войска Шамиля без выстрела»², - отмечал участник событий. Большая часть жителей Самурского округа также были настроены выступить против царских войск.

Вся долина р. Самур Ахтыпаринский, Алтыпаринский, Докузпаринский и Рутульские союзы сельских общин оказались в руках имама³. Лишь укрепление с небольшим гарнизоном во главе с полк. Рот продолжало оставаться независимым. Оставалось как будто самое малое, размять и уничтожить укрепление Ахты, расположенное на правом берегу Самура, Однако эта задача оказалась для горцев не из легких.

Отряды Шамиля обложили укрепление, которое состояло из 5 фасов, связанных между собой 5 батареями. Характерно, что каждая из этих батарей могла сражаться отдельно. Единственным недостатком крепости, пожалуй, была малочисленность

¹ Мужественная защита укрепления Ахты в 1848 г. СПб., 1873. С. 5-7.

² Кавказский сборник. Т. VI. С. 713-714.

³ Движение горцев...С. 579.

гарнизона.

13 сентября горцы предприняли мощный штурм крепости. Обороняющиеся понесли чувствительный урон, было убито 20, а ранено 32 человека. Был ранен так же сам полковник Рот. Собравшиеся в подвале укрепления, защитники по предложению полковника дали клятву ни при каких обстоятельствах крепость не сдавать, в крайнем случае взорвать на воздух. На следующий день с самого раннего утра горцы начали массированный артиллерийский огонь по укреплению, в свою очередь чуть ли не совсем с крепостных орудий обороняющиеся ответили мощным ударом по местам дислокации горцев. Эта артиллерийская пальба продолжалась несколько часов. И вот где-то к полудню раздался страшной силы, как бы подземный удар, сопровождающийся необычным шумом и треском, мощный взрыв. Над крепостью поднялась дымовая завеса, закрывавшая все укрепления. Обе воюющие стороны не знали причину и следствие удара, а когда завеса рассеялась, выяснилось, что в крепости взорвался погреб с четырехстами пудами пороха и множеством снарядов¹. Этот взрыв нанес огромный силы урон крепости, разрушил в ряде мест оборонительные стены. По существу ни одна из стен не осталась целой. «Если бы в эту минуту, - писал Н. Волконский, - неприятель был подготовлен к штурму и не медля двинулся на укрепление, то участь его была бы решена окончательно и навсегда². Но время было упущено, «промедление и нерасторопность самих наивов»³ не позволили Шамилю добиться желаемого. Опомнившись от этого удара осажденные быстро оправились и умело использовали представившуюся им возможность и забросали создавшуюся в крепостной стене брешь мешками с мукой. И тем самым обезопасили себя от прорыва штурмующих укреплений. Горцы продолжили штурм, но были встречены шквальным огнем крепостной артиллерии. В итоге этого сражения горцы потеряли 1500 человек.

Кавказское командование придавало ахтынской крепости большое стратегическое значение и по этому принимало решительные меры для ее защиты. «Как взоры всей Европы

обращены на Севастополь, так и весь Кавказ и в особенности горцы, взволнованные Шамилем смотрели на укрепление Ахты. Падение Ахты произвело бы на умы горцев самое благоприятное действие, после чего Шамилю не трудно было бы поднять население Баку, Кубы, Дербента и Шемахи, где только ожидали приезда имама, и тогда положение русских было бы вновь столь же невыгодное, как оно было после неудачной в 1845 году экспедиции в Дарго»¹.

После этой неудачи имам Шамиль отступил в Рутул, куда двигались и войска ген. Аргутинского, в составе которого было 9 бат. пехоты, 10 горных орудий, 2 взвода ракет, рота стрелков, дивизион драгун и 3 сотни казаков. Эту надвигающуюся на них лавину горцы были не в состоянии удержать. Не выдержав все усиливавшийся напор царских войск, горцам ничего не оставалось кроме бегства.

Очевидно, что имам поняв, что битва проиграна и что неудача является последним аккордом его похода в Самурский округ, счел необходимым отступить и притом ускоренным шагом, ибо можно было бы оказаться в значительно затрудненном положении.

В 1851 году по приказу Шамиля в Табасаран был отправлен Хаджи-Мурад во главе 500 воинов отборной конницы. Хаджи-Мурад выступил из Араканы через Буйнакск, где убил брата шамхала Шихвали и взял в плен членов его семьи. Затем, вступив в пределы Кайтага, разбил конницу кайтагского владетеля Джамов-бека². В начале лета, того же года Хаджи-Мурад был в Табасаране. Он сжег дом Исмаил-кадия, управляющего Северным Табасараном, станционный дом, дом местного пристава с делами канцелярии и хозяйские постройки царских войск,

Хаджи-Мурад должен был возглавить борьбу недовольных существующими порядками народных масс. Однако он «шел по своему пути и обыкновенно в отношении грабежа и похождения отсюда-туда, оттуда-сюда»³ и в силу этого оказался не в состоянии выполнить возложенные на него обязательства.

¹ Мужественная защита укрепления Ахты в 1848 г. С. 35.

² Кавказский сборник. Тифлис, 1897. Вып. XVIII. С. 160.

³ Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. Ч. 2. С. 57.

¹ Кавказский сборник. Т. VII. С. 571.

² Там же.

³ Мухаммед-Тахир ал-Карахи. С. 210.

Получив известие о походе Хаджи-Мурада в Табасаран, Аргутинский прибыл туда. Между царскими войсками и отрядом Хаджи-Мурада произошло сражение. Горцы, потеряв убитыми 60 человек, отступили по направлению к Чираху, а табасаранцы покинули Хаджи-Мурада. Не дойдя до Чираха, Хаджи-Мурад направился к Цахуру. До самого Ихрека Хаджи-Мурад преследовал Абу-Муслим Рутульский, а царские войска и местная милиция преследовали его до Катруха. Затем он отступил в Аварю.

Движение горцев под предводительством Шамиля и периодические вторжения их в Южный Дагестан оказывали на местных жителей большое влияние. В официальных документах кавказской военной администрации неоднократно встречаются признания об усилении влияния Шамиля в Южном Дагестане.

Южный Дагестан не остался в стороне и в период восстания горцев 1877 года. Начавшись в апреле 1877 года в Чечне, вскоре оно перекинулось на Дагестан. В августе восстание вспыхнуло в Аварии, а в сентябре восстали лезгины, казикумухцы, табасаранцы.

Начало восстания в Южном Дагестане было положено жителями аула Хан-Мамед-Кала во главе с Мехти-беком. 10 сентября Мехти-бек, явившись в сел. Башлы, на многочисленном митинге обратился к башлинцам с призывом объявить газават. Башлинцы откликнулись на этот призыв. На сходе они приняли присягу и провозгласили Мехти-бека кайтагским уцмием.

12 сентября 1877 года восстанием был охвачен весь Кюринский округ. Окружное управление в Касумкенте было разгромлено. 16 сентября восставшие выбрали кюринским ханом жителя сел. Курах поручика Магомед-Али-бека. В знак солидарности с кюринцами восстали жители Кубинского уезда. Они выбрали себе ханом подпоручика Гасан-бека. Движение принимало все более острый характер. Все общества Южного Дагестана, за исключением Самурского округа, были полностью охвачены восстанием.

Очагами развернувшегося восстания в Южном Дагестане сделались Башлы, Берекей, Маджалис, Хан-Магомед-Кала, Янгикент, Мулебки, Кадар, Касумкент, Курах.

Во главе восстания стояли: в Кайтаге-Мехти-бек Уцмиев, в Табасаране - Умалат-бек Рустам Кади и Аслан-бек, в Кюринском

округе - Магомет-Али-бек, в Яраге - Эфенди Исмаилов и др.

Опасаясь, чтобы восстание, охватившее весь Южный Дагестан, не перешло в Шуринский округ, царское командование перебрасывал из Леваша на помощь Дербенту отряд Тер-Асатурова.

Мехти-Бек Уцмиев, узнав об этом, решил не допустить Тер-Асатурова к Дербенту. С этой целью он обратился к жителям Кайтага и Табасарана с призывом подняться на борьбу и всеми мерами стараться не пропускать царские войска к Дербенту¹.

Пока отряд Тер-Асатурова находился в пути, кайтагцы, табасаранцы и кюринцы двинулись к селениям Каякент, Джемикент и Берикей. Сюда же двинулся и отряд казикумухцев под начальством Джафар-хана. Отсюда большие массы восставших горцев Южного Дагестана под начальством Мехти-бека Уцмиева двинулись в сторону Петровска, на Дешлагар и Буйнакск. Но когда тысячный отряд Тер-Асатурова, вооруженный до зубов, неожиданно преградил им путь, Мехти-бек решил отступить к Каякенту, чтобы там дать бой наступающему отряду. 17-18 сентября у Каякента завязался ожесточенный бой. Восставшие горцы, потерпев поражение, вынуждены были отступить в сторону Джемикента.

Однако поражение не заставило горцев отказаться от преследования отряда Тер-Асатурова. Отступив к Джемикенту и разрушив на пути три моста, горцы начали укрепляться и готовились к новому сражению.

Между тем из Дербента поступали все более тревожные сообщения.

20 сентября были получены сообщения, что Дербент уже окружен восставшими, цитадель брошена, гарнизоны оставшееся христианское население перешли в нижнюю часть города².

21 сентября у Джемикента, горцы с новой силой обрушились на отряд Тер-Асатурова, но опять - таки потерпели поражение. В результате, теснимые со всех сторон, горцы вынуждены были отступить с большими потерями.

¹ Магомедов Р.М. Восстание горцев Дагестана 1877 г. Махачкала, 1940. С. 48.

² Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Тифлис, 1910. Т. 6. Ч. I. С. 113.

Произошло временное затишье, но оно еще не предвещало конца борьбы. Пока войска подавляли восстание в Южном Дагестане, начались активные действия в Западном Дагестане.

23 сентября началось восстание в Табасаране. Во главе восставших стояли Умалат-бек Рустам и Аслан - бек.

1 октября было получено сообщение, что волнение в Самурском округе перешло в открытое восстание. Ахтынцы провозгласили капитана милиции Кази-Ахмеда самурским ханом. Своевременно предупредить волнение в Самурском округе и помочь гарнизону кавказское командование, ввиду недостатка войск, не имел возможности.

Результатом самурского восстания стало волнение жителей Кубинского уезда, Бакинской губернии и Закатальского округа.

Пребывание казикумухского отряда в Табасаране и Кюринском округе усилило восстание в Южном Дагестане. Умалат-бек и Аслан-бек стали набирать в Табасаране отряды. После этого, Умалат-бек направился в селение Дюбек для совместного действия с отрядом Мехти-бека в Кайтаге, чтобы вновь поднять там восстание. Узнав об этом, Комаров направился из Дербента в Табасаран. В результате однодневного боя селение Дюбек было разорено и сожжено.

25 октября Мехти-бек, вновь собрав из Верхнего Кайтага партию в количестве 200 человек, занял разоренное селение Башлы. За «вторичную измену» башлынды по приказанию князя Меликова были навсегда рассеяны по различным местам, а селение уничтожено.

По сути дела это была последняя, окончившаяся неудачей попытка Мехти-бека и Умалата удержать Кайтаг и Табасаран в своих руках.

Дальнейший маршрут царских войск был ясен. Это Кюринский и Самурский округа. Для подавления восстания в этих округах из вновь прибывших войск был сформирован особый отряд под начальством генерала Васильева.

К 20 ноября усиленными действиями карательных отрядов восстание в Южном Дагестане было окончательно подавлено. Одержав победу, царское командование начало жестокую расправу с повстанцами. В 1878 году в Дербенте были казнены Кази-Ахмед, его сын Гасан, ахтынский кадий и др. Количество высланных в Сибирь из Кюринского, Самурского и Кайтаго-Табасаранского

округов составило более 1060 человек..

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава III. Культурные взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв.

§ 3.1 Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в области материальной культуры.

Русско-дагестанские связи исходят ко времени образования Древнерусского государства. Их дальнейшее развитие происходило в условиях роста Русского централизованного государства. Укрепление экономических, политических и культурных связей с Русским государством имело большое значение для борьбы народностей Дагестана против ирано-турецких захватчиков и подготовки условий для присоединения Дагестана к России.

Дальнейшее усиление политического влияния России на Дагестан связано с царствованием Петра I. В результате Каспийского похода Петра I (1722) к России был присоединен г. Дербент и прибрежные районы Дагестана. Однако усилившееся в царствование Петра I политическое влияние России на Дагестан и их связи, в силу ряда причин внутреннего и внешнего порядка, не привели к их закреплению при ближайших преемниках Петра I. Окончательное присоединение Дагестана к России произошло в начале XIX в., когда экономическое развитие России, рост ее военной мощи и международного авторитета, с одной стороны, и усиление русской ориентации горцев, с другой, создали необходимые условия для включения края в состав Российской империи.

Присоединение Дагестана к России было закреплено Гюлистанскими мирным трактатом, заключенным Россией и Персией 24 октября 1813 года. Этот акт означал серьезный удар по агрессивным устремлениям Турции и Ирана.

Заключив мирный трактат в 1813 г. с Россией, Персия вынуждена была признать в составе России земли, на которые она претендовала в течение столетий.

Правда, правительство Персии, поощряемое Англией, вскоре начало добиваться пересмотра Гюлистанского договора. Однако Персии не удалось добиваться этого, и она в 1828 г. при заключении Туркманчайского договора с Россией была вынуждена по существу подтвердить условия Гюлистанского трактата.

Дагестан был включен в состав России в тот период, когда последняя переживала значительный экономический подъем в

условиях усиливавшегося охвата товарно-денежными отношениями всех отраслей хозяйства и разложения феодально-крепостнической системы.

В этих условиях российское самодержавие стремилось расширить владения империи путем присоединения новых регионов, в частности Северного Кавказа и Дагестана. Необходимость включения этих территорий в состав России диктовалась не только их важным стратегическим значением, богатыми сырьевыми ресурсами, но и значением как рынков сбыта продукции развивающейся промышленности.

Однако при всей жестокости национальной политики царизма присоединение Дагестана к России было явлением объективно прогрессивным. Оно означало включение отсталого хозяйства Дагестана в сферу более передовой экономики России и установление в ней широких торговых связей, т.е. включение рынка Дагестана в сложившийся еще в XVII в. всероссийский рынок.

Присоединение Дагестана к России открывало перспективы приобщения горцев к передовой культуре русского народа. Вовлекло их в классовые противоречия страны, в сферу обостренной классовой борьбы. Оно привело к ликвидации феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц, являвшихся большим препятствием на пути экономического и культурного развития горцев. Великий русский народ внес огромный, неопределимый вклад народам Дагестана.

Прогрессивное значение России на Дагестан XVIII-XIX вв. означало не только включение отсталого хозяйства Дагестана в сферу более передовой экономики России, но и усиление проникновения передовой русской культуры.

Поселения, жилище, одежда, пища, средства передвижения и другие элементы материальной культуры населения Южного Дагестана определяются господствующей формой его производственной деятельности, основной отраслью хозяйства; они отражают приспособленность этого хозяйства к природным условиям, а степень их развития зависит от социально-экономических условий, в которых находится население. У народов в сходных природных условиях, при господстве одних и тех же основных отраслей хозяйства прослеживаются близкие по форме элементы материальной культуры; их своеобразие, в свою очередь,

зависит от природных условий, от этнических, трудовых и бытовых традиций, складывавшихся в процессе трудовой деятельности, от социально-экономических и политических условий, в которых на разных этапах истории существовало население отдельных народов, об интенсивности разнообразных контактов между соседствующими народами. При этих особенностях истории материальной культуры характеристика ее целесообразна по следующим группам: 1) народы, занимавшиеся пашенным земледелием в южно-дагестанской равнине; 2) население Южного Дагестана, земледельцы и скотоводы в предгорьях, долинах и горных районах.

Будучи важнейшим показателем уровня крестьянского хозяйства, материальная культура населения различных народов, входивших в состав единого Российского государства, и ее состояние дает возможность, прежде всего, судить о взаимообогащении и сближении этих народов в процессе повседневной хозяйственной жизни, т.е. о сложнейшей проблеме культурных взаимовлияний, а также влияние социальных и экономических процессов на хозяйственную жизнь непосредственных производителей материальных благ.

На территории расселения народов Южного Дагестана были распространены разнообразные типы поселений, но наиболее характерными в рассматриваемое время были села и деревни.

Типы сельских селений у народов Южного Дагестана изменялись в процессе социально-экономических изменений, под влиянием демографических и политических факторов. Тем не менее, и в их местоположении и планировке неизменно прослеживаются традиционные особенности. Рельеф местности, гидрогеографическая сеть, гужевые тракты и водные пути, с одной стороны, развитие торговли, кустарной и ремесленных промыслов, с другой, обусловили разнообразное местоположение югдаговских селений - вблизи рек, ручьев, на водоразделах, около дорог и т.д. Селения обычно разбивались на кварталы (махалла), чаще исходя из географического расположения, иногда этнического состава, названий тухумов и т.д.

В непосредственной близости от населения находились пашни и сады, затем шли покосы - общественные и частные, за покосами - присельские выгоны. Такая модель однако не было обязательной для всех сельских обществ, в одних селах Южного

Дагестана не было садов, территория других не простиралась на альпийскую зону.¹ Но во всех случаях одним из неприемлемых условий являлось то, что само селение располагалось на непригодном для обработки земель месте. Вследствие малоземелья, когда каждый клочок земли был на счету, строить старались на местах, не представлявших ценности с хозяйственной точки зрения.

Не менее важными факторами в выборе места поселения являлись оборонительный фактор, наличие поблизости воды, ориентация на солнечную сторону и близость к пахательным участкам.² Селения обычно делились на кварталы - верхний, средний и нижний.

В таких крупных селах Южного Дагестана в XVIII-XIX вв., как Магарамкент, Курах, Касумкент, Даргуш имелись два квартала - верхний квартал (вени мяхле) и нижний (ашага мяхле). Порою кварталы назывались и по роду занятий его жителей.³

Изменения социально-экономических условий приводит к дальнейшей эволюции жилища. Наиболее распространенными типами жилища в конце XVIII-XIX в. в Южном Дагестане являлись двухэтажные дома из камня (Ахтынский и Курахский районы) и саманного кирпича (Докузпаринский, Касумкентский, Магарамкентский районы).

Наиболее старинные типы застройки - свободная или беспорядочная круговая или замкнутая - были широко распространены и в период развитого феодализма.⁴

В центральных районах России рассматриваемое время часто встречались круговые или замкнутые поселения, все постройки в которых были расположены вокруг какого-либо центра (озера, пашни, торговой площади т.д.).⁵

Для рассматриваемого периода было свойственно несколько наиболее характерных особенностей сельского расселения: во-первых, возрастающая дворность селений, во-вторых, освоение водоразделов, что объяснялось вовлечением в хозяйственный оборот новых земель и, наконец, разнообразие планировок селений

¹ Аглазов М.А. Земледельческая округа «мегъ» в Аварии в XVIII-XIX вв. // Быт сельского населения Дагестана (XIX-нач. XX в.). Махачкала, 1981.

² Агаширинова С.С. Поселения лезгин в XIX-XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1959. Т. 6. С. 44.

³ Полевой материал, собранный в районах Южного Дагестана в 2004 г.

⁴ Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII-XVIII вв. М., 1966. С. 205.

⁵ Чагин Г.Н. Усадьбы русского населения России (XVII - нач. XX в.) // Сов. энц. (СЭ). 1976. № 6. С. 89.

при сохранения старых планировочных типов и развитии селений с уличным планом.

Одинаковые дома и даже похожие селения встречаются в горных южно-дагестанских районах: в Ахтынском, Курахском, Рутульском и Псковской, Тульской и Смоленских губерниях.¹

Селения эти представляют собой как бы естественные крепости. Если естественные условия не способствовали надежной обороне, создавались искусственные сооружения. Возводились стены, строились крепости, сооружались сторожевые башни, насыпались холмы. Это было присуще всем русским и дагестанским селам. Под крестьянским двором, прежде всего, имеется в виду участок земли, где располагались жилые и хозяйственные постройки, огород, сад, которые были во владении крестьянской семьи и обеспечивали ее жилищные и хозяйственные потребности. Индивидуальное замкнутое хозяйство обусловило необходимость различных хозяйственных построек. Комплекс хозяйственных построек на усадьбе определялся у всех земледельческих народов социально-экономическими условиями, объемом урожая, состоянием животноводства, уровнем потребления крестьянской семьи. Постройки на усадьбе обычно группировались в определенном порядке.

Дома XVIII-XIX вв. у народов Южного Дагестана в основном не имели отчетливо выраженного главного фасада, а выходили на улицу либо торцом, либо стеной крытого двора. Со своими глухими стенами, массивной входной дверью и маленькими окнами.²

Об интерьере горского жилища С. Броневский писал, что «о внутренних уборах комнаты упомянуть было ничего в рассуждении бедности жителей... и всю мебель комнаты составляли лишь сундуки, ковры, разного рода перины и подушки».³

Что касается традиционного жилища русского населения XVIII-XIX вв. оно имело свои особенности отличающие его от построек в районах Южного Дагестана. Но имелись сравнительные архитектурные, похожие для сельских местностей свои

¹ Шенников А.А. Крестьянская усадьба в XVIII- перв. пол. XIX вв. СПб., 1864. Т.2. С. 408; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX - нач. XX в. М., 1978. С. 82.

² Ризаханова М.М. Лезгины XIX - нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005. С.95.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 448.

особенности.

Исторические, социально-экономические и природные условия жизни русских, сложные этнические процессы взаимовлияния между русскими и горцами Дагестана оказали воздействие на их традиционно-бытовую культуру.

Задача настоящей работы - показать характерные особенности культуры, быта русского населения и Дагестана, в том числе Южного Дагестана в XVIII-XIX вв., проследить основные пути его развития под воздействием социально-экономических преобразований, особенно в период развитого социализма. Нас интересует степень и характер сохранения в изучаемом объекте традиций свойственных как русскому, так и дагестанскому народу, на коренной территории его расселения, их изменения под влиянием условий жизни, сложившихся в инонациональном окружении, а также отражение в жилище процессов культурно-бытового сближения, неизменно возникающих в результате активных этнических контактов в районах смешанного расселения народов. Процесс адаптации русских в новых условиях происходил в постоянном контакте с местным населением, имели влияние новые эмиграционные волны из различных русских, преимущественно южных губерний.

Многие русские сел на юге, были основаны во второй половине XVIII в. в Южных районах России - на Дону и Астраханской, благодаря выгодному географическому положению, расширению торгового земледелия, широким экономическим связям с центром России и европейскими странами уже во второй половине XIX в. определился процесс более быстрого экономического развития сельского хозяйства, что естественно не могло не сказаться на бытовых особенностях жизни населения. Подсобными занятиями русских крестьян в некоторых селах Дагестана были промыслы и ремесла, русские работали кузнецами, плотниками, каменщиками, портными.

В русских селах России сформировался тип жилища, напоминающий многими своими чертами традиционные постройки Дагестана.⁴ Для большинства обследованных южно-дагестанских сел XIX в. и русских построек типичны сравнительно низкие продолговатые в плане постройки сооруженные из различных строительных материалов, без

⁴ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских. М., 1996. С. 176.

подклета, с земляным или глинобитным полом покрытые четырехскатной соломенной или камышевой крышей, которая в конце XIX в. сменяется двускатной черепичной кровлей. Распространен открытый тип двора. Характерны обмазка стен глиной, побелка и окрашивание стен в разные тона, постройка дома во дворе за забором с преобладающей ориентацией фасадной стены на южную сторону. Отмеченная общность, характерная для жилищ многих русских сел сочетались с наличием локальных особенностей в русских постройках.

Крестьянская усадьба в южных районах огораживалась высокой крепкой оградой с плотными воротами.¹

Высокие плотные ограды были своего рода оборонительными сооружениями. Уже в XVIII в., видимо, сложились основные особенности такого двора-крепости, хорошо известного в бассейне Дона.² Это был четырехугольный замкнутый двор, в глубине которого или посередине находилась изба, а стена окружавшая двор, построенная из дерева, позднее из камня или плетня, в то же время часто была наружной стеной хозяйственных построек, расположенных по предмету двора. Появление таких дворов - крепостей было обусловлено длительной военной обстановкой на южных окраинах государства, а также постоянными притеснениями со стороны крупных феодалов имевших там свои вотчины.³

Замкнутые дворы с высокой оградой из жердей строились в ту же эпоху и на территории Южного Дагестана. При господстве бессистемной планировки деревень и сел наиболее массивным типом крестьянского двора на большей части как России, так и Дагестана была замкнутая застройка двора, когда хозяйственные постройки группировались вокруг хаты, образуя вместе с хатой и оградой как бы венок.⁴ Промежутки между постройками загораживались плотным забором.

Роль дерева в домах русских живущих в центральной полосе и лезгин была более значима. Жилища в основном у них были одноэтажные. Наличие того или другого типа чаще всего зависело от материального положения владельца, меньше от

¹ Бломквист Е.Э. Указ. соч. С. 198.

² Материалы по истории крестьянского хозяйства в I-ой четверти XVIII в. М., 1954. С. 22 - 23.

³ Рабинович М.Г. Русское жилище в XVII-XIX вв. М., 1965. С. 187, 188.

⁴ Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 44.

рельефа местности.¹

Проникновение в XIX в. в лезгинские районы товарно-денежных отношений и распад большой семьи способствуют возникновению нового типа жилища, изменения в жилище достигаются в первую очередь за счет разделения общей жилой комнаты на части. Женатые сыновья живут в отдельных комнатах, хлеб остается общим, «что указывает на общность в хозяйстве, так как разделение происходит лишь в пределах владения предметам личного пользования семьи».²

В некоторых деревнях России, как и в дагестанских селах, в рассматриваемое нами время излюбленным строительным материалом был высушенный на воздухе необожженный кирпич - саман.

Изготовление саманного кирпича у народов Южного Дагестана, так же у жителей Причерноморья, Астраханской, Смоленской, Псковской и др. губерний России, по-видимому, является древней местной традицией. В середине XIX в. строительство домов из самана было обычным занятием некоторых жителей деревень и сел России и Дагестана.

Готовили саманный кирпич обычно около воды - реки, пруда, колодца. Замес глины, который делали для самана, примерно зависит от количества изготавливаемого кирпича. Раствор укладывали в деревянные формы, имевшие от двух до десяти гнезд. Размер саманного кирпича колебался от 35x18x15 до 40x25x17 см, в некоторых населенных пунктах делали большие кирпичи 80x40x17 см.

Формованные кирпичи сохли в течение нескольких дней³, а затем ставили на ребро и досушивали, складывая пирамидными клетками, что обеспечивало хорошее проветривание кирпичей.⁴ Кладкой стены обычно занимались опытные в этом деле сельчане или нанимаемые за плату мастера. Стену выкладывали в 1,5 кирпича, а щели между ними заливали жидкой глиной. Толщина саманной стены достигала 50-70 см.⁵ Для подготовки глиняного

¹ Любимова Г.Н., Ханмагомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская Архитектура. М., 1956. С. 24.

² Агаширинова С.С. Указ. раб. С. 162.

³ Материальная культура компактных этнических групп в России. М., 1979. С. 20.

⁴ Полевой материал, собранный автором в Южном Дагестане в 2005 г.

⁵ Гильденштедт А.И. Путешествие академика Гильденштедта по Слободско-Украинской губернии. М., 1892. С. 64. Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. М., 1976. С. 197.

замеса и изготовления саманных кирпичей обычно собирали помощь - несколько человек соседей и родственников, которых после работы хозяин обязан был угостить обильным обедом.¹

Сравнительно реже русские крестьяне строили дома из камня - песчаника, известняка, мела. Каменные дома возводили только в тех селах, где вблизи были выходы горных пород. Так, в некоторых селах (нынешнего Краснодарского, Ставропольского краев), камень издавна был основным строительным материалом для жилых и хозяйственных построек. Здесь залежи камня были расположены поблизости от села. При заготовке камня выламывали большие глыбы, затем при помощи топора вытесывали небольшие блоки. При кладке стены блоки скреплялись раствором жидкой глины с песком.²

Аналогичное строительство домов мы наблюдаем и в селах Южного Дагестана.

Острый дефицит строительного леса в горных селениях Ахтынского, Курахского и некоторых других районов привел к появлению в жилище в XIX в. каменных конструкций перекрытий в виде арок на фасаде (оконные и дверные проемы) и редко - в качестве обрамления прохода улицы под домом или арочной ниши в подпорной стене.³

Для архитектуры жилых домов Курахского района было характерно также укрепление кладки фасада резными камнями.

В Южном Дагестане в больших селах состоятельные домохозяева иногда обкладывали саманные дома жженым кирпичом.⁴ Жители южных сел часто покупали кирпич и черепицу в соседнем городе Дербенте.⁵

Какой бы строительной техникой ни возводили стены - срубной столбовой, глинобитной, саманной, каменной, большая часть жителей российских деревень и Южного Дагестана снаружи и изнутри их обмазывали глиной и белили. Обмазка осуществлялась за два - три приема.

Как свидетельствуют источники и полевой материал, в лезгинских селах были хорошие мастера-каменщики. Они летом

до самой поздней осени уходили на заработки не только близлежащие села, но и в Россию, русские деревни и города. Так, в населенных пунктах Рутул, Ахты, Зрых, Гарах и др. жили хорошие мастера - каменщики Серу-хан, Алисултан-уста и др. Построенные ими дома резко отличались по своей архитектуре. Они строили дома не только у себя, но и в русских деревнях, Кизляра, Астрахани, Ставрополя, Краснодаре и т.д.¹

Это в основном «Г» - образные, двухэтажные дома с балконом, впереди которых пристроен крытый двор. Расположения жилых комнат соответствует расположению помещений нижнего этажа. Подобный вариант жилого дома получил у лезгин и в некоторых деревнях Краснодарского и Ставропольского краев. Все дома построенные в первой половине XIX в. имеют такое расположение жилых и хозяйственных построек.²

По рассказам старожилых успехом пользовались мастера - строители из селений Кюре, Мискинджа и др. Кюринские и мискинджинские мастера уста Зейнал, уста Али, уста Курбан и др. были известны далеко за пределами Южного Дагестана.³

Для архитектуры жилых домов мастера делали украшения кладки фасада резными камнями.

В середине XIX в. в связи с быстрым развитием Северного Кавказа в общероссийский рынок усилилось проникновение в лезгинские районы из России не известных ранее строительных материалов - оконных стекол, филенчатых дверей и т.д. При всем этом основным материалом для постройки жилища остается саманный кирпич и горный камень. В интерьере жилища у зажиточных горцев появляется из России мебель, посуда и др. Печная система обогащается железными печами - буржуйками. Изучение надписей показывает, что особый подъем строительной деятельности двух народов (русских и дагестанцев) падает именно на рассматриваемое время, это строительство богатых двухэтажных домов и т.д.

Эпиграфический материал проливает свет также на одно из направлений культурных контактов народов Южного Дагестана не

¹ Сохно Н. Поиски и находки. Краснодар, 1972. С. 15.

² Сохно Н. Указ. соч. С. 19.

³ Ризаханова М.Ш. Указ. соч. С. 97.

⁴ Бабенко В.А. Этнографический очерк народного быта. М., 1985. С. 21-22.

⁵ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII - пер. пол. XIX вв. Махачкала, 1998. С. 69.

¹ Бабенко В.А. Указ. соч. С. 44.

² Ханмагомедов С.О. Указ. соч. С. 74.

³ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X - XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С. 423; Полевой материал, собранный автором в 2003-2005 гг. в Южном Дагестане.

только с Россией, но с Украиной и другими славянскими народами. Об этом говорят многочисленные изделия из дерева, резьбы на камне, металлические изделия и многочисленные украшения из русских городов, которые имеют место на территории Южного Дагестана.

В русских так же, как южно-дагестанских селах, украшения комнат отличающийся яркими цветовыми гаммами, обилием ковров, вышивок и тканей. На стенках комнат висят домотканые ковры-паласы с цветочно-растительными узорами. Лавки, сундук, диван, пол, покрывают яркие полосатые домотканые ковровые дорожки. Свободное пространство стен затягивается разноцветным ситцем. Поражает обилие вышивок вышитые полотенца, салфетки на стенах, диванах, полках, расшитые гладью наволочки на подушках. Во всех комнатах занавеси и занавески - на окнах, дверях, около кровати на стенах и т.д.¹

Изучение материалов архитектуры, строительства и прикладного искусства двух народов для нас представляет определенный интерес. Крестьянское искусство в XVIII-XIX вв. изучено гораздо лучше, чем искусство предшествовавшей эпохи. Больше сохранилось памятников крестьянского искусства, относящихся к этому времени, глубоко исследованы древние корни прикладного искусства в самых различных формах его проявления.²

Важнейшей особенностью крестьянского искусства является его целесообразность, тесная связь с жизнью и бытом своего народа. Оно не существует само по себе и само для себя. Произведение того или иного народа - это его жилище, предметы домашнего обихода и труда, его одежда и т.д.

Особую ветвь у народов Южного Дагестана и большинство населения России в рассматриваемое нами время составляло женское художественно-домашнее вышивки и плетение кружев, а также ткачество.³

Второй особенностью и сходностью искусства этих двух народов - является его традиционность.

Зародившись в глубочайшей древности, достигнув своего наибольшего развития и расцвета в эпоху феодализма, народное

искусство затем сильно изменяется, а в ряде мест и исчезает вовсе. На смену ему приходит новая городская культура. Однако как свидетельствуют источники, начиная с XVIII в. народное искусство продолжало жить полнокровной жизнью. Испытывая влияние растущего города и изменившихся в результате петровских реформ условий жизни, оно тем не менее не порывает еще связи с древними художественными образами, восходящими порой к дофеодальному обществу. Традиционность народного прикладного искусства - это один из элементов его созидательной силы. Традиция обуславливает долговечность и устойчивость бытовых форм искусства, приобретенных стойкую конструктивность. Конечно, с каждым новым поколением это искусство обновлялось, но это обновление распространялось главным образом на варьирование ранее созданных типов, сюжетов, образов.

Влияние русской традиционной культуры на культуру народов Южного Дагестана сказывалось также в постановке дома на усадьбе.¹ Характерной чертой русского домостроительства в основном является постановка дома за забором с преимущественной ориентацией окон на солнце. В большинстве обследованных лезгинских селах дом также ставили в углу усадьбы на некотором расстоянии от забора, окна дома стремились ориентировать на южную солнечную сторону.²

В некоторых русских селах преобладал так называемый открытый незамкнутый тип двора, характерный для плоскостной части сел Южного Дагестана.³

Хозяйственные постройки располагались во дворе свободно, не всегда примыкая друг к другу и к дому, отдельные постройки или группы построек объединялись общим перекрытием.⁴

От улицы и соседней усадьбы отгораживали забором. Типы изгородей были разнообразны. Хозяйственные службы сосредотачивались вокруг жилого дома. Напротив дома по другую сторону ворот ближе к улице часто ставили амбар, или сарай для

¹ Водарский Е. Указ. соч. С. 248; Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 115.

² Ризаханов М.Ш. Указ. соч. С. 82.; Полевой материал, собранный автором в Южном Дагестане в Магарамкентском, Курахском, Агульском районах в 2002-2003 гг.

³ Полевой материал собранный, автором в Дербентском и Магарамкентском районах в 2004 г.

⁴ Там же.

¹ Афанасьев - Чуневинский А. Поездка в Южную Россию. Ч. II. СПб. 1863. С. 364.

² Там же. С. 367.

³ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - нач. XIX вв. М., 1977. С. 228.

сельскохозяйственного инвентаря и т.д. В глубине двора строили сараи для домашнего скота, а также навесы и открытые загоны для домашних животных.

Соединение жилых и хозяйственных построек под одной крышей у народов Южного Дагестана, по мнению некоторых исследователей, относится ко второй половине XIX в. и объясняется влиянием живущих поблизости в Дербенте, Рубасе, Белиджах русских.¹ В богатых хозяйствах существовали амбары для хранения зерна, муки, крупы и т.д.

В некоторых русских селах, преимущественно на северо-востоке в XIX в. существовал архаический способ хранения зерна в ямах. Яму выкапывали в глинистом грунте в форме кувшина. Внутренние стороны стенки ямы обмазывали глиной, а затем обжигали. После засыпки землей, сверху иногда устраивали двухскатную крышу.²

Аналогичную постройку мы наблюдаем и у некоторых у народов проживающих в предгорной и горной части Южного Дагестана.³ Обычно яму рыли во дворе подольше от дома, иногда она огороде зерновые ямы в некоторых лезгинских селах бытовали, видимо до конца XIX в. Старейшие жители этих сел слышали о них от своих дедов и отцов или знают по воспоминаниям о детстве.⁴ Для хранения овощей и других продуктов питания использовали погреб. Яму для погреба предпочитали рыть в глинистом грунте. Стенки ямы обычно ничем не обкладывали, иногда укрепляли тонкими сохами или досками, врытыми вертикально. Сверху яма перекрывалась подстилом из жердей или досок, засыпыванием соломой и землей. Квадратное отверстие для входа закрывали досчатой крышкой. Поверх настигла возводили двухскатную крышу, покрытую соломой или камышом. Нередко погреб рыли под крышей сарая или навеса.⁵

На значительном расстоянии от дома за двором или в конце огорода устраивали открытое гумно или ток для молотбы хлеба. Закрытое такого типа гумно со специальной сушилкой, овином,

¹ Харузина В. Заметки о крестьянском жилище. М., 1986. С. 137.

² Там же.

³ Рагимова Б.Р. Поселение и сельская община самурских лезгин в конце XVIII-XIX в. Махачкала, 1999. С. 116.

⁴ Рагимова Б.Г. Указ. соч. С. 38. Полевой материал, собранный автором в сел. Хнов в Ахтыском р-не, Чираг в Агульском районе в 2005 г.

⁵ Полевой материал, собранный автором в сел. Капир, Икра Курахского р-на в 2005 г.

распространенным в центральных районах России, где требовалось дополнительная просушка хлеба перед обмолотом, в обследованных районах встречались только в Дербентском районе.¹

Под навесом во дворе отводилось специальное место для арбы, рядом или на веранде первого этажа имелась хлебная печь (тандир). Тандиры были разной величины. Высота более крупных достигала 1,2 - 1,4 м. Диаметр у горловины равнялся 75-80 см., а на дне был немного - больше. Были тандиры и поменьше. В больших тандирах можно было одновременно испечь 15-20 чуреков.² Таким образом, в результате обобщения материалов характеризующих жилище русского населения и народов Южного Дагестана XVIII-XIX в. можно сделать следующие выводы.

При наличии ряда признаков объединивших жилища в рассматриваемое время, во всех обследованных селах, имеется в виду так называемая русско-дагестанская планировка хаты, четырехскатная соломенная крыша, земляной пол, обмазка стен глиной и побелка, открытый тип двора, со свободным расположением построек, постановка дома во дворе за забором с преобладающей ориентацией фасадной стены на юг.

Как уже указывалось выше, в традиционном жилище лезгин обнаруживается большая общность с постройками русских. Это объясняется, прежде всего, тем, что в жилище лезгин, так же как и русских, сохранились многие основные черты, свойственные всем дагестанским народам.

Некоторые особенности жилища народов Южного Дагестана с русскими возникли так же уже после переселения русских на Кавказ, в том числе и в Дагестан, где отражается непосредственное влияние русского домостроительства. Это проявилось, например, в распространении невысоких хат, обмазанных глиной и побеленных, в устройстве галерея, во внутренней планировке хаты, в постановке дома за забором.

С середины XIX в. происходит изменения традиционных форм сельского жилища, усиливаются процессы его унификации. Совершенствуется строительная техника, усложняется планировка домов, состоятельных крестьян, появляется передвижная мебель и

¹ Водарский Я.В. Указ. соч. С. 242; Гаджиева С. III Дагестанские азербайджанцы XIX - нач. XX в. М., 1999. С. 116.

² Полевой материал, собранный автором в селах Южного Дагестана.

прочная городская обстановка. Особенно процессы изменений в традиционном жилище сильнее были выражены у населения Южного Дагестана, т.е. в селах и городах, где интенсивно развивались товарно-денежные отношения. В жилище лезгин, так же как и других народов Дагестана этого периода, отражались усиленная имущественная дифференциация сельского населения.

Национальные традиции дольше сохранялись в домах жителей со средним достатком, богатые слои сельского населения, имевшие материальные возможности для расширения жилой площади и обстановки комнат мебелью, быстро видоизменяли и улучшали свои дома приближая их к городским постройкам.

Традиции более всего сохраняются в применении местных строительных материалов, в приемах возведения стен тузлучных и саманных построек, в обмазке и побелке домов, в способах устройства потолка и крыше, во внутренней планировке комнат.

Распространение новых черт в современном жилище приводит к стиранию локальных черт сельского жилища русских и дагестанцев, связанных в прошлом главным образом с природными и социально-экономическими условиями их жизни.

§ 3.2 Взаимосвязи в области одежды, украшений и пищи в XVIII-XIX вв.

Изучая и анализируя материальную культуру народов Южного Дагестана и России XVIII-XIX в., мы по мере возможности, постараемся проследить особенности влияний факторов на формировании тех или иных черт, распространения причин и региональных различий в одежде головных уборах, украшений и пище этих народов.

В рассматриваемое время хозяйство у народов Южного Дагестана все больше приобретало товарный характер. В общественно-экономической жизни населения этого региона важную роль играл Дербент. В Дербенте задолго до изучаемого периода широкое развитие получает изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей. Значительная часть продукции этой отрасли ремесленного производства предназначалась для внутреннего рынка, т.е. реализовалась внутри региона.

По данным С. Броневского, в Дербенте в 1796г. насчитывалось 143 мастерских по производству хлопчатобумажных и шелковых тканей, которые он называет бумажными фабриками.¹ В мастерских выделяли шелк и бязь. Этим было занято значительное число ремесленников.² Судя по источникам того времени, еще XVIII- нач. в XIX вв. ткани производились на 20 -200 станках, на каждом из которых работало по четыре ткача. Это были добротные для того времени ткани, не уступающие по качеству ширванским.³ Для изготовления шелковых тканей, тафты мастера частично приобретали шелковую пряжу в соседнем Азербайджане или выращивали у себя.⁴

В Дербенте имелась и красильная мастерская, где красили ткани в разные цвета, шелковые изделия местных тканей; кроме реализации на местном рынке, сбывались и в Кизляре, Ставрополе или же вывозили в другие районы центральной России.

В начале XIX в. на территории Южного Дагестана производили хлопчатобумажные ткани (бязь, аладжу и др.) на 115 и шелковые на 40 станках, принадлежавших 65 хозяйствам.⁵ Несколько ранее шелк изготавливался на 200 станках.⁶

Вместе с тем все больше свертывались домашние промыслы, особенно прядение; этому в значительной степени способствовали развитие внешней торговли у народов Южного Дагестана с Россией, приток в город разнообразных товаров, в том числе и тканей из европейских стран. Важнейшими торговыми партнерами жителей лезгинских сел являлись Кизляр, Астрахань, Новгород и т.д.

Состояние торговли в Южном Дагестане, в частности в Дербенте, в конце XVIII - начале XIX в. отразил А.А. Кремский: «Привозятся ж в Дербент, во-первых, из Астрахани на российских судах, как-то; сукна... холщевые, шелковые... Сукна продаются тонкие и более кармазинные...».⁷

Это не исключало однако сохранения некоторых видов

¹ Броневский С. Новейшее географическое и историческое известия о Кавказе. Ч. I. М., 1823. С. 338.

² Обзорение российских владений на Кавказе. Ч. II. СПб., 1836. С. 179.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Обзорение российских владений за Кавказом. Ч. IV. СПб. 1836. С. 178-179.

⁶ Там же.

⁷ Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана 1806 г. // ИГЭД. С. 234.

домашних промыслов. Большую роль продолжала играть ремесленные изделия, ковроткачество, обработка овчин и шкур крупного рогатого скота и тд.¹

На формирование традиционного костюма лезгин большое внимание оказала одежда народов Дагестана, так же много привозного с России и Ближнего Востока.

По традиции одежду из тканей кроили и шили женщины, а одежду из шкур крупного рогатого скота и овчины - преимущественно мужчины.

Большим спросом среди народов Южного Дагестана пользовались сукна, привозимые из России.

На протяжении первой половины XVIII в. продолжался процесс создания костюма, в принципе единого для всех народов Северного Кавказа и Дагестана. В 1770-х годах русский офицер Штедер, посетивший ряд районов Дагестана, в том числе Южного, писал: «Их женщины заботятся об одежде мужчин, которая состоит из черного или серо-голубого кафтана с разрезанными руками, несколько короче татарского; из нижнего платья из грубого холста или бумажной материи; длинных до лодыжки белых штанов, носков, отделанных мягкой кожей снизу вместо подметок, с плетеными ремнями и подложенной снизу травой; из высокой татарской шапки; из черного лохматого мехового плаща и часто из грубой сорочки».²

В одежде же лезгин, как и в других элементах материальной культуры, отразились и естественно-географические, и исторические, и социально-экономические, и семейно-бытовые условия жизни народа. В ней нашли отражение национальная самобытность народа, его культурные традиции, художественные вкусы. В то же время в ней много общего с одеждой других народов Дагестана и Кавказа.

Например, лезгинские феодалы носили роскошные халаты более свободного покроя, которые позже трансформировались в элегантные черкески. В отличие от костюма более ранней поры в это время была распространена укороченная и несколько иного покроя бурка, доходившая едва до пояса. Во второй половине XVIII в. впервые упоминаются газыри на черкеске.³

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 65.

² Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. СПб., 1804. С. 36.

³ Очерки русской культуры XVIII в. Ч.1. Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1985. С. 344-345.

До начала XIX в. у народов лезгинской группы у мужчин кафтан не имел разреза, а застегивался на груди, рукава черкески также отличались от более позднего покроя - были заужены и заканчивались манжетами и по кройке подола, рукавов и воротника отделялись кантом.¹

Суровый климат и скудные экономические возможности обусловили сохранения у горцев Дагестана архаической одежды, хотя в целом она не очень отклонялась от общерусских и общекавказских норм.²

В течение первой половины XIX в. завершилось формирование общедагестанского мужского и женского костюма. Его основные элементы составляли приталенный распашной кафтан с открытой грудью и широкими, иногда откидными рукавами, которые при работе в поле подворачивали за локоть. Под этот кафтан, получивший в литературе название «черешки», поддевали нателный бешмет сходного покроя, отличавшийся от черкески только закрытой грудью, небольшим стоячим воротником и зауженными рукавами.³ Иногда бешмет служил повседневной верхней одеждой, а черкеска - выходным платьем. В этих случаях под бешмет надевали полотняную рубаху, которую носили навыпуск, подпоясывая узким кожаным ремешком с металлическими накладками на концах. Костюм дополнял узкие шерстяные штаны, заправляемые в носки или суконные либо войлочные ноговицы, плотно облегающие икры ног и подвязываемые под коленами тонкими ремешками.

Обувью служили кожаные или войлочные сапоги, мягкие чулки. Головной убор состоял из папахи и башлыка.

В условиях военного времени костюм горцев дополняли разного рода военные атрибуты (патронташи - газыри, оружие и т.п.). Зимой и в походных условиях поверх черкески надевали шубы или войлочные бурки.⁴

Основные причины унификации костюма у народов Южного Дагестана крылись в широком разделении и специализации труда и довольно развитом торговом обмене.

¹ Там же.

² Белгородская Р.М. Основные черты и тенденции развития русской культуры. М., 1991. С. 104.

³ Белгородская Р.М. Основные черты и тенденции развития русской культуры. М., 1991. С. 104.

⁴ Максимов Н. Кавказ без романтики. Ростов-на-Дону, 1931. С. 139.

Большую роль в процессе унификации одежды у народов региона играли культурные заимствования.

XVIII век можно рассматривать как новый этап в развитии костюма русского общества, хотя резкие перемены коснулись лишь одежды господствующего класса.

Документальные источники по одежде XVIII в. отличаются гораздо большим многообразием, чем в предыдущие века. К сожалению, встречаются мало документов, где бы одновременно было дано название одежды и ее изображение. Некоторые сведения об идентификации, о спросе населения о покрое одежды, можно исчерпать из статистических описаний российских губерний, из таможенных книг о ввозе русской одежды на рынки Дагестана и вывозе местного сырья.¹

Переход к новой одежде горцев, был делом сложным, связанным с ломкой старых привычек, традиций, вкусов. Не случайно, что новые моды даже в Москве «насилу установились за три года».² В провинцию так же в Дагестан новая мода проникла гораздо медленнее. Особенно трудно привыкали старшие члены семей, вышедшие в ней нарушение традиций, ущемление своего достоинства.

В большей степени переход к новому костюму зависел от имущественного положения людей, поскольку надо было сразу сменить весь гардероб. Немаловажное значение для быстрой смены одежды имело искусство портных. Искусством шитья местные портные овладевали с трудом.

Крестьянский костюм, как у русских, так и у народов лезгинской группы, сохранял особенности традиционной русской одежды. Весь костюм в целом и некоторые детали его украшения, связанные с обрядами, возрастными различиями и другими представлениями, прочно держались в сознании крестьянского населения России и Дагестана. Но под влиянием времени и крестьянская одежда подвергалась определенным изменениям. Отдельные жители южно-дагестанских сел и города - представители интеллигенции, торговцы, служащие административно-управленческого аппарата города Дербента и

другие - иногда пользовались короткими бешметами.¹

Разумеется, существовали большие различия в одежде отдельных социальных групп и, прежде всего, основной массы крестьянства.

Бешмет, не говоря уже о рубашке, можно было встретить только на старших в доме или у членов более состоятельных семей, прочие обходились одной черкеской и шубой, надеваемые прямо на голое тело.

Одежда крестьянской бедноты отличалась также покроем, материалом и отделкой. «Одежда крестьян в середине XIX в. - мелковата, но более удобна для работы в поле. Бешметы их были без пояса и пуговиц, обувь была сшита шерстью наружу, шапки низкие, не то, что дворян».²

Сравнительно распространенной у лезгин были похожие как у русских крестьян одежда в виде накидной бурки (япунджи).³ Ею широко пользовались и зимой и летом в непогоду. Как и во всей России, здесь были известны бурки двух видов: простые небольшого размера, из обычной валяной шерсти, без начеса и большие из шерсти высокого качества с начесом.

Если первым видом бурок пользовались пастухи, а также во время перевозок грузов в арбе, и они имелись во всех домах, то второй вид предназначался для всадников и был распространен среди состоятельной прослойки общества.

Для холодной погоды существовали специальные верхние одежды. Одной из самых распространенных как у русских, так и у жителей Южного Дагестана являлось *епанча*⁴ - род плаща. Имелось два ее вида: круглая и с рукавами. Для зимы предназначались шубы. Сведений об их крое и изображений сохранялись немного. По имеющимся пометкам в описях - шуба староманерная, шуба русская польская и т.д. можно предположить, что они были на меху, покрывая обычно сукном. Зимние одежды дополняли теплые шапки, отточенные мехом.⁵

Поэтому в таможенных книгах того времени отражены те или иные товары, пользовавшиеся в Южном Дагестане спросом. Эти товары в виде одежды, материалов и т.д.

¹ Ергимова. Материальная культура Российского государства XVIII-XIX вв. М., 1984. С. 178-179.

² Семенова Л.Н. Очерки истории и культурной жизни России в I-ой пол. XVIII в. Л., 1982. С. 128.

¹ Там же.

² Семенова Л.Н. Указ. соч. С. 217-218.

³ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы XIX - нач. XX в. М., 1999. С. 134.

⁴ Семенова Л.Н. Указ. соч. С. 220.

⁵ Там же.

Для выяснения этого вопроса приведем несколько документов, которые лучше всего характеризуют торговые отношения Дербента с Россией.

Так, например, 26 июля 1772 г. купец Н. Кудавев привез в Дербент 10 сороков соболей, 100 юфтей красного товара, 5 шуб беличьих, полтора половинки сукон кармазиновых, 16 юфтей кож красных, 20 сороков кубков собольих.¹ Другой купец Г. Фатиев вывез из Астрахани в Дербент «2 половинки сукон кармазину, до полутреть аршина сукно, 20 половина кислых сукон, 6 мехов корсачьих, 8 шапок беличьих, мех белый хрептовый, десять япанеч черкесских, 20 шуб, 50 овчинок и т.д.»²

Таких примеров можно привести достаточно много, но в ней нет необходимости. Для нас большой интерес представляет тот факт, что в ассортименте привозных из России товаров встречаются шубы, епанчи, сукна, кожи. Это говорит о том, что одежда сшитая мастерами из России пользовалась у местного населения большим спросом, особенно у богатых людей. Основными составными частями традиционной мужской одежды как у народов России, так и в Южном Дагестане, в рассматриваемое время, являлись также рубаха, порты и кафтан.³

Однако следует отметить, что привезенные ткани и одежда из России были дороги и многим недоступны, поэтому они шли на изготовление предназначенной одежды, а повседневную крестьяне по-прежнему шили в основном из дешевого ситца и бязи.

Фабричные ткани проникали в горы реже, чем в равнинные районы, здесь в основном шили одежду из тканей местного изготовления.

Большую роль в проникновении фабричных российских тканей и одежды в Южный Дагестан сыграли такие портовые города, как Астрахань, Нижний Новгород, Кизляр и Дербент.⁴

Таким образом, несмотря на то, что привезенные из России фабричные ткани XVIII-XIX в. пользовались большим спросом, с ними успешно конкурировали сукна лезгинские, шали местного

¹ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII - пер. пол. XIX в. (Экономические и политические аспекты). Махачкала, 1998. С. 98-99.

² Там же.

³ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч.4. СПб., 1776. С.127.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.1. М., 1823. С. 127.

производства, наполнившие рынки Кюринского и Самурского округов.

В одежде лезгин, в деталях традиционного костюма особенно со второй половины XIX в. отражены некоторые элементы русской одежды, которые проникли к лезгинам из России, особенно через Ставропольский, Краснодарский губернии, Нижнего Новгорода, Астрахани, Кизляра, Петербурга и т.д.¹

Судя по описаниям XVIII в. мужские рубахи были длинные, почти до колен, туникообразного покроя, с прямыми длинными рукавами. Шили их обычно прямоугольными вставками под мышкой (чаще из другой ткани). В верхней части рубахи делалась подкладки из холста - подоплека двумя треугольниками спускающаяся на груди и на спине.

Характерно, что русская как мужская рубашка, как и лезгинская, туникообразного покроя оставалась неизменной на протяжении нескольких столетий.² Носили рубахи без воротника - так называемые голошейки, с разрезом застегивающимися на левой стороне одной пуговицей, широко встречалась и рубаха с прямым разрезом ворота. Рубаху подпоясывали узким поясом и носили поверх портов. Шили обычно из простого холста. Как отмечал С. Броневский, «в Дербенте и близлежащих краев ..., примечаются смешение нравов обычаев и одежды наподобие русских».³

Предметы украшения для традиционного костюма (пряжки, пояса и пр.) делали в основном лезгинские мастера. Традиционная мужская одежда народов Южного Дагестана имело много общих элементов и сходств с русскими. Сходство проявляется, прежде всего, в покроях верхних и нижних рубаш и штанов, а также обуви. Нам кажется, что основная причина единства мужского костюма можно объяснить исторически сложившимися длительными взаимосвязями народов этого региона.

«Женская одежда в своих основных элементах и покрое сходная с мужской, отличалась, главным образом, головным платком», - замечает К.Ф. Ганн.⁴

Женский костюм составляли рубаха, шарафара и широкие

¹ Там же.

² Посомков И.Г. Книга о скудности и богатстве. М., 1951. С. 208.

³ Броневский С. Указ. соч. С. 328.

⁴ Ганн. К.Ф. По долинам Чороха, Уруха и Ардона // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. 82.

прямокроенное платье. Головным убором служили платки, шали, невысокие бархатные шапочки, вышитые золотыми нитями, в Дагестане - особый мешок для косы - чухта. Отличительной чертой праздничного женского костюма в Дагестане были обильные украшения, которые покрывали головной убор и платье едва не целиком. Разумеется, в повседневном быту эти украшения были более скромными. Следует отметить также бытование в некоторых селах Южного Дагестана оригинальной вязанной обуви особого рода сапог - чулок.¹

Разумеется, существовали большие различия в одежде отдельных социальных групп и, прежде всего, основной массы крестьянства. Полный комплект национального костюма имели весьма немногие, но вследствие широко распространенного обычая одалживания, в том числе одежды, по случаю поездки, прибытия гостей этот недостаток обычно оставался скрытым от путешественников.

Бешмет, не говоря уже о рубашке, можно было встретить не только у старейших в доме или у членов более состоятельных семей.²

Как и русские женщины, лезгинки очень любили украшения. Их носили и с повседневной и нарядной одеждой. Украшения в основном были золотые, серебряные, металлические, янтарные, костяные и т.д. Украшения были ушные, шейные, поясные, украшения для рук и т.п.

В перечне товаров, ввозимых в Дагестан из России через Астрахань, часто упоминаются ожерелья из янтаря, серебряные пояса, золотые колечки, зеркала и т.д., что говорит о большой потребности в товаре местного населения. В свою очередь, в реестре вывозимых из Дербента в Россию товаров, часто встречаются также украшения для женщин местного производства. Начиная с конца XVIII - первой половине XIX в. в селениях Ахты, Микрах, кара-Кюре, Гиль и др., получила распространение вышивка золотыми нитками, гладью, бисером или простой узорной строчкой.³ И в ассортименте вывозимых из Дербента в Россию товаров, уже встречается изделия мастериц из

лезгинских сел.¹

Полевой материал, собранный нами в течение ряда лет, еще недостаточно полно представляет все разнообразие женских лезгинских украшений. Дело в том, что многие из традиционных украшений в лезгинских семьях уже просто не сохранились. Нелегко было собрать и описательные сведения о них, так как постепенно со сменой поколений стали забываться, и названия, и способы ношения, и функциональное назначение украшений.

Ювелиры имелись во многих лезгинских селениях, но более всего славилась работы мастеров Кураха, Кири, Ахты, Дербента и др.²

Обычно мастер - серебряник работал в своем селении изредка выезжая за пределы его для реализации небольшой части изделий. Материал для мастера, как правило, доставлял сам заказчик, используя для этого старые серебряные вещи и монеты.

Богатые женщины заказывали себе украшения из серебра, более высоких проб и с позолотой, с цветными драгоценными камнями и филигранью. Вообще же в состоятельных семьях всегда имелся набор традиционных украшений, которые передавались из поколения в поколение, лишь пополняясь отдельными новыми экземплярами. Основная же масса лезгинок пользовалась и в праздник, и в будни простыми дешевыми украшениями. Следует однако отметить, что некоторые разновидности украшений считались в составе женского костюма обязательными (кольца, некоторые виды браслетов и т.д.), их надо было иметь каждой женщине, независимо от социального положения, и носить постоянно.

Возрастные различия в отношении украшений проявились главным образом в том, что у пожилых людей число их сокращалось и некоторые разновидности постепенно выходили из употребления совсем.

Близкое общение между народами Южного Дагестана, Северного Кавказа и России приводило к заимствованию отдельных элементов и видов украшений у соседних народов.

Особое несимметричное украшение на головном уборе встречалось в лезгинских селах Ахты, Самур, Рутул и др., в

¹ Сергеева Г.А. Вязанная обувь народов горного Дагестана// Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Т. VIII. С. 76-77.

² Там же.

³ Гулиев Г.А. Азербайджанские вышивки // СЭ. 1959. №2. С.П.3.

¹ Русско-дагестанские отношения XVIII перв.пол. XIX в. / Под ред. В.Г. Гаджиева, М., С.186-187.

² Полевой материал, собранный автором в Южном Дагестане в 2003-2005 гг.

которых чухту женщины носят постоянно и, кажется не снимают даже во время сна. Старинный головной убор женщин южно-дагестанских сел чухта напоминала по покрою русский чепец с мешками для волос.¹

Существует мнение, что «чепец - чухта» заимствован лезгинами из России.² Нам представляется, что данное положение требует уточнения. Оно могло возникнуть и на дагестанской почве, а затем распространиться на смежных территориях, особенно если принять во внимание высокое ювелирное искусство местных умельцев, а также стойкость сохранения традиции. В пользу нашего тезиса свидетельствует и такой факт, как наличие в костюме пожилых женщин головного убора типа чепца, по покрою аналогичного чутне - думче, только без ее украшений.³

Резюмируя материалы, характеризующие головные украшения народов лезгинской группы, следует отметить определенную стабильность форм данных украшений, устойчивость традиции, ношения многих из них уже в наше время.

Шейные украшения - это группа украшений представлена у женщин Южного Дагестана и России достаточно полно.

Цепочки, шейные подвески, бусы, ожерелья в той или иной степени отличаются повсеместно.

Украшения в виде серебряной цепочки как русские так и лезгинские женщины носили как без подвесок, так и с подвесками, которые имели самую разнообразную форму.

Одни из них были плоские, другие полые (внутри таких больших подвесок клали текст молитвы, написанной на бумаге и тогда они служили оберегом). Иногда подвески состояли из нескольких деталей.⁴ Шейные украшения почти во всех своих разновидностях продолжали бытовать и на протяжении первой половины XX в. В 1960-1970-х годах они были заменены фабричными изделиями - бусами, цепочками и кулонами, в том числе золотыми, и теперь лишь некоторые женщины носят традиционные украшения.

Женщины в Южном Дагестане довольно часто шили платья-рубahi, разрез ворота которых украшали разноцветными кусочками ткани. Такие платья в рассматриваемое время присущи

¹ Пржевальский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. Т. XII. С. 287.

² Там же.

³ Полевой материал, собранный автором в Южном Дагестане в 2004-2005 гг.

⁴ Сергеева Г.А. Указ. соч. С. 162.

были и женщинам живущих в Псковской, Новгородской, Пензенской и др. краях.¹ Сшитое из красного кумачи и тонкого красного шелка, оно имело на груди нашивки из синего сатина, желтого жаккарда и красной шерсти, сверху отстроганные белыми шелковыми нитями.²

Традиция украшения одежды по краям ее и использование вышивки и цветных тканей другого тона для отделки платья сохраняется и теперь. В последнее десятилетие в связи с изменением состава и расцветок тканей, а главное с переходом к новому более европейскому покрою украшения подобного рода выходят из употребления.

Некоторые украшения, в частности, нагрудные подвески использовали в свободном наряде и как поясные (они спускались от талии до пола). Более того, их могли навесить на спину, расположить по бокам.

Особенно часто по полевым сведениям, поясные подвески встречались в свадебном состоянии женщин с Кураха, (в Курахе, Кяпире, Штуле, Икра (Къири) и т.д. имелись свои мастера - ювелиры). Они зафиксированы также у женщин Самура и Касумкента, где было принято по поясу располагать три большие бляхи с подвесками, одну - округлую в центре, две (прямоугольные) - по бокам.³

Однако наиболее характерными поясными украшениями были пояса следующих типов; широкие кожаные с металлическими украшениями, узкие кожаные с металлическими бляшками, пояса из ткани или галуна с пряжкой и сплошь металлические.

У многих народов Дагестана подобного рода пояса, как правило, носили с одеждой в талию, а у женщин лезгинок и с платьем - рубахой, аналогичного типа пояса встречаются так же в женской одежде у русских женщин, которые подпоясывали кожаным ремешком с металлическими накладными на концах свой костюм.⁴

Как видно из вышеизложенного, женские украшения

¹ Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. - Сов. Этнография. 1972. №3. С. 12-13.

² Там же.

³ Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 124; Полевой материал, собранный автором в 2004 г. в Южном Дагестане.

⁴ Рождественская С.Б. Русская народная художественная традиция. М., 1973. С. 217.

народов лезгинской группы отличались большим разнообразием, то же самое мы наблюдаем у русских женщин. По характеру использования этих украшений, одни из них являлись парадными, другие повседневными. При анализе материалов выделены две группы украшений: нашиваемые на одежду и носимые отдельно.

Как то, так и другая категория украшений у двух этих народов т.е. изучаемые в нашей работе представлены в равной степени.

Благодаря контактам и постоянному торговому обмену между Дагестаном и Россией, одни и те же разновидности украшений из России имели распространение почти на всей территории Южного Дагестана. В то же время существовали и местные варианты украшений, локализовавшихся на определенных этнических территориях.

Некоторые украшения из Южного Дагестана (головные нагрудные, поясные) свидетельствуют об их давних экономических и этнокультурных связях с Россией, и с соседними народами Дагестана и Азербайджана.

Основу питания у народов Кавказа, в том числе и Дагестана, издревле составляли мясомолочная пища, пресный хлеб, дикорастущая зелень и огородные растения: морковь, свекла, тыква, горох, фасоль, капуста, лук и т.д.

Основная повседневная еда крестьян состояла из пресного хлеба. Употребляли в пищу пшеничный, кукурузный, а также ячменный хлеб. Иногда хлеб испекли в виде пирога с начинкой из мяса, сыра, фасоли или лепешки. К этим блюдам подавались кислое молоко, сдобренное чесноком, перцем и другими пряностями. Даже в дни праздников и поминок, когда на стол выставлялось все самое лучшее, питание было более чем скромным. Деление блюд на первые и вторые не практиковалось. В первой половине XIX в. связи с освоением территории Дагестана развились и укрепились культурные связи между русским крестьянством и казачеством и народами Дагестана. Так между лезгинами и русскими, живущие по реке Самур, Кизляра, гребенскими казаками повелся обычай куначества (тесной дружбы), причем традиции дружбы между двумя народами передавались от поколения к поколению. Дагестанцы, в том числе народности лезгинской группы, и русские многое позаимствовали

друг у друга в обработке земли, устройства жилья и быта.¹

Позаимствовав у русских несколько видов блюд, лезгины в отличие от них делали плов из риса и из пшеничной крупы, но со временем под влиянием русской кухни в нач. XIX в. в некоторых селах Самурского округа (Хлют, Ича, Хрюк, Ялак и др.) делали просяную кашу и плов из полбы.²

В свою очередь кухню лезгинов трудно представить без всевозможных чуду, пирогов с мясом, творогом, требухой и т.д. Многие перечисленные блюда русских и лезгин заимствовались друг у друга, слегка измененном виде.

Коровье и буйволиное молоко употреблялось в свежем виде, из молока, так же как и русские крестьяне, жители сел Южного Дагестана приготавливали масло, творог, сыр, которые заготавливали впрок до зимнего периода. Лезгинам, как и русским, в XVIII-XIX в. было известно несколько способов переработки молока. Наиболее употребительным и повседневным продуктом являлось кислое молоко - *гатух* (простокваша - русское). Из молока получали сливки, собирали после отстаивания молока.

Молоко оставшееся после снятия сливок, шло на приготовление сыра. На сыр перерабатывали также овечье и козье молоко.

Жидкость оставшееся после снятия молока употребляют как напиток или изготавливали творог (*шур* - лезг.).

Отметим, что русские, как и лезгины в целом были умерены в еде. Принимали пищу в два, три раза в день в зависимости от экономического положения и условий работы. Естественно, рацион питания во многом зависел от времени года, от воспеваания сельскохозяйственных культур, не говоря уже о материальных возможностях семьи. Летом и осенью большую роль в питании населения играли свежие овощи, свежие молочные продукты. В зимний период питались чаще сушеным мясом, сыром, сухопродуктами и т.д.

Следует подчеркнуть, что основные продукты и способы приготовления пищи у лезгин, представляла собой неотъемлемую часть общенациональной русской кухни и других народов Дагестана имеют много общего. В качестве питья в праздничные

¹ Система питания народов Дагестана (XIX-XX в.) Сб. статей; Рагимова Б.Р. Пища и семейные обрядности у лезгин. Махачкала, 1990. С. 83.

² Рагимова Б.Р. Указ. соч. С. 84.

дни русские крестьяне употребляли пиво, его готовили из ячменя, проса или пшеницы. В любом доме всегда в запасе были сыры и сухие пресные лепешки, их выпекали нередко впрок, поскольку в старину в горах было принято пользоваться общественными печками, где хозяйки пекли хлеб по очереди. Большое распространение в рационе русских и лезгин имели блины из ржаной и пшеничной муки, которые ели с маслом, кислым молоком, сметаной, арбузным медом и др. Значительное место в рационе питания занимали каши из риса «желтого пшена», которую варили на выдавленной из арбузной или дынного сока. Ели с добавлением подсолнечного или коровьего масла.¹

Из пшеничной муки готовили также вареники и пельмени - картошкой, яйцами, ягодами (вишней, ежевикой и др.). У казаков, русских особой популярностью пользовалось просыная каша - саламата, которая часто заменяла хлеб.²

Из жидких блюд самыми распространенными были борщ из свежей капусты со специями и щи из кислой капусты. Борщ варили с мясом и без него. В меню вошли супы с применением фасоли, гороха и др. Готовили также супы с лапшой и куриным мясом (у лезгин назывался - *аршидя*).³

Одним из распространенных блюд была лапша, сваренная из пшеничной муки, в подсоленной без мяса воде, готовую лапшу приправляли растительным или коровьим маслом или сметаной.

Разнообразием отличались блюда из рыбы. Большое распространение у русских имела уха - варенная с картошкой и луком рыба разных пород. Мясо рыбы, очищенное от костей, служила начинкой излюбленного русским пирога. Рыбу применяли в жареном, вареном, печеном виде. С рыбой варили щи, просыную кашу, делали вареники, пасту. Рыбу сушили, солили, варили. Сушеную рыбу, применяли с вареной или жареной картошкой.⁴

Большое место в рационе блюд русских занимали различные варенья - из вишни, ежевики, брусники, малины, яблок, груш и др., соленья - из огурцов, капусты, баклажанов и др. Готовили моченые яблоки - этим занимались также и горцы Южного Дагестана, особенно равнинные села, где в изобилии

росли фрукты.¹ Значительное место в их рационе блюд занимали овощи и фрукты. С появлением, заимствовав у русских картошку и капусту лезгины начали употреблять ее в жареном и вареном виде, она служила начинкой для пирожков и пирогов и т.д. Капусту заквашивали на зиму. В летнее время значительную часть блюд готовили с применением баклажанов, кабачков и др.

В осенний, летний периоды большое место в рационе питания занимали продукты бахчеводства - арбузы, дыни, тыква и др. Русские по примеру лезгин готовили - душану (душаб, тушаб - дагест.).²

Душану русские добавляли по готовности в кашу из сушеных фруктов и круп (пшеничной, гречневой, овсяной и др.).

Традиционная народная кухня русских обогатилась блюдами национальной кухни дагестанских народов. В рацион блюд русских прочно вошли курзе, шашлык, хинкал.³

Русские, как и народы Южного Дагестана, особое значение придавали ритуалу приема пищи. Есть в одиночку, наспех, на ходу у русских не было принято. К общему столу семья собиралась в строго определенное время, к завтраку, к ужину и т.д. Когда дома имелось мясо, то пили обычно и подсоленный и проперченный бульон, заправленный травами. Подобный рацион сохранялся на протяжении столетий. При скудности пищи и невзыскательности крестьян традиционная кухня была очень развита, о чем свидетельствуют описания первой половины XIX в. праздничных угощений в домах местной верхушки.⁴

Пищу в Дагестане подавали на низких трехногих столиках, а если сидя на удлинённых скамеечках столиках на ковриках и циновках. Единственным столовым прибором был небольшой ножичек, в основном пользовались руками, разрывая мясо и хлеб на куски, а бульон и напитки пили из чаш и кубков, сделанных из дерева, тыквы, в более раннее время из глины.

Утварь. Обычной принадлежностью кухни русских и дагестанцев были почти одинаковые чугунные котлы, сковородки, чашки, деревянные кадушки, сито, решето, дуршлаг, для выемки

¹ Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские XIX - нач. XX в. Махачкала, 2001. С. 77.

² Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские XIX - нач. XX в. Махачкала, 2001. С. 77.

³ Полевой материал, собранный автором в районах Южного Дагестана.

⁴ Ризаханова М.Ш. Указ. соч. С. 78-79.

¹ Там же. Полевой материал, собранный автором в районах Южного Дагестана (Магарамкентском, Касумкентском районах в 2005 г.).

² Полевой материал, собранный автором в районах Южного Дагестана (Магарамкентском, Касумкентском р-н. 2005 г.).

³ Голубицкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 110.

⁴ Там же. С. 111.

вареников, хинкала и др., половник, тарелки, ножи, вилки, ложки (последние, как правило, по примеру Дагестана - деревянные), кочерга, деревянная лопата для выемки хлеба из печи и др.

Анализ материалов о пище русских и южно-дагестанского населения показывает, что хотя комплекс употребляемых ими продуктов почти един (кроме свинины), однако по способам их приготовления и составу блюд они сохранили свои национальные особенности. Но в то же время русские и дагестанцы восприняли друг у друга некоторые блюда традиционно местного населения, отличавшиеся своими высокими вкусовыми качествами и в этих случаях блюда готовились по местным рецептам.

С развитием процесса втягивания отдельных губерний и областей России в общероссийский рынок, многие элементы материальной культуры как русского, так и южно-дагестанского населения подвергаются значительным изменениям. В быт входят предметы и утварь заводского производства (мебель и пр.). Все более нивелируется одежда, пища населений.

Являясь устойчивой частью материальной культуры, пища лезгин как и русских и по сей день продолжает сохранять и развивать лучшие свои особенности и тем самым вносить заметный вклад в общую культуру питания дагестанцев.

§ 3.3 Взаимоотношения в области науки, образования, устного народного творчества, семейных отношений, свадебных обрядов. Народный календарь.

Велика роль и влияние русского народа на экономическое и культурное развитие народов Дагестана, в том числе и Южного Дагестана, находящихся в течение многих веков в близких экономических и политических связях с русским народом. Дагестано-русские отношения возникали еще в период образования Древнерусского государства, а дальнейшее их укрепление происходило в условиях образования Русского централизованного многонационального государства.

Изучение прогрессивного влияния русской культуры на развитие культуры народов Дагестана в целом и формирующуюся интеллигенцию Страны гор имеет чрезвычайно важное научно-познавательное и практическое значение.

Как нам известно, народное образование в

дореволюционном Дагестане было представлено главным образом школами при мечетях (мектеб) и медресе. Наряду с ними имелось небольшое количество и русских светских школ. Религиозные начальные школы мектебы создавались почти при всех мечетях.

Каждый мулла обучал детей, как умел и считал нужным. Обучение начиналось с изучения арабской азбуки, после чего приступали к прохождению соответствующих глав Корана.

Каждая глава Корана прочитывалась по несколько раз до тех пор, пока ученик научиться совершенно свободно и бегло читать ее, причем иногда ни одного слова из прочитанного не понимая¹.

Преподаватели конфессиональных школ - муллы воспитывали детей в духе примирения с существующим строем, подчинения воле сильных и имущих - ханов, беков и прочих феодалов.

Проповедь покорности воле имущих, защита интересов господствующего меньшинства характеризует классовую сущность примечетских школ.

До присоединения Дагестана к России примечетские школы являлись единственным очагом распространения грамотности среди местного населения. В этих школах горские дети обучались чтению и письму на арабском языке, а в медресе приобретали еще навыки пересказа арабского текста, получали сведения, по астрономии, географии, а также другим дисциплинам. Поэтому было бы неправильно при оценке конфессиональных школ Дагестана не учитывать их роль.

Людьми, овладевшими грамотой на арабском языке, была создана письменность, которой пользовались в Дагестане на протяжении многих десятилетий, вплоть до 1928 года, когда был введен новый, основанный на латинской графике алфавит.² Несмотря на то, что подавляющее большинство школ этих давало знаний весьма мало, некоторая часть учащихся оканчивала их успешно.

Хотя школы при мечетях формально считались бесплатными, родители учащихся платили за обучение чаще всего натурой. Кроме того, эти школы содержались и за счет, предписанного шариатом налога для благотворительных нужд.

¹ Каймазаров Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 29.

² Каймазаров Г.Ш. Указ. соч. С. 31.

Тем не менее, многие мектебы влачили жалкое существование. Дети обычно сидели вдоль одной стены, поджав под себя ноги, кто на подушке, кто на войлочной подстилке, которые они приносили из дома. В общей сложности занятия в мечети длились 5-6 часов с перерывами. Как мы отмечали выше, в мектебах в роли учителей выступали муллы. Среди духовных лиц были и грамотные по тем временам люди, которые часто выполняли свои обязанности и к которым зачастую население обращалось с просьбами для составления различного рода прошений в адрес администрации, деловых писем и т.п. Школы, которыми он руководили, выгодно отличались от других.

В Южном Дагестане в наиболее крупных селениях имелись средние конфессиональные мусульманские школы - медресе. Учащиеся медресе изучали арабский (в некоторых персидский) язык, богословие и законоведение, логику, историю, арифметику, географию, медицину, знакомились с литературой на арабском и персидском языках. Материальной базой этих школ служили вакуфные земли общества, часть закята, пожертвования граждан. Наиболее крупное медресе здание которого сохранилось и по сей день, это дербентский Джума-мечеть, мечеть Абумуслима в Ахтах и т.д.

«В Дербенте и в селах лезгинских, в Шемахе, - отмечал С.Броневский, - есть школы в коих преподают уроки арабского и персидского языка по правилам грамматики. Сим последним языком, называемым фарс, говорят только городские жители и грамотные чиновники; общенародный язык есть татарский, разделяемый на многие диалекты. Чтение ал-Корана и толкование оного вменяется сколько в обязанность ревностного мусульманина, столько и в похвалу его учености»¹. Медресе в основном готовили служителей культа, лиц, которые могли занимать должности муллы, кадия и др.

Е.И. Козубский сообщает следующие сведения о численности учителей и учащихся в Дербенте: «Из духовенства 14 чел. обучают более 250 мальчиков, в том числе из бекского сословия - 25, из купеческого - 70, из простого - 130 и из духовников - 25»². Очевидно, это были сведения об официально

функционировавших школах, без учета учащихся, получающих образование на дому.

Немногие, окончившие начальный курс, решили продолжить свое образование в школе повышенного типа - медресе. Отдельные выпускники местных медресе, совершенствуя свои знания, становились известными учеными, знатоками арабского и персидского языков.

Да и сам Южный Дагестан с центром г. Дербент в XIX в. являлся не только один из крупных торгово-экономических и политических центров на Кавказе, но и одним из очагов культурной жизни, тесно связанным с культурными центрами не только Ближнего и Среднего Востока, но и России.

До народов Южного Дагестана доходили также устное народное творчество XVIII-XIX в. русских крестьян, которое также, как у лезгин, было тесно связано с бытом и жизнью народа. Широко бытовали в это время в крестьянской среде песни, связанные с календарным циклом сельскохозяйственных работ. Эти песни носили магический характер, содержали заклинания, которые должны были обеспечить благополучие и достаток дому.¹

Семейно-бытовая обрядовая поэзия имела исключительно важное значение в жизни крестьянина, она сопровождала всю его жизнь, начиная с рождения (колыбельные песни), свадьбы (свадебные песни) и кончая смертью (похоронные причитания).²

Усиление социальных мотивов характерно не только для исторических песен, возникавших в то время. Оно отчетливо проявлялось и в традиционных жанрах, продолжавших широко бытовать в крестьянской среде.

Социальный протест выражался в пословице главным образом в обобщенных категориях, в противопоставлении богатства-бедности, правды-кривде и т.д.³ Но чем дальше развивалось деление на бедных и богатых, тем больше у простого народа накопилось горы ненависти, злобы и отчаянной решимости, тем все острее становилось в народном творчестве обобщенные представления о классовом враге, тем отчетливее крестьянское творчество противопоставляло барина-мужику, тем откровеннее прославляло оно волю («Свободный человек

¹ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах и обычаях, верованиях. М., 1898. С. 124.

² Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах и обычаях, верованиях. М., 1898. С. 124.

³ Пушкин М.Н. Русские народные пословицы в записях XVIII в. // Вопросы истории. 1974. №1. С. 153-161.

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 459.

² Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-хан-Шура, 1906. С. 186.

никакого не боится»)¹.

Говоря о роли русского прикладного искусства и устного творчества в развитии культуры феодального общества в России и Дагестана, следует подчеркнуть, что она была весьма значительной. Утверждение народности было связано с обращением к фольклору, к миру образов и форм народных ремесел, к совершенным по вкусу и мастерству образцам крестьянского творчества. Авторы православных картин и портретов той поры многим были обязаны безымянным представителем трудового народа. В архитектурных украшениях также прослеживалось влияние крестьянской резьбы по дереву, металлу и т.д.

Это и понятно: многие детали русской культуры того времени были выходцами из народных слоев русского общества, детьми солдат были живописцы А.П. Антропов, С.Ф. Щедрин, М.М. Иванов, А.Е. Мартынов и др. Крестьянский сын М.В. Ломоносов прославил русскую науку, а его земляк Ф.И. Шубин - русское искусство. Из среды крепостных вышла семья Аргуновых, давшая России живописцев, архитекторов, портретистов и т.д. Происхождением многих деятелей русской культуры первой четверти XVIII в. объясняется, в частности, и связь русского искусства того времени с многовековым художественным прошлым как самого русского народа, так и других народов².

Многие народные творчества органически сплетаются с элементами кавказского, так же дагестанского влияния. Так, под рукой русского мастера, приобретают облик русской женщины, одетой в широкий опашень со свободно висящими длинными рукавами - обычно горской женщины той поры.³

В декоративном шитье русских XVIII в. также широко использовались мотивы народных вышивок, встречающихся в Южном Дагестане.

Таковы парные олени или птицы у центрального дерева. Тканые скатерти и набойки XVIII в. свидетельствуют о проникновении элементов дагестанской народной эстетики в тонкие и изысканные произведения русской культуры, предназначенные для высших классов русского общества. Но в

орнаментацию предметов народного искусства лезгин просачивались мотивы и русские, но они творчески перерабатывались народными мастерами и органически вливались в народное искусство.

Устное крестьянское творчество оказывало огромное влияние на формирование русской и дагестанской культуры нового времени. Крестьянское устное творчество начинает проникать в рукописную литературу XVIII в. Создаются целые рукописные сборники сказочно-просветительного характера, отвечавшие интересам грамотного крестьянина¹.

Несмотря на устойчивые позиции, которые занимало мечетско-церковное мировоззрение в культуре феодального общества уже в XVIII в. начинает развиваться светское образование.

Грамотность приобретает большое значение в жизни общества, чем в предшествующий период. Если ранее грамотными были преимущественно духовенство, то начиная с XVIII в. к образованию приобщаются разные по сословной принадлежности группы населения. О том, что грамотность среди русских, так же и лезгин, была распространена, говорят количество дошедших до нас рукописных документов².

Изучение сохранившихся старинных книг, в первую очередь, записей на них (владельческих, читательских, дарственных и др.) позволило выявить весьма выразительный материал, раскрывающий социальную среду бытования книг.

Оно весьма обогатило историческую литературу, касающуюся вопросов проникновения грамотности в крестьянскую массу. Грамотность в большей мере прижились в зажиточной части крестьянства.

Книги, которые хранились в мечетях и церквях, были коллективной собственностью, и все грамотные люди могли пользоваться этим богатством.

Большая часть крестьянства не имела средств, чтобы учить своих детей.

Грамотность XVIII в. в русских селах, так же как и в дагестанских, приобреталась разными способами, преимущественно путем обучения у священников, дьяконов,

¹ Там же.

² Жидков Г.В. Русское искусство XVIII в. М., 1951. С. 3-4.

³ История русского искусства. М., 1979. С. 550.

¹ Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 86-87.

² Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 86-87.

дьячков и вообще грамотных людей. Значительную роль у русских играло семейное обучение. Если в семье оказывался грамотный человек, то он обучал грамоте и других членов семьи¹.

Эпоха преобразований первой четверти XVIII в. составляет важный этап в развитии системы образования в России, сопровождавшийся большими изменениями. Хотя для крестьян в этот период практически мало, что изменилось, но создание бессловесных школ открывало для части крестьян возможность учиться в государственных школах.

Особенностью этого периода стало значительное расширение светского образования, одной из важных задач которого становится подготовка кадров для развивавшейся промышленности.

Мероприятия петровского времени в области просвещения имели значение и для Дагестана. Это, прежде всего, тот факт, что школы создавались как бессловесные, позволяя более широким слоям приобщаться к знаниям. Однако сохранились и неравные права на образование как для богатых дворян и малой доступности образования для крестьян. Поэтому основная часть сельского населения оставалась неграмотной. Однако экономический и культурный подъем страны не мог не отразиться на облике деревни. Усиливается отход на заработки в городе, и незначительной части выходцев из крестьян удавалось поступать в школы низшего разряда.

Сохранение и укрепление сословных преград в России во 2-ой пол. XVIII в. и пер. пол. XIX в. имели свои последствия; блага просвещения доставались прежде всего дворянам. Школы для дворян процветали, школы для других сословий владели жалкое существование. Крестьяне находились в худшем положении по сравнению с другими сословиями, в среде которых росло число грамотных и образованных людей. К концу XVIII в. в России открылось 315 малых и главных училищ с общим числом учащихся около 200 тыс. человек, в них работали 790 учителей². Нет сомнений, что в этих училищах учились и дети дагестанских отходников.

Однако в условиях существования крепостного права цель,

формы и средства образования крепостного крестьянства ставились в зависимость от условий и нужд крепостного хозяйства. В то же время на политику дворянского правительства не могли не влиять новые тенденции, связанные с развитием буржуазных отношений в недрах феодальной экономики. Складывалась своеобразная система «просвещения» крепостных в рамках крепостной вотчины, в интересах вотчинного хозяйства. Обучение крепостных удовлетворяло хозяйственные запросы помещиков.

Школа была в подмосковном имении гр. П.Б. Шереметьева в с. Кускова. В 1791 г. в ней учились 30 детей крестьян. Чтению и письму обучал дьячок, арифметике - архитектор, словесные науки преподавал особый учитель из оружейников, а позднее один крестьянин¹. В 1802 г. школа была переведена в Останкино. В имении Николая Муравьева было учебное заведение, в котором воспитывались 60 крестьянских детей.

Через четыре года они получали такой объем знаний, что могли быть управителями имений².

Таких примеров можно привести достаточно, однако понимание помещиков, не означало, что они решали все проблемы с обучением. В этой среде господствовало мнение; чем меньше будет знать крестьянин, тем больше гарантий сохранения власти над ним и материального благополучия дворянских семей.

При ограниченности школ, в которых могли учиться дети крестьян, большое значение приобретало воспитание в семье. Навыки чтения и письма, также как и трудовой опыт, передавали своим детям грамотные родители. В таких семьях нередко элементы грамотности передавались из поколения в поколение. Помимо школьной практики, этот способ обучения имел немалое значение в расширении круга людей крестьянского происхождения, умеющих читать и писать. Потребность в знаниях всегда жила в народе, несмотря на неблагоприятные условия жизни при крепостном праве. Трудовой народ проявлял интерес к учебной, научной, художественной литературе.

Одним из ценных источников для выяснения степени распространения грамотности в крестьянской среде служат их

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1989. С. 61.

² Чернолуский В. Народное образование в России. СПб., 1899. С. 70.

¹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины I. СПб., 1881. С. 251.

² Там же.

расписки на разного рода документах. Поэтому обработка большого комплекса этого рода источников может дать не только иллюстративный материал, но и ценные сводные данные о распространении грамотности в народной среде.

В большинстве случаев знания приобретались практическим путем. Как говорилось выше, этому в немалой степени содействовал отход крестьян на заработки, получивший широкое распространение уже в XVIII в.

Кругозор, понятия, убеждения, представления развивались и в ходе классовой борьбы.

В первой половине XIX в. в связи с освоением территории Кавказа развились и укрепились культурные связи между русским крестьянством и казачеством и народами Дагестана.

Так, между дагестанцами и казаками повелся обычай куначества, причем традиция дружбы между двумя народами передавалась детям как священный завет от поколения к поколению.¹

Культурные взаимосвязи многонационального крестьянства России всегда характеризовались их многогранностью и многосторонностью. В этом вопросе немаловажно то, что культурное влияние всегда испытывали не только крестьяне нерусских национальностей. Русские крестьяне также многое воспринимали в своей культуре и быту из обычаев, приемов труда, образа жизни от сопредельных народов и народностей.

В XIX в. особенно во 2-ой половине исследования, истории, экономики, культуры народов Дагестана успешно вели также многочисленные культурные деятели горской интеллигенции, стоявшие на уровне передовой частью науки того времени. Кавказоведение стало солидной частью отечественной науки.

В рамках кавказоведения продолжало развиваться дагестановедение.

Некоторая часть русских ученых, изучавшая жизнь горцев стояла на официальной точке зрения самодержавия и их труды, как реакционные и тенденциозные, не сыграли положительной роли в развитии культуры горцев, но определенная их часть выражала сочувствие народам Северного Кавказа, несла в горы свет знаний и культуры, стремилась правдиво осветить их историю, культуру и быт.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 108.

По влиянием русских ученых происходило формирование мировоззрения большинства представителей горской интеллигенции, а наиболее талантливая ее часть приобщалась к научной деятельности и играла в дальнейшем важную роль в развитии прогрессивной, демократической культуры своих народов.

В изучении истории, археологии, этнографии, экономики, языка, фольклора горцев усилились черты систематичности и организованности, которые придавались кавказоведению благодаря деятельности старых и новых российских научных обществ - нечерказовских и кавказских. Большое внимание историко-этнографическому изучению горцев уделяли Петербургский и Московский университеты, «Одесское общество истории и древностей» и др. Разностороннюю работу развернули Кавказский отдел «Русского географического общества» и т.д.

В целом 2-ая половина XIX века - новый этап в изучении горских народов русскими учеными, обогативший кавказоведение новыми исследованиями о них. Благодаря трудам русских ученых наука об этих народах поднялась на новую ступень.

Русскими учеными были приведены исследования, которые охватывали вопросы истории почти всех народов Северного Кавказа, в том числе и Южного Дагестана. Эти труды Н.Ф. Дубровина, Д. Лаврова, П.Г. Буткова, П.К. Услара и др.

Первым по времени русским учебным заведением в Дагестане было Дербентское уездное училище, основанное в 1837 г. Училище это, как уездное училище Закавказья, открытое на основании Положения от 12 мая 1835 г. имело целью распространения в крае «начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению курса учения в Тифлисской гимназии»¹. Дербентское уездное училище открылось в составе трех классов, из которых один - подготовленный. Наряду с другими предметами в училище преподавались русский, азербайджанский языки. На содержание училища расходовался 1780 рублей².

В первые годы в училище обучались небольшое число учащихся. Наряду с училищем в Дербенте была открыта в 1838 году стационарная русская школа, для обучения детей русских

¹ Козубский Е.И., К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие // Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 198.

² Там же.

чиновников и офицеров, служащих в Южном Дагестане.

Помимо детей русских чиновников и военнослужащих в ней учились и дети горцев из сел Южного Дагестана.

Занятия посещали и взрослые, в том числе и горцы, чтобы научиться читать и писать. В этой школе также обучали русскому языку, арифметике, давали знания по истории и географии. Позже в 60-х годах XIX в. в воинских частях, расквартированных в Южном Дагестане, создается несколько школ, в которых получали начальное образование в основном дети военных, но часто их посещали и горские дети, где изучали в основном русский язык.

Так же в рассматриваемое время в Дербенте, открывается второе учебное заведение - мусульманская школа. В эту школу принимались только дети мусульман, но иногда их с разрешения для изучения местного языка посещали и взрослые офицеры или их дети.

В 1849 г. Кавказским наместником было открыто 8 таких школ, в том числе один в Южном Дагестане (Дербенте). Мусульманские школы призваны были вооружить детей знаниями «по законам их веры» и помочь им «научить русский язык в объеме потребном для них в общежитии»¹.

В организации мусульманских школ принимали участие известный русский ориенталист Н. Ханыков. С учетом советов Ханыкова разрабатывались программы и учебные планы мусульманских школ, школы укомплектовывались преподавателями².

Для обучения в Дербентской школе, приезжали не только из сел Южного Дагестана, но и с других районов Дагестана, это аварцы, даргинцы, кумыки и представители других горских народностей. Среди учащихся, наряду с детьми школьного возраста были 23-25 летние молодые люди. Большинство учащихся уже в первый год учебы в школе изучали помимо арабского и русский язык, причем некоторые из них научились читать по-русски довольно свободно³.

Однако число учащихся Дербентской мусульманской школы было весьма невелико. К концу 1851 г. в ней обучалось всего 56 учащихся, из которых 8 жителей Дербента (остальные 48

учащихся из сельских сел) Однако вследствие крайней ограниченности программы трехклассная школа не могла служить подготовительной ступенью к поступлению ее питомцев в средние учебные заведения. Дети зажиточных горцев и царских чиновников, служивших в Южном Дагестане, после окончания школы, фактически были лишены возможности продолжить свое образование. Кроме того, горская школа не могла удовлетворить потребности населения в силу ограниченности контингента.

В 50-60-х годах XIX в. благодаря дислоцированных российских войск в Южном Дагестане в сел. Ахты, Самура и др. было открыто несколько школ, в которых обучались и дети горцев, часть которых впоследствии продолжала свое образование в других учебных заведениях.

В рапорте военного коменданта начальнику Дагестанской области отмечается, что в русскую школу поступили дети мусульман. «Число учащихся в школе мусульманских мальчиков доходит ныне до 15 ... Успехи детей этих в короткое время заслуживают одобрение, а метод преподавания наук и обращение с мальчиками в школе дают право надеяться, что при некотором увеличении средств школы число охотников учиться в ней возрастает, а результат образования мусульманских мальчиков в русской школе принесет наилучшую пользу для края»¹. Как видно из материалов исследования, то что местное население отдавало своих детей в эти школы, очень показательное и свидетельствует о наметившемся уже сдвиге в сознании горского общества, о стремлении дагестанцев к получению современного образования.

Шестидесятые годы XIX в. ознаменовались открытием в Дербенте женского учебного заведения. Содержалось это учебное заведение главным образом на средства общественной благотворительности и имело небольшой контингент учащихся. Главная цель этой школы сводилась к тому, чтобы подготовить хороших домашних хозяек. Соответственно были построены программы таких школ, включавшие закон божий, чтение и письма, четыре действия арифметики, рукоделие, домашнее хозяйство (приготовление пищи, выпечка хлеба, стирка белья и т.д.)². В Дербентской школе ученицы в основном были из лезгинских сел и они наряду с русским изучали азербайджанский

¹ Там же. С. 192.

² Козубский Е.И. Указ. соч. С. 192.

³ Там же.

¹ Каймазаров Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 69.

² Козубский Е.И. К истории народного образования... С. 226-227.

язык.

Однако Дербентская школа вплоть до 80-х годов XIX в. оставалась единственным женским учебным заведением в Южном Дагестане. Школы, о которых шла речь, находились в пунктах дислокации русских войск.

Выше было отмечено об открытии в 1861 г. Ахтынской школы в Самурском округе с контингентом 44 ученика. Детей лезгин здесь обучали грамоте на русском и азербайджанском языках. По признанию военного начальника Южного Дагестана, почти все учащиеся Ахтынской школы отличались прекрасными способностями знаний русского языка¹. Многие выпускники этой школы продолжали учебу за пределами Дагестана. Для них были открыты вакансии в таких русских городах, как Ставрополь, Москва, Петербург, Харьков т.д.

В свою очередь жители Южного Дагестана проявляли большой интерес к русской культуре, образованию, науке и т.д. Это видно как из многочисленных ходатайств жителей Южного Дагестана в адрес областной администрации и дирекций учебных заведений о принятии детей на учебу. Вот некоторые факты: 2 мая 1894 г. начальник Самурского округа писал военному губернатору Дагестана: «Жители сел. Ахты и других больших селений вверенного мне округа сознательно убеждены в необходимости давать образование своим детям, что доказывает большой наплыв желающих учить своих детей русской грамоте, и поступить в Ахтынское училище и только незначительный размер его и ограниченные денежные средства заставляют зачислять лишь 45 обучающихся. Несостоятельность же местных жителей не позволяет дать своим детям дальнейшего образования за свой счет»². Таких примеров вполне достаточно представления о действительном отношении жителей Южного Дагестана к светской школе с преподаванием русского языка. Однако главным тормозом а пути просвещения горских масс являлась колониальная политика царского правительства.

Параллельно с русскими школами во второй половине XIX в. в Южном Дагестане продолжали функционировать ряд религиозных мусульманских школ-медресе и мектебов.

В 90-х годах XIX в. делались попытки «реформировать»,

улучшить особенно в мектебах систему обучения. Так, один из последователей К. Ушинского А.О. Черняевский считал, что совершенствование мектебов должно заключаться «в применении новейших примеров преподавания, в организации правильного курса обучения, а также в улучшении гигиенических условий». Он предлагал ввести в эти школы преподавание арифметики и русского языка. «Ведь учат же в большинстве мектебов персидскому языку, - говорит он, - почему же не обучать детей русскому языку, более нужному им в жизни и по более разумно составленному учебнику»¹.

В условиях конца XIX в., когда в экономику Дагестана постепенно проникали капиталистические элементы, подвергались ломке многие старые формы хозяйства, происходили существенные изменения и в общественной жизни. Жизнь настоятельно требовала коренных реформ в системе обучения в конфессиональных школах и прежде всего введения в их учебные планы светских дисциплин, в основном на русском языке.

Особое значение для Южного Дагестана имело открытие в г. Дербенте школы садоводства (виноградарства и виноделия).

В своем хозяйстве перед министерством о необходимости такой школы в городе дербентское общественное управление отмечало, что открытие ее «является одним из наисущественнейших потребностей, так как лезгины, азербайджанцы, табасаранцы и др. народности Южного Дагестана владея виноградно-фруктовыми садами, не имеют в своей среде не только опытных ученых-садоводов, но даже сколько-нибудь подготовленных садовников, отчего и садоводство в данном регионе не могло быть до сего времени поставлено на ту ступень развития, какую оно должно иметь»². В школу принимались мальчики не моложе 12-14 лет, способные к физическому труду. Преподаватели в основном были приезжие русские специалисты, а первым директором этой школы стал А.П. Макаренко³.

Все школы финансировались в основном городским общественным управлением.

Значительно хуже обстояло дело с обучением детей в сельской местности.

¹ Там же. С. 228.

² Каймазаров Г.Ш. Указ. соч. С. 75.

¹ Каймазаров Г.Ш. Очерки истории культуры... С. 78.

² Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-хан-Шура, 1906. С. 186.

³ Там же.

Так, в своем письме к начальникам округов в 1885 г. князь Чавчавадзе писал, что при «посещении существующих в Южном Дагестане, сельских школ, куда местные мусульмане отдают своих детей, я заметил отрадное явление, что сами дети охотно и с успехом посещают школы»¹. В то же время начальник области констатировал, что некоторые из учащихся сельских школ, «заявляли просьбу об отправлении их в другие русские города для учебы»².

Во 2-ой половине XIX в. особенно после окончания Кавказской войны в Дагестане усиливается научно-изыскательская работа, объяснялось это стремлением царизма вслед за военно-политическим завоеванием Дагестана, освоить его экономически, подчинить природные ресурсы интересам хозяйственного развития метрополии. Изучение научно-изыскательских работ на Кавказе, в частности в Дагестане, было связано также с интересами развивавшейся русской буржуазии, жаждавшей расширения промышленного производства за счет использования сырьевых богатств края.

Если царское правительство, организуя изучение Дагестана, смотрело на него как на объекта эксплуатации, передовые ученые относились с симпатией к горцам, руководствовались интересами развития науки.

Огромный неоценимый вклад в изучение природных ресурсов Южного Дагестана, истории и этнографии его народов внесли русские ученые: Ф. Котов, И. Гербер, Я. Маркович, С. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт, А. Волынский, П. Г. Бутков и другие.

После присоединения Кавказа к России исследование края стало практической необходимостью для правительства.

Этим целям отвечали работы С. Броневского, О. Евичкога четырехтомный труд «Обозрение российских владений за Кавказом».

Около четверти века трудился на поприще кавказского языкознания выдающийся русский ученый П. К. Услар. Плодами его многолетнего кропотливого труда явилась широко известный труд «Кюринская азбука», составленная учеником и помещиком П. К. Услара - Казанфаром Зульфугаровым³. Хорошо владея

русским языком, Казанфар (живший в Касумкенте) в 1867 г. видел в трудах П. К. Услара пути сближения с передовой русской культурой. Восхищаясь усердием своего помощника, П. К. Услар писал: «При исключительной помощи его я успел составить обширную грамматику, хрестоматию и словарь кюринского языка. Теперь он трудится над постепенным пополнением составленного нами кюринского словаря. Сверх того, для упражнения кюринцев в чтении написал книгу, которая готова к печати»¹.

П. К. Услар считал, что грамотность на родном языке составляет первый шаг к просвещению, переход же к преподаванию на русском языке должен осуществляться постепенно. «Законченной целью для горских училищ считаю я, - писал П. К. Услар, осуществление следующего: практическое знание русского языка; умение свободно читать и писать как по-русски, так и на родном языке, и усвоение способности вникать в читаемое; ознакомление с русской жизнью и возбуждение теплого сочувствия к ней; способность понимать, что значить наука, какого бы она рода не была, и как за нее следует приняться; охота к чтению и ощущение необходимости образовывать себя». Подчеркивая огромную роль школы в переделке психологии и приобщении горцев к передовой русской культуре, он отмечал, что «школа не только подготавливает одиноких деятелей, она влияет на весь народ, если находится с ним в тесной или неразрывной связи... Таковые школы мы должны создать»².

Немало ценных предложений внесли и русские ученые-врачи, для ведения более успешной борьбы с эпидемиями и профилактики болезней. Так, дербентский врач И. А. Фаленцкий предлагал организовать бесплатную лабораторную помощь в лезгинских селах, наладить водоснабжение, провести канализацию, замостить все улицы.³

Врачи не только констатировали это положение, но и требовали наведения санитарного порядка, проявления внимания к больным и добивались некоторых положительных результатов.

Население, особенно в городах, оказывало медицинским работникам всяческую помощь в профилактической работе.

В городе Дербенте в числе санитарных попечителей 18

¹ Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-хан-Шура, 1914. С. 69.

² Там же.

³ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 316.

¹ Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973. С. 78.

² Свистунова А. И. Указ. соч. С. 79.

³ Обзор Дагестанской области за 1901 г. Темир-хан-Шура, 1908. С. 40.

человек были из местных жителей, которые активно участвовали в работе по улучшению санитарного состояния города и распространению медицинских и санитарных знаний¹.

Заслугой русской интеллигенции было стремление поставить на службу человека многочисленные и разнообразные по своему составу источники питьевого и бальнеологического характера, имеющиеся в Дагестане.

Врачи играли активную роль, наряду с учеными, в выявлении и описании лечебных источников, так как они хорошо знали местность и были знакомы с коренными жителями. Ахтынские минеральные источники впервые были описаны врачом А.Н. Ефимовым.

Он изучал результаты лечения с помощью вод этих источников. Однако часто инициатива врачей в вопросах благоустройства и лучшего использования лечебных вод, как правило, не находила поддержки у властей. Минеральные источники сдавались в аренду частным лицам, которые использовали их в целях наживы.

Приехавшие из России русскими врачами периодически делались анализы заболеваемости местного населения, вносятся предложения по улучшению дела здравоохранения. Эти выводы обосновывались обширными материалами долголетней практической деятельности русских врачей в различных сферах медицины, ее новейшими достижениями. Результаты печатались в медицинской и общей периодической литературе.

Из года в год росло доверие и благодарность горцев к русским медицинским работникам, смело выступавшим за улучшение медицинского обслуживания населения.

Добрую память о себе оставил врач Ефимов Антон Никифорович, проработавший в Южном Дагестане 25 лет. Он приехал в Самурский округ в качестве окружного врача в 1847 г. Общаясь с простым народом А.Н. Ефимов заслужил всеобщее уважение. Не считаясь со временем, трудностями горных дорог, он спешил оказать помощь больному, причем все делал безвозмездно. «Врач Ефимов - пользуется расположением и полным уважением..., как врач он никогда никому не отказывает в своей помощи и делает больше, чем обязывает лежащие на нем служебные обязанности. Когда окружная аптека оставалась без

¹ ЦГАРД. Ф. 32. Оп. 1. ед. хр. 15. Л. 168.

лекарств, он покупал их на собственные средства»¹. История окружной Самурской облыницы в сел. Ахты неотделима от имени А.Н. Ефимова, занием и энергией которого она во многом обязана своими достижениями, популярностью среди широких слоев населения не только сел. Ахты, но и многих других аулах Южного Дагестана.

Один из старейших медиков в Южном Дагестане был и Р.А. Янкелевич, своим трудолюбием и вниманием к местному населению заслужил уважение и признательность. Первый приемный покой в области был открыт в 1885 году в селении Касумкент, по настоянию Р.А. Янкелевича².

Среди русских врачей XIX в. в Южном Дагестане прогрессивную деятельность которых следует отметить были Е.Д. Поцхверов, А.И. Годзиевский, Г. Яновский, Ф.Л. Зенович, Г.С. Кузнецов, Н. Салтыков и др. Не меньшим уважением пользовались представители среднего медицинского персонала; фельдшер Л.Т. Лаптинов, проработавший в Дербенте и организовавший фельдшерские пункты в сельской местности³.

Вместе с русскими учеными, трудились и местные жители.

Большую известность из среды лезгин обрел своими трудами по физике и философии для своего времени Магарам Эфенди Ахтынский (XIX в.). Дело ученого после его смерти продолжали его сын Гаджи Селим Эфенди, который жил и работал в селении Юхари Яраг.

У лезгин имелись свои костоправы, народные травматологи. В 40-х годах XIX в. наиболее известными костоправами в Южном Дагестане были уста Мемин-халу, Нажмудин Карибский, уста Энвер, Кадыр из Куркента и др.⁴.

Здесь мы вкратце рассказали о деятельности лишь некоторых русских врачей. Для полноты картины к сказанному следует добавить, что подавляющая часть их оказывала горцам бескорыстную медицинскую помощь.

Оценивая в целом общественную деятельность побывавших в Южном Дагестане представителей русской прогрессивной культуры и науки, необходимо подчеркнуть, что большинство из

¹ ЦГАРД. Ф. 32. Оп. 1. ед. хр. 7. Лл. 7-8.

² ЦГАРД. Ф. 59. Оп. 9. ед. хр. 46. Л. 19.

³ Свистунова А.И. Указ. соч. С. 111.

⁴ Магомедов Н.А. Взаимоотношение народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII пер. пол. XIX в. Махачкала, 2004. С. 143.

них несло в горы знания и культуру. Их общественно-политическая деятельность в огромной мере способствовала становлению и развитию между горцами и русскими народами взаимопонимания дружбы.

Благотворное влияние оказала русская культура и на тех ученых, которые воспитывались на традициях арабо-язычной культуры. Под влиянием изменений, происходивших во второй половине XIX в. в социально-политической и культурной жизни, сформировались общественно - политические и просветительские взгляды Г.Алкадари. В чрезвычайно сложных и своеобразных условиях общественной жизни Дагестана Г.Алкадари сумел понять путь развития горских народов. В отличие от своих предшественников он мыслит «с точки зрения русской материальной культуры», не зная даже, чему обучаются дети в русских школах, «он чувствовал, что доктора, инженеры, агрономы, ветеринары и прочие культурные работники вышедшие из русских школ, делают его сторонником образования иного порядка, чем то, которое получил сам»¹.

Разносторонний ученый и просветитель Г. Алкадари оставил после себя большое научное наследие, но самым фундаментальным его трудом является «Асари - Дагестан», который по словам В.В. Бартольда, «написан не без таланта и содержит много ценных сведений, особенно по части новой истории Дагестана»².

Опираясь на различные источники, в том числе и русские Г. Алкадари умело изложил историю Дагестана с древнейших времен до середины XIX в. Кроме того, перу Г.Алкадари принадлежит сочинение автобиографического характера «Диван-ал мамнун» и «Джираб-ал-Мамнун», представляющее собой философский труд, изложенный в форме вопросов и ответов. Эти произведения Г.Алкадари оказали известное воздействие на развитие научной мысли Дагестана. Касаясь произведений Г.Алкадари, И.Ю. Крачковский писал, что они представляют большой интерес. Книга дает материал первостепенной важности для понимания всей идеологии. По этой книге мы имеем возможность, едва ли судить о развитии поэтического творчества

одного арабско-кавказского поэта за всю его жизнь»¹.

В просветительской деятельности Г. Алкадари исключительное место занимала пропаганда просвещения в народе, причем он выступал сторонником русской культуры. Он также был одним из организаторов народного образования. В открытой им школе Г. Алкадари преподавал географию, математику, астрономию и другие науки.

Видным ученым и поэтам XIX в. был Мирза Али-Эфенди Ахтынский. Он владел персидским, тюркским и арабским языками. Прогрессивное влияние оказало на него русская культура.

Особое место среди ученых Южного Дагестана занимает выдающийся историк-востоковед, философ, правовед, уроженец Дербента, профессор Мирза Мухаммед Али Казембек (1802-1870). Он всю свою жизнь посвятил научной и педагогической деятельности в Казанском, а затем Петербургском университете. Его труды «История семи планет», о взятии Астрахани в 1660 г., «Мюридизм и Шамиль», «Баб и бабиды» и др. представляют собой значительный вклад в науку².

Выдающийся ученый востоковед В.В. Бартольд отмечает: «Казембек своими лекциями создал русское востоковедение; почти все русские ориенталисты последующих поколений были учениками этого ученого или учениками их учеников»³.

Огромная заслуга принадлежит Мирзе Али Казембеку в издании в 1851 г. на высокопрофессиональном уровне широко известный в научном мире исторической хроники XVII в. «Дербенд-наме» с обстоятельным предисловием и комментариями⁴.

Известный востоковед И.Н. Березин, посетивший Южный Дагестан (Дербент) в середине XIX в., отмечал, что ученые в городе не редкость. «Из числа их, - писал он, - я посетил покойного корреспондента Казанского университета Муллу Таги и Мирзу Хайдара. Эти два светила дербентской премудрости враждовали друг с другом во всех ученых вопросах, и каждый из них имел свою толпу поклонников. Таги был болен и с трудом мог

¹ Крачковский И.Ю. Избр. Соч. Т. VI. М., Л. 1960. С. 618.

² Бартольд В.В. Историческое изучение Востока в Европе и в России. Л., 1925. С. 283.

³ Там же.

⁴ Гаджиев В.Г. Дербент-наме Мирза-хайдара Везирова // Вопросы истории Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1975. С. 284.

¹ Алкадари Г. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 176.

² Гаджиев В.Г. Роль России.... С. 332.

говорить, однако я заметил в нем гораздо больше критической учености, нежели в Мирзе Хайдаре»¹.

С 1846 по 1866 г. в астраханской мужской гимназии учителем персидского языка работал уроженец Южного Дагестана (Дербента) Садык-бек Аджи Джафаров. По рекомендации своего земляка профессора М. Казембека он был подвергнут при испытательном комитете Казанского университета экзаменам, которые успешно выдержал и был утвержден учителем арабского и персидского языков².

Большой популярностью среди народов Южного Дагестана в исследуемое нами время пользовался широко образованный генерал-лейтенант Бала Киши Алибекович Араблинский. Окончив кадетский корпус в Петербурге, Араблинский долгое время находился на военной службе и ушел на пенсию бригадным командиром³.

В свою очередь передовые русские ученые относились с глубокой симпатией к горцам, руководствовались гуманными интересами развития науки. Их деятельность объективно способствовала приобщению горцев к современной культуре, а отдельных образованных представителей местного населения - к научной работе. Именно это приобщение горцев к научному изучению своего края, отчетливо прослеживающееся после Кавказской войны, знаменует собой начало нового этапа в истории культуры горских народов, является одним из объективно-прогрессивных последствий присоединения Дагестана к России.

Социально-экономическое развитие Дагестана, бурные политические события XVIII-XIX в. оказали глубокое воздействие на духовную жизнь горского общества. Одним из проявлений происшедших сдвигов в области духовной жизни Дагестана был выход на широкую арену деятельности целой плеяды местных людей, приобщившихся к народному изучению своего края. Отдельные представители местного населения под влиянием русской культуры и изменений в социально-экономическом и политическом укладе жизни приобщаются к научно-исследовательской деятельности и, таким образом, постепенно превращаются в исследователей истории.

¹ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. М., 1949. С. 161.

² Рзаев А.К. Азербайджанские востоковеды XIX в. Баку, 1986. С. 41.

³ Там же.

Изменения в социальной и политической жизни нашли свое отражение в литературе и искусстве народов Дагестана XVIII-XIX в., выдвинул ряд замечательных поэтов и певцов, вышедших из народной гущи, тесно связанных с жизнью народа и запечатлевших в своем творчестве его думы и чаяния.

Вместе с тем передовые русские писатели, многие из которых побывали в Дагестане и непосредственно ознакомились с жизнью его народа, правдиво рассказывали о горной стране, ее культуре. Изображали горцев носителями высоких и благородных идеалов, восхищались их трудолюбием, мужеством, смелостью, готовностью до конца защищать свою честь, свободу и независимость, сочувствовали их антиколониальной освободительной борьбе, воспринимая ее как составное звено общей борьбы народов России против царизма.

Заметный вклад под влиянием русской интеллигенции в дагестанскую литературу внесли поэты-лезгины XVIII-XIX в. Салих ярагский, Ялчуг Эммин, Абдулхалик Ахтынский, Магарам Ахтынский, Ашук Шайда из Тагиркента. Видное место в культуре лезгин занимает творчество поэта Саида Кучхурского. Широкой известностью среди народа пользовались Мазали Али, Молла Нур из селения Ахты, Стал Саид и многие другие¹.

Наибольшего расцвета поэтическая культура лезгин достигла в середине XIX в. Она ознаменовалась появлением такого ярчайшего таланта как Етим Эмин.

Верным учеником, продолжателем поэтического наследия Етима Эмина был Сулейман Стальский. Сам Сулейман о себе писал: «меня научил народ, а песни слагать - Етим Эмин»².

Несмотря на преследования, они смело критиковали антинародную политику царского самодержавия, действия его администрации.

Друг Пушкина А.А. Бестужев - Марлинский, проходил военную службу в Южном Дагестане, проживая в Дербенте, он установил дружеские отношения с местным населением, интересовался их культурой, бытом, обычаями. Изучил хорошо местные языки. Жители Южного Дагестана отвечали ему искренней доброжелательностью и любили его, по признанию

¹ Ризаханов М.Ш. Лезгины XIX начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005. С. 238.

² Ризаханов М.Ш. Лезгины XIX начало XX в. историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005. С. 238.

самого Бестужева, за то, что он не чуждался их обычаев и говорил на их языке¹.

События и факты, описания в произведениях Бестужева, будили в русском читателе жажду свободы, чувства уважения к народам Дагестана. С другой стороны, его дружеское отношение к горцам, частые поездки по Дагестану оказывали влияние на местное население, которое убеждалось в том, что в России живут люди, достойные уважения и сочувствующие горцам. И они в свою очередь проявляли интерес к русскому народу. В «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев» Бестужев писал: «Мой хозяин и его гости часто расспрашивали меня о моем отечестве»².

Дагестанская тема заняла большое место в творчестве М.Ю. Лермонтова. В его произведениях показана борьба горцев за свободную жизнь. С произведениями Лермонтова были знакомы горцы, боровшиеся против царских войск.

Революционные демократы А.И. Герцен, В.Г. Белинский и другие прогрессивные деятели культуры и науки середины XIX в. решительно выступали в защиту прав угнетенных царизмом народов национальных окраин.

Присоединение Дагестана к России, по мнению В.Г. Белинского, явление исторически необходимое и культурно-прогрессивное.

Но он выступал против колониальной политики самодержавия, выражал возмущение существованием монархии.

Освещая национальный вопрос, Белинский убедительно проводил мысль о жизнеутверждающем начале национальной культуры каждого народа, мысль о том, то продвижение вперед неразрывно связано с укреплением национальной культуры каждой нации.

Творчество замечательных русских писателей 40-х годов XIX в. отразилось в дагестанской тематике, в которой все отчетливее проявлялись принципы реализма, общественного служения искусства и гуманности. Эти прекрасные черты русской классической литературы нашли свое воплощение и дальнейшее развитие в творчестве Л.Н. Толстого, создавшего ряд значительных произведений о Дагестане, в которых он подвергает

¹ Фалеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 365.

² Бестужев -Марлинский. Рассказ офицера бывшего в плену у горцев // Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1960. С. 141.

суровой критике самодержавия, бездарность и безрассудство царя в Кавказской войне, выражает сочувствие горцам Дагестана. Он побывал во многих местах Дагестана. Л.Н. Толстой собирал легенды, рассказы, предания, знакомился с нравами и бытом местных жителей. Сам Толстой, говоря о влиянии Дагестана на его жизнь, писал: «я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать ... Это было и мучительное и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, как в это время»¹.

Среди лезгинского народа большой популярностью пользовались произведения Л.Н. Толстого.

Историческая ценность литературных памятников заключается в том, что они помогают раскрытию сознания народа, его реакции на те или иные социальные и политические явления своей эпохи. В этом отношении особого внимания заслуживает ряд литературных произведений, созданных в рассматриваемое нами время и рассказывающих о реакции народных масс на происходившие в тот период некоторые крупные исторические события в России и в Южном Дагестане, в частности междоусобная война феодалов. Они отражают глубину ненависти и иноземным поработителям и возвышают патриотизм народа в борьбе за независимость и свободу Родины.

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что в XVIII-XIX в. из всех сфер духовной культуры любого народа наиболее близким, органически связанным с предшествующим определяющим народ признаком, безусловно, является его литература, и выраженная письменная литература.

Издавна в лезгинских селах в дни празднеств на свадьбах устраивали представления, лезгинский народ во многом впитал эту культуру, сохранив, несомненно, и самобытность. По примеру русских в праздниках комические диалоги, представления, одетые в вывороченные овчинные шубы, со смешными или страшными масками на лицах (изображающих волка, медведя, козла и др.). Они гонялись за детьми, осыпали мужчин мукой, которую прятали за пазухой, кувыркались и т.д. Часто их шутки, высказывания были сатирическими, носили социальный характер. Они бесстрашно критиковали мулл (попов), власть имущих и т.д.

Первый спектакль по пьесе Л.Н. Толстого «Первый

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 60. С. 263.

винокур» была поставлена в Ахтах. Пьеса была переведена на лезгинский язык и шла большим успехом¹. Ахтынский коллектив стал тем ядром, из которого впоследствии вырос профессиональный театр лезгин. Общность исторических судеб определило развитие сходного художественно-эстетического мышления, литературы и фольклора, как народов России, так и Южного Дагестана.

Для периода XVIII-XIX в. основной формой семьи, как у лезгин, так и русских была малая семья.

Характер и структура семьи, формы брака, брачные круги, этнические установки поведения в семье, являются одной из важнейших групп факторов. Характер и тип семьи, ее состав, форма браков в значительной степени определяются уровнем развития экономики, спецификой хозяйственной деятельности населения, социальным строем.

Полунатуральное скотоводческо - земледельческое хозяйство, сочетающееся с домашними промыслами, необходимость усилий большого числа рабочих рук, малоземельное и ряд других факторов способствовали сохранению у лезгин большесемейных организаций вплоть до конца XIX в., в некоторых случаях - до начала XX в.

И в большой, и малой семье царили патриархальные традиции. Там и тут семью, как правило, возглавлял старший мужчина - отец или старший из братьев.

Большую роль иногда в качестве главы семьи, а чаще в качестве помощницы мужа и распределительницы домашних работ играла и женщина - мать. В отсутствие мужа она руководила хозяйством, опираясь на помощь старшего сына. Глава семейства лично выполнял самые ответственные функции. Он должен был умело направлять всю деятельность семьи, распределить работу между ее членами в зависимости от их пола, возраста, способностей и навыков, вести хозяйство так, чтобы оно обеспечивало семью необходимыми материальными средствами. Поэтому старший заботился о своевременной и качественной пахоте, о севе, поливе посевов, уборке, молотье хлебов, о хорошем содержании скота и т.д. По его усмотрению реализовались излишки производимой в хозяйстве продукции.

Большое значение глава семьи и его помощница придавали

регулированию отношений между членами своей семейной ячейки. Многие возникающие в повседневной жизни проблемы глава семьи решал сам, другие - с участием своей помощницы.

Русские же семьи, так же как дагестанские, в некоторых регионах Российской империи в рассматриваемое время были как простые, так и сложные (большие и малые семьи), представляли собой коллективы, в которых вся деятельность их членов подчинялась главе семьи - старшему по возрасту мужчине (деду, отцу и т.д.). Глава семьи - «старший» управлял всей жизнью и хозяйством семьи. Эти права сохранялись за ним и тогда, когда он по возрасту или состоянию здоровья не мог управлять семьей. Иногда старшие сыновья при живом отце пользовались большими правами, чем остальные члены семьи, так как потенциально являлись будущими главами семьи.

Глава семьи в русских семьях был хранителем общей казны; он управлял всем хозяйством, разделял работу между членами семьи; без его ведома не решался ни один из сколько-нибудь важной семейной проблемы. Он производил всякого рода покупки и продажи, он же производил всевозможные платежи. Его приказания исполнялись беспрекословно. Он представлял семью при решении общественных дел села. Без его ведома младшие не могли распоряжаться хозяйственными делами, тем более землей, скотом или домашним имуществом. Но в домашние (женские) дела он не вмешивался (за исключением решения вопроса о браке дочери) считая, что это роняет его мужское достоинство. Без его ведома и разрешения не мог проводиться ни один из циклов хозяйственных работ. Только он мог определить сроки работ, распределить роли и обязанности членов семьи, в том числе и женщин.

Женский состав семьи находился в подчинении старшей женщины - чаще всего жены главы семьи.¹ Она руководила всеми работами по ведению домашнего хозяйства, распоряжалась продуктами и т.д. Ее боялись и служились беспрекословно, особенно строго свою власть она проявляла по отношению к невестам. Относительно привилегированное положение среди невесток занимала старшая сноха - жена старшего брата.

Свекровь иногда советовалась с ней при решении вопросов касающихся домашнего хозяйства. Старшая невеста обычно не

¹ Ризаханова М.Ш. Указ. соч. С. 251.

¹ Минченко Н.А. Русская крестьянская семья в XVIII- пер. пол.XIX в. М., 1979. С. 106.

участвовала в полевых работах - сенокосе, жатве, прополке и пр. Она, как правило, оставалась дома, когда все члены семьи, включая женщин с грудными детьми, в страду уходили в поле, готовила обед для работающих.

По существующему разделению труда мужчины выполняли почти все полевые работы.

Трудно выделить в крестьянском хозяйстве в русских селах XVIII-XIX в. чисто мужские занятия. Слишком многосторонней оказывалась деятельность женщин так же и в лезгинских семьях.

«Женский пол также целый год в работе - весной они ткут и белят холсты, ткут крестьянское сукно, занимаются пищеводством, скотоводством, огородничеством».¹ О том, что женщины в южных районах Российской империи участвовали в промыслах, сохранялись данные середины XVIII века.² Наравне с мужчинами работали и женщины на заготовке сена. Наблюдавший их на покосе в 1770 г. П.С. Паллас счел необходимым упомянуть, несколько странным показалось ему зрелище: «По причине комаров и мошек каждая из них носит за собою... наполненный горошек дымящих березовых на рослей или гнилого и дереве и, дабы не зажечь одежды, прибывают горошек к доске».³

Данные первой половине XIX в. свидетельствуют, что женщины принимали активное участие в производственной деятельности семьи практически по своей Центральной и Южной части России. Они ходили за скотом, разделяли труды с мужчинами на жатве и покосе, занимались молотьбой.⁴

В отличие от русских в Южном Дагестане к «молочению» женщин старалась не привлекать. Лезгинская сельская девушка с малых лет не только знала всю «домашнюю работу», но умели носить, жать и т.д.

Приученная к сельскохозяйственным работам женщина вдова не страшилась после смерти мужа при отсутствии взрослых сыновей самостоятельно поддерживать наложенное хлебопашество и скотоводство.⁵

Тяжелым бременем ложился на русских, так и на

¹ Минченко Н.А. Русская крестьянская семья в XVIII- пер. пол. XIX в. М., 1979. С. 106.

² Минченко Н.А. Указ. соч. С. 117.

³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского гос-ва. Ч. III. СПб., 1789. С.

⁴ АГВИА Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. Л. 17.

⁵ Там же.

дагестанских женщин, уход за скотом и домашней птицей. Надо было по утру выпустить скот в поле, вечером загнать его, дать сено, напоить, подоить коров - все это считалось обязанностью хозяек. В некоторых селах Южного Дагестана в частности Кюринском округе сел. Къири, Капирь, Стул, в Ахтынском округе и т.д. скот и домашняя птица обычно помещались на заднем крытом дворе (т.е. на задней части крестьянского двора). «Для удобства хозяйки делается особая дверь ведущая из семей на задний двор».¹ То же самое мы наблюдаем в селах Тамбовской губернии, но у них сток содержался с пригонах, которые располагались вокруг деревни. Некоторым женщинам приходилось ходить на дойку за полверсты от своей избы. Летом кстати, здесь делились крестьянами грядки для овощей: пригон женщинам в огород.²

Здесь тоже строили особые скотные дворы на пашнях, в которых зимой держали скотину, за неимением помещений при домах. Помогали хозяйке в основном подростки. Большое место среди обязанностей женщин занимал также уход за детьми.

Разделение труда между мужчинами и женщинами было строго нормированным. Лезгинская женщина никогда не управляла валами, запряженными в арбу, не носила сено и не жала хлеба. Ровным образом ни при каких обстоятельствах мужчина - лезгин не должен был ходить за водой с кувшином, доить корову, ухаживать за малолетними детьми и т.д.

Если сравнить характер и содержание труда женщины и мужчины, то можно сделать вывод, что мужчинам приходилось намного тяжелее, чем женщинам. Более того, трудовое положение лезгинки было несравненно легче трудового положения русской крестьянки, на плечи которой ложились многие виды и основных полевых работ (жатва, покос, и т.д.).

Помимо четкого распределения трудовых обязанностей и зависимости от пола у народов Южного Дагестана, столь же строго распределились обязанности в зависимости от возраста. Самые ответственные работы (пахота, полив, сев и др.) выполняли опытные работники, молодые же люди осуществляли вспомогательные работы и обрабатывали участки, требующие

¹ Бабаев Д. Селение Ахты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. С. 143.

² Потанин Г. Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 112.

незначительной физической силы, не высокой квалификации и большого опыта. Однако это не исключало того, что многие работы мужчины делали совместно, кооперируя свои трудовые усилия.

Несколько иначе обстояло дело в русской казачьей среде. Казаки, большей частью находящиеся на военной службе, не имели возможности заниматься хозяйственной деятельностью.

Вследствие этого заботы по хозяйству большей частью ложились на плечи женщин.¹

Дети имели свои обязанности. Они помогали в домашнем хозяйстве (уборка дома, работе в огороде и пр.); мальчиков рано приучали к мужским работам - пасти сток, обращаться с лещадьми, к навыкам полевых работ, к обращению с оружием. Девочек приучали шить, вязать, ухаживать за младшими детьми.

Во 2-ой пол. XVIII- нач. XIX в. для исследуемой зоны была характерна большая семья. В источниках сообщается: «... в случае смерти отца старший сын заступает на его место, сколько бы ни было братьев, все они живут нераздельно в одном хозяйстве».² В конце XIX в. капиталистические отношения, развивающиеся в сельском хозяйстве, усилили процесс социальной дифференциации. Происходила концентрация земель и скота в руках зажиточных крестьян. Развитие капиталистических отношений изменило характер хозяйства изучаемых районов. Все это привело к распаду больших семей.

К концу XIX в. большие семьи уже не были характерны для исследуемых районов, но еще встречались. В таких семьях совместно проживали двое и больше женатых братьев. Семью, состоящую из братских семей, называли *кюльфят* (*кулфят*).³ Обычно они разделялись, когда дети, в свою очередь, обзаводились семьями. В этом случае отделившаяся семья также становилась неразделенной. О сравнительно недавнем бытовании большой семьи в изучаемом ареале свидетельствует своеобразное употребление родственных терминов. В больших семьях отцом было принято называть старшего брата отца, а отца называть - *ами* (дядя). В этом случае, если деда не было в живых, то дядю называли - *ата* (отец), а баба (дед), подчеркивая тем самым его

старшинство в семье. Особенно характерен этот обычай для селений Дербентского района.¹

Но и те, что не жили вместе, тоже часто называли отца (*ами*). В этом проявлялись отголоски отношений между членами большой семьи. Кроме того, отдельные родственные семьи при полевых работах объединялись и питались совместно. Как и для большой семьи, так и для разделенных, была характерна главенствующая роль мужчины, где обычно старший мужчина руководил всеми хозяйственными и семейными делами.

Равномерное распределение обязанностей по хозяйству по возрастным группам в большой семье крестьянам давало возможность без напряжения справляться с необходимой работой. Кроме того, большая семья создавала благоприятную морально-психологическую обстановку. Тесная связь между семьями братьев, общая забота о детях делали их более уверенными и уравновешенными. Пережитки большой семьи, выражающиеся в более тесных родственных связях и во взаимной поддержке и в настоящее время играют положительную роль. Характер этих отношений не дает человеку, особенно в пожилом возрасте, испытывать чувство одиночества, что оказывает благотворное воздействие на нервно-психологическое состояние личности.

Активное участие женщин в хозяйстве, любимый образ жизни населения обусловили их сравнительно большую свободу. Женщины исследуемых районов не знали чадры, но несмотря на это в некоторых лезгинских семьях частично и в русских в брак молодые вступали по решению семьи родителей.

Брачный возраст женщин и мужчин был разным. Для женщин была характерна более ранняя и высокая брачность. Ранний брачный возраст определялся главным образом большой потребностью в рабочих руках.

Раннее вступление женщин в брак должно было обеспечить более высокую рождаемость, т.е. воспроизводство рабочих рук. Предполагалось, что чем больше детей в семье, тем более перспективное будущее ее ожидает. Считалось, что дети будут кормильцами для родителей в старости и опорой друг другу, а также всем родственникам. Особенно желанно было в прошлом рождение сыновей. Бесплодные женщины служили серьезным

¹ Малявин Г. Станица червленая. Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 132.

² Обозрение российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. 2. С. 229.

³ Полевой материал, собранный автором в Южном Дагестане в 2005-2006 гг.

¹ Полевой материал, собранный в Дербентском и Табасаранском районах в 2003-2004 гг.

основанием для развода.¹

Следует сказать, что в настоящее время в сельских местностях бытует такая же установка в отношении детей. Но теперь считают, что и дочери могут быть кормильцами, даже более надежными, чем сыновья, так как последние чаще покидают родные селения. В прошлом смертность среди детей была высока, и только высокая рождаемость обеспечивала воспроизводство населения. Из полевых материалов видно, что в конце XIX в. выживала половина или меньше от общего числа детей.

Наибольшее число браков мужчин в рассматриваемое нами время в исследуемых регионах приходилось на возрастную категорию за 30 - 35, что составляет 31 %. Значительное их число заключалось в возрастной группе мужчин 20-29 лет (22 %) от общего числа состояло в браке.² Более позднее вступление в брак мужчин определялось экономическими факторами, а также нехватка женщин брачного возраста XVIII-XIX в., обычай платить приданое, способствовало сохранению обычая умыкания невесты.

Значительная часть браков заключалась в своем селе, меньшая - с населением соседних сел, иногда отдельных. Брачные связи с отдельными селениями не носили случайного характера, как показало исследование жителей отдаленных населенных пунктов, были связаны между хозяйственными и общественными отношениями.

Селения в прошлом разделялись на несколько кварталов, где проживали родственные группы. В последние десятилетия принцип родственного расселения нарушается, но каждый знает, к какой группе он принадлежит.

Что касается русских деревень, то в XVIII-XIX в. процесс формирования и развития хозяйственных традиций происходил главным образом в рамках семейных отношений.³ При этом трудовое воспитание детей осуществлялось в контексте реальной производственной деятельности семьи.

Приучение детей к сельскохозяйственным и домашним работам начиналось очень рано. Мальчики с 5-6 лет учились ездить верхом и гоняли скот на водопой. В 7-8 лет они уже как

дагестанские дети участвовали в обработке пашни. С 14 лет крестьянин владел косой, серпом, молотом, топором и принимался за соху. С 15 лет он становился правой рукой отца и заменял его «в отлучках и болезнях».¹ Конечно, как в селах Южного Дагестана, в русских деревнях также существовали некоторые географические различия. В Нарымском крае, например, мальчика только с 14 лет привлекали к работе на покосе. Зато на них возлагалась обязанность вспахать всю пашню - отец как отмечалось, лишь приезжал с промысла, чтобы засеять участок.²

Рано начали приучать мальчиков и к промысловым занятиям. Не достигнув еще и 9 лет, нарымчанин умел ставить на ближнем озере петли на уток, стрелять из лука. Причем начиналось вовлечение детей в промысловые занятия с игр, переходящих подключением к настоящему промыслу на определенном, наиболее легком участке под руководством взрослого; заканчивалось самостоятельной деятельностью.³

Лишь с 14 лет мальчик действительно начинал помогать отцу в промысле, иногда отец оставлял 14-летнего подростка промысливать одного.

На Алтае, например, 10-летние мальчики занимались ловлей сусликов, лученьем рыбы. Осенью они собирались в артели и отправлялись на ближайшие к селу горные реки. Здесь делились попарно: один шел берегом, неся торбу для рыбы и связки лучин, а другой - с острогой и пучком зажженных лучин - шел впереди первого, освещая дно речки, и бил рыбу. С 10-12 лет подростки привлекались взрослыми к настоящим промысловым работам.⁴

Таким образом, то же самое мы наблюдаем в рассматриваемое нами время (XVIII-XIX в.) и у мальчиков живущих в лезгинских селах. Разница заключалась в основном в том, что у землевладельцев дети с указанного возраста, сразу включались в семейные производственные занятия (с учетом конечно, возрастных возможностей), а у животноводов пастьба скотины, отгонять на летние - зимние пастбища. Собственно животноводческий труд требовал предварительной выучки.

В раннем возрасте начинали свою трудовую жизнь и

¹ Обзорение российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. 2. С. 238.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. XIII. Елисоветпольская губерния. СПб., 1904. С. 24.

³ Громыко М.М. Трудовые традиции в русской деревне XVIII пер. пол. XIX в. М. 1994. С. 127.

¹ Успенский Т. Очерки юго-западной половины Шадринского уезда. - «Пермский сборник». М., 1859. С. 33.

² Успенский Т. Указ. соч. С. 38.

³ Громыко М.М. Трудовые традиции. С. 190.

⁴ Потанин Г. Указ. соч. С. 114-115.

девочки в русских крестьянских семьях. У Черниговских, Псковских, Пензенских, Новгородских крестьян, девочки с 6 лет садились за прялку. Им поручалось также пасти цыплят. С 10 лет они брались за иглу и серп и оставались домовничать на время полевых работ. В 14 лет девочка уже ткала, жала хлеб и косила сено.¹ К 12-13 годам в некоторых русских деревнях, помимо прочего девочка умела стирать белье, доить коров, шить, вязать и т.д. Учили ее и сельскохозяйственным работам.²

Раннее приучение к труду было связано не только с потребностью крестьянских хозяйств в дополнительных рабочих руках, но и соображениями чисто воспитательного порядка. Опыт подсказывал крестьянам, что если ребенок «из малолетства» не входил в сельские занятия, то в дальнейшем он уже не имел к ним «усердствующей способности».³

Трудовое воспитание было органически включено в самой процесс жизни и деятельности семьи. У крестьян в данном случае не было воспитательных средств, отличных от отношений реальной жизни. Однако дело не сводилось к простому подражанию старшим. Дети учились сами, присматриваясь к занятиям старших, и вместе с тем родители, специально занимались приучением их к той или иной деятельности. Трудовое воспитание мальчиков находилось на обязанности отца, старших братьев или других взрослых мужчин.

В русских деревнях, как и в селах Южного Дагестана, девочка целиком находилась на попечении матери и с ее помощью усваивала все необходимые для будущей хозяйки навыки. Трудовое воспитание детей у русских крестьян также не ограничивалось только обучением их тем или иным хозяйственным занятиям. Оно включало и привитие определенных моральных качеств: любви к труду, уважения к трудящимся людям, высококого представления о месте земледельца в обществе и государстве.⁴

Заключая изложенное, отметим, что обряды и обычаи детского цикла лезгин обнаруживают много общего с таковыми у других народов Дагестана и России. Отношения между членами семьи строились на взаимном уважении, заботе, любви и признании прав каждого члена семьи. Проявление деспотизма,

злонравия, жестокость подрывало авторитет старшего. Мужчины заботились о женщинах и детях.

Изучение свадебного обряда русских крестьян и народов Южного Дагестана в XVIII-XIX в. важна не только для воссоздания картины народного быта, выявления характерных черт общественного сознания народов, но и для уяснения этнокультурных связей русского населения с жителями Южного Дагестана.

Подобно свадебной обрядности русская сельская свадьба XVIII-XIX в. делилась на три основных периода: досвадебный, собственно свадебный и послесвадебный. Каждый из них в свою очередь состоял из отдельных законченных частей.¹

Число, последовательность, а иногда и содержание этих частей различались, как будет показано ниже, в зависимости от конкретных обстоятельств: территории, времени и формы.

Во всех случаях свадебный обряд в русских семьях начинался со сватовства. Выбор супруга в феодальной России у крестьян мог осуществляться, как отмечалось выше, и самой молодежью, и родителями. Если брак совершался «добром», т.е. с обоюдного согласия не только жениха и невесты, как их родителей, последние играли во время сватовства активную роль. Родители жениха приглашали сваху или свата и поручали ей предварительно переговоры с родителями невесты.² Аналогичная ситуация существовала в рассматриваемое нами время и у народов Южного Дагестана. Обычно «сватовщики» брали человека «смелого, опытного и испоследнего говорка, который мог бы искусно и скоро согласить родителей невесты на брак. Случалось, отец жениха сам «высватывал» сыну невесту или поручал это своему родственнику. Чаще же «сватовщики» не находились в родственных связях с брачащимися. По литературным источникам известно, что посторонние лица выступали в роли сватов при заключении браков рассматриваемого типа и в XVIII в.³

Однако с середины XIX в. в ряде мест ситуация изменилась; сватать стали преимущественно родственники (иногда родители) жениха или невесты, да и сам обряд сватовства упростился.⁴

Внедрение в быт обычая возлагать сватовство при браке на

¹ Потанин Г. Указ. соч. С. 114-115.

² Там же. С. 126.

³ Громыко М.М. Трудовые традиции... С. 126.

⁴ Громыко М.М. Указ. соч. С. 156-157.

¹ Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири. М., 1992. С. 2.

² Гуляев С.И. Указ. соч. С. 2-3.

³ Там же.

⁴ Кагаров Г. О значении некоторых русских свадебных обрядов. М., 1917. № 9. С. 646.

родственников благоприятствовало то обстоятельство, что от таких сватов не требовалось знание всех тонкостей поручаемого дела; они должны были лишь уговорить девушку бежать из родительского дома.

Родители невесты сначала обычно отказывали свахе, отговаривались тем, что и невеста не доросла до замужества, и приданное не готово. Иногда сваты несколько раз посещали семью невесты прежде, чем добивались успеха. Сопротивление отца и матери девушки в начале сватовства объяснялось разными причинами, в том числе идущими от древнейших времен мотивом борьбы за невесту. Случалось, что родители действительно не были согласны на брак и лишь под давлением различных обстоятельств позднее примирались с ним. Часто родители перед тем, как дать окончательный ответ сватам, советовались с родными, хотя в конечном счете решение принимали самостоятельно.

При успешном сватовстве назначался день рукобיתья - сговора. Обычай этот - общий для всей России.¹ Рукобיתье происходило в доме невесты; на него обычно приглашали только ближайших родственников с обеих сторон и сватов. У ишимских крестьян присутствовали при этом еще девушки - подружки невесты.²

Сначала велись переговоры между отцами невесты и жениха о свадебных расходах и подарках. Деньги, о которых шла речь на рукобיתье, назывались «калымом», или «запросом», жених обязывался заплатить семье невесты не менее 25 руб. Некоторые платили по 90-125 руб.³

Наконец, родители невесты зажигали перед иконами восковые свечи; отцы «невестин и женихов» подавали друг другу правые руки «покрыв их платком», а сваговщик разнимал у них руки.⁴

У смоленских и алтайских крестьян по «рукам били» отец невесты и сваха (сват), а разнимал их один из присутствовавших родственников.⁵ Вся эта процедура происходила в присутствии жениха. Лишь у ишимских крестьян жених не приглашался на

¹ Кагаров Г. О значении некоторых русских свадебных обрядов. М., 1917. № 9. С. 646.

² Смирнов А.А. Народные способы заключения брака. М., 1971. С. 3.

³ Смирнов А.А. Указ. соч. С. 6-7

⁴ Там же.

⁵ Гуляев С.И. Указ. соч. С. 8-9.

рукобיתье.¹ Невесты во время «битья по рукам» находились в другом помещении. В всех случаях заканчивалась рукобיתье угощением и пением песен.

Смысл описанного обряда заключался в торжественном закреплении обещания самой девушки, ее родителей и близких родственников «породниться» со стороной жениха. Это достигалось соединением рук («рукобיתьем»), зажиганием восковых свечей.

Платок, фигурировавший при рукобיתье, - предметный символ «договора»,² - также имел непосредственное отношение к существу договора. Кстати, именно платок нередко выступал в роли задатка, который обязательно вручал невеста жениху при свадьбе.

Русские источники подтверждают, что выдать дочь замуж после «рукобיתья» за другого жениха - означало, по мнению крестьян, поступить «воровски».

Отметим, что в начале XVIII в. само «битие по рукам» свата и отца невесты происходило «на просватанье», за этим следовал «заговор» между отцом невесты, женихом и, видимо, отцом последнего в присутствии свата.

Вообще в русском крестьянском свадебном обряде, приходится постоянно встречаться с подарками, взаимными угощениями сторон. В этой связи встает вопрос о содержании дарения и угощения на свадьбе. Корни этого явления - в институте коллективной взаимопомощи. Подарок в древности был символом, клятвой дарителя и готовности оказать одариваемому во всякое время необходимую поддержку. Получив ответный подарок, даритель, тем самым, принимал соответствующее заверение от одаренного. Так, что ценность подарка заключалась не в чем самом, а в том символическом значении, которое ему приписывалось. Видимо, именно эту роль играли подарки при заключении крестьянских браков. К подобному утверждению близок и А. Смирнов. «Свадебные дары и отдаривания, - пишет он, - служили, для выражения взаимной дружбы и расположения двух до того чужих, нередко враждебных родов...»³.

¹ Лебедев А.А. Русский народный свадебный обряд 2-ая пол. XVIII-XIX в. М., 1954.

С.237. (Ишимские - это русские живущие в Томбовской губернии).

² Астахов А.М. Художественный обряд и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964. С. 5-6.

³ Смирнов А. Очерки семейных отношений. М., 1971. С. 178.

После смотрин, обе стороны готовились к свадьбе: варили пиво, запасали разными кушаньями, мыли избы.

Подруги невесты, гостившие в ее доме от рукобитья до венчания, шили приданое, пели разные свадебные песни. Сама невеста проводила это время в «слезах и вытье».

Обычай, требовавший от невесты демонстрации некоторой недоброежелательности по отношению к жениху, ее причитания и плачи восходили к тем временам, когда существовало «умыкание» девушек. В XVIII- пер. пол.XIX в. об истинном происхождении причитаний, разумеется, и не думала. Причитали потому, что так делали матери и бабки.

Накануне венчания в доме невесты происходил девичник - публичное прощание девушки с девичеством. В средней полосе России, обычно в некоторых деревнях и селах он включал в себя обед, в котором участвовали невеста и ее подруги; обрядовое расплетание косы невесты; традиционную баню; вечерку - с участием жениха, его родных и близких¹.

Расплетание косы входило в обряд прощания невесты с девичеством, естественно и понятно - замужние женщины заплетали волосы в две косы. Более интересно вторичное прощание девушки с косой - оно происходило, согласно крестьянскому свадебному обряду, на следующий день, перед венчанием. Жених выкупал тогда косу у брата невесты, а сваха расплетала ее под пение подруг молодой².

В целом приведенный материал свидетельствует, что существовали локальные особенности традиционной крестьянской свадьбы в разных районах России. Видимо, классическими могут считаться свадебные обряды в центральной части России, сохранившие и к середине XIX в. первоначальное содержание и значение. В других же регионах России свадебный обряд трансформировался в большей степени под влиянием, скорее всего, «беглых» браков, имевших здесь широкое распространение. При всем том есть основание говорить о едином варианте общерусского свадебного обряда.

Этот обряд в XVIII-XIX в. органично включал церемонию церковного венчания; влияния христианства сказывалось и в обращении к иконам, крестам, молитвам. Однако ведущее место в

свадебной «драме» занимали ритуалы, не связанные с церковью, восходящие в своей основе к глубокой древности. Крестьянская свадьба оказывалась под безусловным контролем сельской общины, принимавшей в ней самое активное участие, что должно было способствовать прочности формирующейся молодой семьи. Сами масштабы празднества, величина расходов, с ним связанных, могут являться свидетельством отношений крестьян к вступлению в брак, как к очень торжественному и значимому событию, определявшему всю последующую жизнь молодоженов. Закрепление брака - важнейшая функция сельской свадебной обрядности в период феодализма.

Как и все народы России, дагестанские лезгины, также большое значение придавали женитьбе сына или замужеству дочери. Выбор невесты или жениха являлся серьезным и ответственным делом. Им как и у русских занималась не только семья, но и широкий круг родственников, а также уважаемые соседи и друзья.

При оценке личных качеств невесты или жениха принимались во внимание их трудолюбие, сдержанность, знание этикета и, что особенно было важно для девушки, бережливость. Не меньшее значение имели престиж родни и наличие влиятельных родственников. Требовалось кроме того, чтобы молодые люди, особенно невеста, были физически крепкими, способными иметь здоровое потомство.

Формы заключения брака у лезгин как у русских были довольно многочисленны и разнообразны.

Лезгины, в отличие от других народов Северного Кавказа, в пределах селения не придерживались строгой эндогамии, хотя предпочтительны были внутритухумные браки (в основном казенные браки).

Межсельские браки в XVIII-XIX в. так же не допускались в некоторых селах Новгородской, Черниговской и др., не одобрялись и были весьма редки.

Прежде чем начать сватовство во многих селах Южного Дагестана, в основном активную роль играла мать юноши. Она наблюдала за поведением девушки, ее умением работать, быть бережливой, старалась составить себе представление и о других личных качествах будущей жены сына.

Многое зависело и от отзывов соседей девушки. Молодые

¹ Гуляев С.И. Указ.соч. С. 24-26.

² Гуляев С.И. Указ. соч. С. 38-39.

люди в сельской местности, так же как и в русских деревнях, знакомились на свадьбах, в поле (во время сенокоса, на прополке, жатве и т.д.), у родственников, куда хотя бы издали поглядеть на девушек специально отправлялись юноши.

Кроме того, в отдельных сельских обществах молодежь встречалась во время так называемого девичника, то же самое, что было в русских селах, об этом было сказано выше. У народов Южного Дагестана девичник также устраивалась в доме невесты перед выходом ее замуж.¹ На девичник в некоторых селах Магарамкентского, Самурского, Дербентского районов приглашались и девушки и юноши. Девушки готовили сладости, в основном халву, в это время молодые веселились, пели песни, танцевали, объяснялись прямо или косвенно в любви, выбирали себе невест, высказывали взаимные упреки на недостаток внимания со стороны друг друга.²

Намного сложнее было встречаться девушкам и юношам в городских условиях, где сельско-хозяйственные горожане занимались сравнительно мало, а девушка - горожанка в силу специфики домашнего быта, в поле ходили только в исключительных случаях. Даже на свадьбе девушки веселились без юношей. В Дербенте совершеннолетние девушки выходили, как и все женщины только в чадрах. По этому поводу еще в середине XIX в. И.Н. Березин писал: «Мужчины и женщины в Дербенте довольно хороши собой; женщины ходят здесь уже под покрывалом, и желающие лично убедиться в дербентской красоте должны, как и я, по вечерам лазать на кровлю или сидеть у дербентских фантанов, куда приходят толпами дербентские девицы и девочки за водой с кувшинами на головах»³. В таких условиях юноши, как правило, часто женились на девушках, которых они ни разу не видели, только по рекомендации родных. Как утверждают представители старшего поколения, родители могли показать сватам жениха одну дочь, а выдать замуж совершенно другую, менее или совсем привлекательную.

Браки в южно-дагестанских селах заключались, так же как в российских деревнях, по сговору. У лезгин хотя редко обычно от обычного обручения, встречался сговор детей еще в колыбельном

возрасте.

А.В. Комаров писал о Дагестане, что здесь «весьма распространены обычаи сговаривать детей, даже вскоре после рождения; при этом обыкновенно отец мальчика дает в виде залога какую-нибудь вещь отцу девочки, и малолетние уже считаются с этого времени женихом и невестой»¹. Согласно нашим полевым данным, в изучаемое время сговор малолетних детей встречался лишь в исключительных случаях. В основе такого сговора лежала тесная дружба двух семей, а иногда опасения, что эту девочку могут просватать за другого. В отдельных случаях в конце XIX в. подобных случаях действительно давали метку на лؤلье и девочки, и мальчика.²

Но позже этот обряд при таком сватовстве не стал соблюдаться. Засватав, таким образом, малолетнюю, семья мальчика время от времени делала ей подарки. Однако став взрослым, сговоренные далеко не всегда безропотно покорались решению родителей, что приводило к разделу отношений между двумя семьями.

Другой особенностью традиционного брака у лезгин, как и любого другого из народов России, был брак, встречавшийся, правда иногда, с большой возрастной разницей между богатым женихом 40-60 лет и бедной невестой и наоборот, бедным женихом, почти подростком и богатой невестой, намного старше его.

Так или иначе, браки молодежи заключались преимущественно по воле родителей. Юноше иногда мог объявить своему близкому другу или родственнику, на ком он желает жениться, и даже добивался этого, для девушки же самостоятельный выбор был почти полностью исключен.

Она тоже могла доверить тайну своей любви близкой подруге, но последняя не могла ничем помочь. Правда, порою интересы обеих сторон совпадали, и юноша имел реальные возможности, отстаивать не только свои интересы, но и интересы своей любимой.³

«Браки зависят от воли родителей и только в некоторых случаях от согласия жениха»,⁴ - писал об дагестанцах Н.Ф.

¹ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX - нач. XX в. М., 1999. С. 256.

² Полевой материал, собранный автором в Дербентском районе в 2004-2005 гг.

³ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Т. I. Казань, 1849. С. 162.

¹ Комаров А.В. Адабы и судопроизводство по ним. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 51.

² Полевой материал, собранный автором 2006 г. в Курахском районе.

³ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. С. 258.

⁴ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 2. СПб.,

Дубровин.

Свадьбе молодых почти всегда предшествовало сватовство и обручение. В некоторых лезгинских селах, в частности в селах расположенных в Самурской долине, существовал обряд «рукобитье», этот обычай характерный для свадебной обрядности всех славян и сохранившийся среди русских.¹

По словам М. Ковалевского, это - примитивный акт заключения торговой сделки, превратившийся в обряд².

После «рукобитья» устраивали сговор, на который приглашались родственники жениха и невесты. На свое происходило знакомство родственников жениха и невесты, оговаривались условия заключения брака, материальные издержки на свадьбу, подарки которые должны сделать жених невесте, невеста жениху и его родственникам.

Одним из способов заключения брака в Южном Дагестане было похищение, осуществлявшееся как насильственным путем, так и с согласия самой девушки. К нему прибегали в случае отказа со стороны родителей или девушки, а также большой суммы платы за невесту. Величина калыма зависела преимущественно от сословной принадлежности и экономического положения сторон. Выкуп за невесту платили натурой, иногда деньгами. В его состав включались лошадь, рогатый скот, оружие, ценные вещи и т.д.

Свадьба отмечалась весьма торжественно, с участием всех родственников, со строгим соблюдением ряда обрядов, могущих, по представлению народа, оказать магическое действие на исход дела, на создание крепкой многодетной счастливой семьи. Центральным актом свадебного тожества был переход невесты в дом жениха в сопровождении большой свиты с факелом, с пальбой из ружья, с песнями под звуки музыкальных инструментов в некоторых селах Южного Дагестана.³

В свадебном ритуале лезгин, как и русских, было обязательным выполнение некоторых действий, издревле считающихся символом мира и согласия между свекровью и невестой. Так, когда невесту подводили к порогу дома, свекровь давала ей ложку меда или шербет (подслащеную воду), что символизировало положение иметь со свекровью «сладкие»

1871. С. 372.

¹ Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские XIX- нач. XX в. Махачкала, 2001. С. 95.

² Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. С. 163.

³ Полевой материал, собранный в Южном Дагестане в 2003-2004 гг.

отношения. После этого невесту провожали в специально убранную комнату и сажали на сундук. На колени невесты усаживали ребенка мужского пола - магический прием пожелания ей детей мужского пола.

Важным этапом брачной церемонии и приобщения молодой к хозяйственной жизни в доме мужа был вывод ее за водой. Молодая жена в своем свадебном наряде шла в сопровождении родственниц мужа, старшая родственница от имени новобрачной раздавала всем участницам шествия и встречным сладости. Только после такого торжественного вывода за водой невеста имела право показываться людям на улице, общаться с посторонними, хотя и в крайних случаях.

Семья мужа старалась как можно быстрее приобщить молодую невесту к существующим в доме порядкам, к трудовой деятельности.

В доме мужа молодая должна была, согласно обычаю, соблюдать многочисленные ограничения и запреты.

Анализ изложенного выявляет, что в свадебном обряде русских и лезгин обнаруживается много общего. Эта общность развивалась за счет архаических черт, свойственных свадьбе всех восточнославянских народов (это знакомство родственников жениха и невесты, состав свадебных чинов, выкуп невесты, публичное одаривание).

В целом в свадебных обычаях и обрядах лезгин и русских в изучаемое время сохранялось немало интересных явлений уходящих своими корнями в древнейшие пласты истории семьи и брака и в той или иной мере проливающих свет на многовековой путь их эволюции.

По распространенной классификации народный календарь и календарная обрядность относится к области духовной культуры.

Многовековые наблюдения людей за явлениями окружающей среды: за постоянным переходом природы от одного состояния к другому, за ее изменениями в течение суток, времен года, за характерными признаками весны, лета, осени и зимы, а также наблюдения за небесными телами позволили народам России и Южного Дагестана накопить ценный опыт, которым они руководствовались в своей практической деятельности.

Учитывая изменения погоды, наблюдения за направлениями ветра, за дождем и морозами, крестьяне корректировали начало

или конец полевых работ. Практические навыки ухода за животными они подчиняли цели сделать труд производительным.

В исследуемое время в ходе экономического и культурного развития лезгины, унаследовав древние традиции исчисления времени, дополняли их навыками, на основе наблюдений, регламентирующих различные сферы жизнедеятельности - производительную, общественную, семейную.

Народный календарь, в котором единицей исчисления был солнечный год, подразделявшийся на 12 лунных месяцев, соответствовал основным циклам сельскохозяйственных работ.

Народным календарем определялись и те дни недели, в течение которых запрещалось или считалось нежелательным выполнение тех или иных видов работ (полив, заготовка леса и др.).

Многие календарные обряды и поверья уходящими корнями в хозяйственную практику крестьянина, в прошлом беспомощного перед стихийными силами природы, сохранялись и в рассматриваемое время.

Лезгины, как и многие другие народы России, в своей практической жизни пользовались лунно-солнечным календарем. Им были известны последовательность смены фаз луны, верования, связанные с луной и т.д.

Год по лунному календарю равнялся 354 дням. Календарным месяцем считался месяц лунных фаз, начало месяца совпадало с новолунием.

В своей практической деятельности лезгины опирались, прежде всего, так же как и русские на многовековой сельскохозяйственный опыт, основанный на эмпирических наблюдениях в полеводстве и скотоводстве. Именно поэтому местный календарь имел большое значение¹.

Универсальное у всех народов деление года на два крупных периода - лето и зиму - было характерно и для лезгин.

Первый период рассматривался как период полевых работ, второй в основном - домашних промыслов. Эти два периода, в свою очередь, делились на четыре сезона: весну, лето, осень, зиму. В их рамках различались и более мелкие отрезки времени, так или иначе связанные с определенным циклом сельскохозяйственных работ. Начало весны совпадало с 21-22 марта. Этот день

¹ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. С. 79.

определялся по солнцу (новруз)¹.

Во второй период весны это с начала апреля до 3-4 мая, проводится интенсивная пахота, выгон скота на пастбища и т.д. Аналогичный календарь мужских занятий был и в Ярославской губернии. Пахать здесь крестьяне также начинали с 23 апреля по 9 мая. С 9 июля принимались за сенокос. С 21 июля начиналась жатва и продолжалась в течение всего августа. Вообще уборка урожая со всеми последующими работами нередко заканчивалась лишь к 1 октябрю². В Костроме молотьба хлеба начиналась с осени и заканчивалась к Рождеству³. Видимо, более ранние сроки молотьбы здесь определялись с климатическими условиями.

В Калужском округе молотьбу вели зимой. В середине XIX в. весенний сев здесь начинался около 25 апреля. После сева крестьяне готовили ар, проводил прополку засеянных полей. Затем наступал сенокос. Сенокос сменяла жатва озимой ржи, а вслед за нею и других хлебов.

Что касается сельскохозяйственного календаря у народов Южного Дагестана, период жатвы и сенокосения почти совпадала с русскими сельскохозяйственным календарем.

Жали зерновые и косили по мере их поспевания. Период этот продолжался около 1,5 месяцев. А с 22 августа по 7 сентября собирали урожай с садов и огородов. Осень длилась примерно с 22 сентября по 22 декабря, т.е., до дня зимнего солнцестояния.

На это время падали основная часть пахоты и сева, полива озимых и другие работы. В это же время сажали деревья в садах, поливали все посевы. Осенний полив считался самым необходимым для растений.

Осенью заготавливали фрукты, овощи, мололи муку на весь зимний сезон.

Судя по данным источников и литературы, дни подпериодов годовых сезонов по русским и лезгинским календарям совпадали не всегда, некоторые расхождения, возможно, объяснялись различием естественно-географических условий микрорайонов, а также трудностями точной реконструкции и анализа традиционного календаря.

Сроки посева были целиком во власти традиции как по

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 79-80.

² Миненко Н.А. Русская крестьянская семья (XVIII- пер. пол. XIX в.). Новосибирск. 1979. С.115.

³ Там же.

отношению к озимым, так и к яровым. Вместе с тем лишь в редких случаях их выдерживали вопреки погодным условиям.

На Вологде главная тенденция - оптимально ранние сроки высев яровых и озимых. Около Вологды рожь сеяли с 15 июля по 18 августа (до Фролова дня). Первыми из яровых здесь сеяли овес, пшеницу, ячмень и лен. Сев шел в жестких рамках срока (15 дней), примерно с 25 мая¹.

Овес, горох и бобы сеяли здесь в конце мая. В Тверской губернии горох и пшеницу сеяли в апреле, овес - с 9-21 мая, а при ранней весне с 1 мая. Пшеница часто сеялась одновременно с овесом или на 2-3 дня позже. В Ярославской губернии яровые в редких случаях начинали сеять в последних числах апреля, срок посева ржи - август и т.д.²

Материал о сроках посева дает основания для вполне определенного вывода о том, что агрикультурная традиция при всей своей устойчивости давала достаточный простор для маневрирования сроками сева в зависимости от колебания погоды.

Вместе с тем эти сроки были жестко увязаны с трудовым циклом уборки урожая.

Как свидетельствует приведенный материал, каждый из отрезков времени у землевладельцев ассоциировался с определенными сельскохозяйственными работами: пахотой, севом, прополкой, жатвой, стрижкой овец и т.д.

Народный лунно-солнечный календарь был тесно связан с годовыми циклами сельскохозяйственных работ крестьян, отражал накопленный опыт агротехнических знаний. Календарь лезгин во многом был сходен с земледельческим календарем как лезгин в целом, так и русских народов, хотя и основывался на местном опыте и конкретной хозяйственной деятельности и исходили из местных природных условий. Крестьяне на опыте убеждались, что урожай с полей можно получить только в результате вспашки, сева добротными семенами, обильного полива и т.д. Большое значение для крестьянина имело предсказание погоды. Не будет преувеличением сделать вывод о том, что народный календарь лезгин, как и календарь некоторых регионов России, являлся результатом многовекового опыта крестьянина, опирался на его знания.

¹ Очерки русской культуры в XVIII-XIX в. Ч. 1. М., 1985. С. 79.

² Там же. С. 80.

Лезгины, как и русские по движению небесных тел, по изменениям, происходившим в мире животных и растений, научились распознавать сутки, месяцы и год¹.

Календарные обряды народов Южного Дагестана и России также теснейшим образом были связаны с их хозяйственной деятельностью. Так как основным занятием населения являлись полеводство, обряды и праздники носили в основном земледельческий характер. На формирование обрядов и праздников большое влияние оказывала религия, игравшая существенную роль в жизни населения. В частности, в них хорошо прослеживаются пережитки древних верований. Магический характер многих обрядов отражал бессилие людей перед стихийными явлениями окружающей природы и наивную веру, что с помощью такого рода средств можно задобрить ее, тем самым обеспечить обильные исходы, устойчивые урожаи, большой приплод в животноводстве.

В отличие от календаря, который широко используется в хозяйственной практике, землевладельческие обряды дошли до нас в сильно трансформированных, порою неузнаваемых формах.

Однако религиозные обряды не смогли полностью вытеснить традиционные народные. Об этом свидетельствует сохранение ряда календарных обрядов в хозяйственной практике населения. Среди них - обряды, посвященные наступлению весны, пробуждение природы, началу основных сельскохозяйственных работ. Из праздников и обрядов весеннего цикла наиболее популярным являлся новогодний праздник Новруз (весенний праздник), праздник провожающий зиму. У русских его называли просто проводами зимы.

Первый день года отмечался как праздник «выхода плуга в поле», в России праздник первого плуга (борозды)². Перед праздником во всех домах проводили большую уборку, белили стены, мазали пол, подметали дворы, улицы, делали большую стирку, мылись, одевались во все чистое, нарядное, готовили самые лучшие кушанья. Для детей пекли обрядовые калачи треугольной формы, а также в виде куропатки, человеческой фигурки, красили яйца и т.д.

¹ Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 36.

² Соколова В.К. Указ. соч. С. 39.

В народном календаре важное место занимал и другой земледельческий весенний обряд - обряд вызывания дождя и солнца. Были известны много форм связанных с этим процессом, в данной работе нет смысла описывать их, об этом много написано в этнографических работах специалистов, занимающихся этими вопросами. Мы лишь отметим, что обряд вызывания солнца у лезгин так же, как у русских крестьян, постепенно превратился в детскую забаву, в исполнение хоровой песни в театрализованное представление. В изучаемое время сохранились лишь отдельные его элементы.

Необходимо отметить, что об урожае было принято говорить скромно, чтобы люди не «сглазили». Существовал обычай, согласно которому первый хлеб из нового урожая сначала ели дети, а потом взрослые члены семьи, но ни в коем случае не посторонние.

Следует отметить, что народный календарь народов Южного Дагестана, являлся неотъемлемой частью общероссийской культуры, был единым в своей основе с традиционным народным календарем всего дагестанского народа.

Вместе с тем, он отражал наличие вековых связей с другими народами кавказского историко-культурного региона и, прежде всего, с соседними с ним народами Дагестана.

Разумеется, приведенные выше данные составляют далеко не полный перечень традиционных календарных праздников, обычаев и обрядов народов Южного Дагестана и России. Тем не менее они могут дать определенное представление о такой культурно-бытовой стороне жизни народа, какими были народный земледельческий календарь и календарные обычаи.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия сыграла огромную объективно прогрессивную роль в жизни горцев Дагестана. В годы тяжких испытаний, связанных с нашествием иноземных захватчиков, Россия постоянно поддерживала народы Дагестана.

Неоценимую помощь оказала Россия горцам в их героической борьбе за свободу и независимость против ирано-турецких захватчиков в XVI-XVIII вв. Благодаря дипломатической и военной помощи России не раз было предотвращено вторжение в Дагестан иранских, турецких и крымско-татарских войск.

Имеющийся в распоряжении исследователей материал, свидетельствует о том, что внутреннее положение Южного Дагестана, которое еще в начале XVIII в. все еще оставалось в зависимости от иранских шахов, было сложным. Население было задавлено шахскими налогами. Только выход из-под власти шахов, вследствие их ослабления в XVIII в., способствовало оживлению экономической жизни во владениях Южного Дагестана. Владения Южного Дагестана отличались этнической пестротой. В них проживали лезгины, табасаранцы, горские евреи, таты, персы. Социальное расслоение было четким, соответствовало феодальной эпохе.

Полнотой власти пользовались хан, майсум, кадий, которым подчинялись беки, юзбашы, кетхуды и т.д. К феодальному сословию примыкало и высшее духовенство -- шейх-уль-ислам, кадии, которые нередко вмешивались даже в светские дела. Зависимое население состояло из крестьян, ранджбаров, раятов и рабов. В зависимом положении в Южном Дагестане находились в рассматриваемое время мелкие ремесленники, подмастерья, мелкие торговцы и т.д.

В политической жизни народов региона изучаемого периода следует особо отметить, что все усилия южнодагестанских владетелей были направлены на бескомпромиссную борьбу за выход из-под власти шахского Ирана, на четкое отмежевание от султанской Турции и неизменную верность союзу с Россией.

С уходом из региона иранских войск, создалась благоприятная обстановка для присоединения Восточного Кавказа

к России, тем более, что феодальные владетели Дагестана неоднократно обращались к России с письмами, в которых просили принять их в подданство.

Военно-дипломатические мероприятия России на Кавказе в конце XVIII– начале XIX в. способствовали сохранению независимости народов Дагестана и в период обострения так называемого «Восточного вопроса».

С давних времен в истории народов многонациональной России русский народ выполнял организующую роль, постепенно объединив вокруг себя нерусские народы в единое централизованное государство. Навеки связав свою судьбу с Россией, народы Дагестана спасли себя от опустошительных нашествий, от порабощения иноземными захватчиками и физического истребления, обеспечили себе возможность национального развития.

Играя выдающуюся роль в экономическом и культурном развитии народов Дагестана, русский народ никогда не стремился к господству над другими народами, в том числе и над горцами Дагестана.

Фактический материал красноречиво свидетельствует о том, что дагестанские и русские народы никогда не следовали слепо призывам восточных держав.

Основными событиями, определившими характер южнодагестанских и российских взаимоотношений в изучаемый период, стали войны России с Турцией и Персией (1787-1791, 1804-1813 гг.). Эти войны и показали военно-стратегическую значимость Южного Дагестана в борьбе соперничавших держав за Северо-Восточный Кавказ и Закавказье. Антироссийские выступления Шихали-хана по сути дела были составной частью русско-иранской войны 1804-1813 гг. Борьба Шихали-хана против России с самого начала была обречена на провал. И не только потому, что силы были неравны, но и потому, что его недалекovidная политика не получила поддержки у народных масс, пророссийские настроения в регионе были определяющими.

Анализ социально-экономического развития народов Южного Дагестана с Россией в XVIII-XIX вв. показывает, что социально-экономические условия жизни предполагали становление тесных торговых связей обеих сторон. Наличие центров торговли открывало широкий простор для осуществления

взаимовыгодной торговли между Южным Дагестаном и Россией. Часто южнодагестанские и русские купцы вместе участвовали в транзитной торговле с Россией.

Как видно из приведенных нами данных, Южный Дагестан и Россия поддерживали взаимовыгодные торгово-экономические контакты, помогавшие их народам решать многие хозяйственно-бытовые проблемы, оказывая положительное влияние на развитие экономики обеих сторон, способствуя укреплению добрососедских отношений.

В ходе развития экономических отношений между народами Южного Дагестана и России завязывались и развивались культурные взаимосвязи, которые в XVIII-XIX вв. прослеживаются во всех областях материальной и духовной жизни: в науке и образовании, строительном деле и ремесле, в архитектуре и интерьере жизни, в одежде и украшениях, в способах приготовления блюд, в устном народно творчестве, в песнях и танцах и т.д.

Россия являлась как бы связующим звеном между странами Европы и Дагестаном. Благодаря тесному общению с Россией, народы Южного Дагестана имели возможность знакомиться с лучшими традициями европейской и западной культуры, науки, математики, астрономии, медицины, литературы и т.д.

Большое значение в развитии дагестано-русских культурных связей имело распространение в Дагестане русского языка.

Вышеприведенный материал дает нам право заключить, что исторические судьбы народов Южного Дагестана и России в большинстве случаев определялись одними и теми же политическими событиями, а экономические контакты издавна носили регулярный характер, были взаимовыгодными, играя важную роль в их жизни.

Культурные взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в рассматриваемое время имели глубокие корни и богатейшие традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Документы центральных и местных архивов

а) Архивные материалы

- АВПРИ Архив внешней политики Российской Империи 1.1 Ф.77. Сношения России с Персией.
1719 г.-Д.5; 1722 г.-ДЛ, Д.2, Д.3, Д.16, Д.17;
1723 г.-ДЛ; 1727г.-Д.3, 1728 г.-ДЛ; 1728-1803. Д.4;
1729г.-ДЛ; 1736г.-Д.8; 1741 г.-Д.4,7,12; 1742г.-ДЛО;
1743 г.-Д.4; 1765-1797 гг.-Д.2,13,14,15,16;
1797-1800 гг.-Д.489.
- 1.2. Ф.89 Сношения России с Турцией.
1826 г. - Д.4; 1729 г. - Д.6. Ч.2.
- РГАДА Российский государственный архив древних актов
1.3. Ф.9. Кабинет Петра I.-Отд.1. Кн.30;
Отд.2. - Кн.54; Ф.1261. Оп.6. Д.954.
- 1.4. Ф.Государственный архив -ФЛ9. -Д.286.
- РГВИА Российский государственный военно-исторический архив
1.5. Ф.52 Потемкин-Таврический Г.И., князь, ген.-фельдмаршал. -Оп.1/194. Д.366. 4.4;
Д.416. 4.1-2; Д.481; Д.482; Д.331. 4.4; Д.402;
Д.286. ЧЛ; Ч.2.
- 1.6. Ф.ВУА. Д.1672; Д.18474. 4.2; Д.18486; Д.6164; Д.6172.
- ЦГАРГ Центральный государственный архив Республики Грузия
1.7. Ф.2. Оп.1. Д.189.
- ЦГАРД Центральный государственный архив Республики Дагестан
1.8. Ф.18. Дербентский комендант. Оп.1. Д.31; Д.37; Д.83а; Д.147;
Д.173; ДЛ89; Д.214; Д.4618.
- 1.12. Ф.20. Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестанской области (1810-1919 гг.). Оп.1. Д.4; Д.5; Д.15, Д.16; Оп.2. Д.36.
- 1.9. Ф.354. Оп.1. Д.11; ДЛ5; Д.16.
- 1.10. Ф.379. Кизлярский комендант. Оп.1. Д.5; Д.2153; Д.2584;
Д.2922; Д.2929; Д.2948; Д.2957; Д.2960; Д.3028; Д.3055; Д.3056; Д.3064;
Д.3111; Д.3132; Д.3137; Д.3139. Ч.3; Д.3156; Д.3201; Д.3205; Д.321П;
Д.3219; Д.3374; Д.3441; Д.3908; Д.3952; Д.3933; Д.3949; Д.3808; Д.4078;
Д.4192; Д.4462.

б) Материалы Рукописного фонда Института ИАЭ ДНЦ РАН

- 1.12. Городецкий Б.М. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Дагестану. 1935 г.-Ф.1. Оп.1. Д.1.
- 1.12. Документы по русско-дагестанским отношениям. -Ф.1 Оп.1.
Д.434,436,438,453,457.
- 1.13. Копии документов из АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, извлеченные В.Г.Гаджиевым. -Ф.1. Оп.1. Д.560.
- 1.14. Копии документов из ГАФКЭ, относящиеся к истории Дагестана I пол. XVIII в. -Ф.1. Оп.1. -Д.59.
- 1.15. Копии документов из РГВИА по истории Дагестана XVIII в. -Ф.1. Оп.1. Д.61.
- 1.16. Магомедов Н.А. Административно-политическое устройство Дербентского владения в XVIII - начале XIX вв. -Махачкала, 1989. -Ф.3. Оп.1. Д.509.
- 1.17. Магомедов Н.А. Взаимоотношения Дербентского ханства с Россией во второй половине XVIII - начале XIX вв. -Махачкала, 1983. -Ф.3. Оп.1. Д.414.
- 1.18. Магомедов Н.А. Занятия населения Дербентского владения во второй половине XVIII - начале XIX вв. -Махачкала, 1985. -Ф.3. Оп.1. Д.440.
- 1.19. Магомедов Н.А. Купечество Дербента и его торговые связи в XIX в. -Махачкала, 1996. -Ф.3. Оп.1. Д.635.
- 1.20. Магомедов Н.А. Кустарно-ремесленное производство Дербента в XIX в. -Махачкала, 1984. -Ф.3. Оп.1. Д.432.

- 1.21. Магомедов Н.А. Налогово-финансовая система Южного Дагестана во второй половине XVIII - нач. XIX в. -Махачкала, 1990. -Ф.3. Оп.1. Д.582.
- 1.22. Магомедов Н.А. Образование Дербентского ханства и его внешнеполитическое положение во II половине XVIII в. -Махачкала, 1981. -Ф.3. Оп.1. Д.370.
- 1.23. Магомедов Н.А. Освободительная борьба народов Южного Дагестана в первой трети XVIII в. -Махачкала, 1988. -Ф.3. Оп.1. Д.505.
- 1.24. Магомедов Н.А. Процесс отрыва Закавказья от Ирана и образование Южнодагестанских государственных объединений. -Махачкала, 1990. -Ф.3. Оп.1. Д.550.
- 1.25. Магомедов Н.А. Развитие ремесленного производства в Дербентском ханстве в первой половине XVIII в. -Махачкала, 1978. Ф.3. Оп.1. Д.307.
- 1.26. Магомедов Н.А. Развитие торговли в Дербентском ханстве в первой половине XVIII в. -Махачкала, 1977. -Ф.3. Оп.1. Д.358.
- 1.28. Магомедов Н.А. Социально-политическое положение Дербентского ханства на рубеже XVII - XVIII вв. -Махачкала, 1976. -Ф.3. Оп.1. Д.359.
- 1.29. Магомедов Н.А. Социально-экономическое положение Дербентского ханства во второй половине XVIII в. -Махачкала, 1980. -Ф.3. Оп.1. Д.350.
- 1.30. Магомедов Н.А. Финансы Дербентского владения в I половине XVIII в. -Махачкала, 1979. -Ф.3. Оп.1. Д.331.
- 1.31. Магомедов Н.А. Формы феодальной зависимости и эксплуатации в Дербентском владении в XVIII - первой половине XIX в. -Махачкала, 1987. -Ф.3. Оп.1. Д.492.
- 1.32. Материалы Астраханского архива-Ф.1. Оп.1. Д.590.
- 1.33. Материалы по истории Дагестана XVII - XIX вв. -Ф.1. Оп.1. Д.291.
- 1.34. Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г.Гаджиевым из АВПР Министерства иностранных дел России. -Ф. Сношения России с Персией. 1790 г. -Ф.6. Оп.1. Д.52.
- 1.35. Русско-дагестанские отношения в XVIII - нач. XIX вв.: Сб. документов. -Ф.3. Оп.1. Д.278.
- 1.36. Шихсаидова Р.С. Взаимоотношения Дагестана с Азербайджаном в XVII - нач. XIX вв. -Махачкала, 1971. -Ф.3. Оп.1. Д.239.
- 1.37. Шихсаидова Р.С. Дагестано-азербайджанские взаимоотношения в XVII в. -Махачкала, 1969. -Ф.3. Оп.1. Д.191.

в) Опубликованные документы и материалы

- 1.40. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. -Тифлис: Тип. главн. упр. наместн. Кавказа, 1866-1904. -Т.1-12.
- 1.41. Армяно-русские отношения в XVII в.: Сб. док-ов под ред. В.А. Парсамяна. -Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1953. -Т.1.
- 1.42. Архив Государственного совета. -СПб.: Тип. II отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1869. -Т.1. (1768-1796). -1031с.
- 1.43. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин-ва иностранных дел 1578-1613. -М.: Универс. тип., 1899. -Т.1. -584с.
- 1.44. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. -М.: Тип. С.Селивановского, 1823. -Ч.1. -362с.
- 1.45. Бугков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. -СПб.: Тип. имп. АН, 1869. -Ч.1. -548с.; 4.2. -602с.; 4.3. -620с.
- 1.46. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. -СПб.: б.м., 1891. -Т.1. (1766-1774гг.). -518с.
- 1.47. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII - XVIII вв. / Сост. В.Г.Гаджиев. -Махачкала: Дагкиноиздат, 1992. -301с.
- 1.48. Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т.Д. Юзефович. -СПб.: Тип. Бахста, 1869. -234с.
- 1.49. История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв.: Архивн. мат. / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. -М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1958. -371с.
- 1.50. Кюгюн-Челеби-заде. Тарихи-Челяби-заде. Стамбул, 1967.
- 1.51. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Тифлис, 1910. Т.6. Ч.1.
- 1.52. Материалы по истории Грузии и Кавказа. -Тифлис: Изд. Груз. фил. АН СССР, 1938. -

Вып. 4. -123с.

- 1.53. Письма и бумаги императора Петра Великого. -М.: Изд-во АН СССР, 1962. -606с.
- 1.54. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1646 по 12 декабря 1825 г. -СПб.: Тип. П.отд. Собственной е.и.в. канц-ии, 1830. -Т.У. -780с.; Т.VI. -815с.; Т.VII. -952с.; Т.УШ. -526с.
- 1.55. Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв.: Док. и мат. / Сост. Р.Г.Маршаев. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. -336с.
- 1.56. Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г.Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов и др. -М.: Наука, 1988. -357с.
- 1.57. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. документов. -М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1958. -455с.
- 1.58. Сборник императорского русского исторического общества. -СПб.: Тип. Имп. АН, 1830. -Т.З. -378с.
- 1.59. Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Вып.1.
- 1.60. Тарихи Дербент-наме / Пер. и под ред. М.Алиханова-Аварского. -Тифлис: Тип. Я.И.Либерамана, 1898. -192с.
- 1.61. Тер-Аветисян С. Материалы по истории торговых отношений джувльфинских купцов в XVII - XVIII в. -Тбилиси, 1937. -86с.
- 1.60. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. -М.: Наука, 1993. —298с.

2. Книги

- 2.1. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан XVIII в. и взаимоотношения с Россией. -Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965. -621с.
- 2.2. Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX - нач. XX в. -Махачкала, 1963.
- 2.3. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX - нач. XXвв.-М., 1978. -304с.
- 2.4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII - нач. XIX в. (Историческая география Южного Дагестана). -Махачкала, 2001. Кн.И. -321с.
- 2.5. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения. -Баку: Элм, 1988. -142с.
- 2.6. Алиев Ф.М. Миссия посланника Русского государства А.П. Волинского в Азербайджане (1716-1718 гг.). -Баку: Элм, 1979. -С.121.
- 2.7. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане.-Махачкала, 1958.
- 2.8. Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX - нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. -Махачкала, 1992.
- 2.9. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане). Пер. и примеч. А.Г.Гасанова. -Махачкала, 1929. -184с.
- 2.10. Амиров З.Я., Джафаров Н.С. Таможенные службы России в Дагестане XVIII - XX вв. -М.: Изд-во ЦПП, 1996. -160с.
- 2.11. Арзуманян З.А. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье. М., 1975.
- 2.12. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Аф-шара. Очерки общественных отношений в Иране в 30-40 гг. XVIII в. - М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1956. -283с.
- 2.13. Арутюнян П.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. -М., 1954. -249с.
- 2.14. Асадов Ф.С. История Талышского ханства и его связь с Россией. -Баку, 1966. -138с.
- 2.15. Астахов А.М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964.
- 2.16. Ашрафян К.З. Падение державы Сефевидов. М., 1951.
- 2.17. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XV - XVII вв. -Грозный: Чеч.-Инг. книж. изд-во, 1988. -175с.
- 2.18. Бабенко В.А. Этнографический очерк народного быта. М., 1985.
- 2.19. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и-Ирам / Ред., коммент., прим. и указан, акад. З.М. Буниятова. -Баку: Элм, 1991. -305с.
- 2.20. Бакунин Ф.А. Очерк внешней торговли Азербайджана. СПб., 1876.
- 2.21. Балеев М. Историко-статистический очерк виноделия России. -СПб, 1947. -117с.

- 2.22. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. - Баку, 1925. -150с.
- 2.23. Белогорская Р.М. Основные черты и тенденции развития русской культуры. М., 1991.
- 2.24. Бель Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. М. Попова. -СПб.: Тип. при Имп. АН, 1776. -Ч.I. -251с.
- 2.25. Березин Н.И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. -2-е изд. -Казань: Унив., 1850. -Ч. 1-3. -120-134-128с.
- 2.26. Березин Н.И. Путешествие по Северной Персии. -Казань, 1852.-247с.
- 2.27. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. В двух т. М., 1981. Т.1.
- 2.28. Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура / Пер. С.Б. Ашурбейли: Изд-во АН АзССР. -Баку, 1963. -С.35.
- 2.29. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX в. -Майкоп, 1994.
- 2.30. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских. М., 1996.
- 2.31. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. -М., 1823. 4.2. -473с.
- 2.32. Буриков Ю.Ф. Коллекция художественных бронзовых изделий Лагича. -М., 1972.
- 2.33. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год.-СПб., 1869. 4.1.-548с.
- 2.34. Бушев П.П. Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715-1718 гг.-М. Наука, 1978. -286с.
- 2.35. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. -М.: Л., 1939.
- 2.36. Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы -Махачкала, 1970.
- 2.37. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. -Тифлис, 1888. -431с., ил.
- 2.38. Водорский Я.Е. Население России в конце XVIII - начале XIX в. М., 1977.
- 2.39. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. -М.: Наука, 1965.-391с.
- 2.40. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся" как исторический источник по истории народов Кавказа. -М.: Наука. 1979. -269с.
- 2.41. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. -Махачкала: Тип. Мининформ печати РД, 1996. -261с.
- 2.42. Гаджиев Г.И. История азербайджанского литературного языка. -Баку, 1976 (на азерб. яз.).
- 2.43. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. -Махачкала, 1997. -155с.
- 2.44. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. -М.: Наука, 1961. -387с., ил.
- 2.45. Гаджиева С.Ш. Дагестанские теркемцы XIX - нач. XX вв. -М.: Наука, 1990.-212с.
- 2.46. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX - началоXX вв. -М., 1999.
- 2.47. Галоян Г.А. Каспийская торговля. -Баку, 1976. -С. 88.
- 2.48. Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII - нач. XIX вв. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. -99с.
- 2.49. Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991.-234с.
- 2.50. Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII века. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. -216с.
- 2.51. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. -Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. -255с., карт.
- 2.52. Гашаров Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература. -Махачкала, 1975.
- 2.53. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1776. 4.4.
- 2.54. Гильденшлест И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. -СПб, 1809. -384с.
- 2.55. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств в природе естества. -СПб., 1777, 1785. -4.1,4.2. -361с, 4.3. -336с.

- 2.56. Голиков И.И. Деяния Петра Великого мудрого преобразителя России, собранный из достоверных источников, расположенный по годам. В 6-ти т. -М., 1838. -Т.6. -268с.
- 2.57. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII - XVIII в. -М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. -214с.
- 2.58. Голубуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957.
- 2.59. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов. -М., 1966. -262с.
- 2.60. Гольдштейн А. Башни в горах. -М., 1977.
- 2.61. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V - середина XIX века: Изд-во Ростовского ун-та. -158с.
- 2.62. Громыко М.М. Трудовые традиции в русской деревне в XVIII - первой половине XIX в. -М., 1994.
- 2.63. Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири. М., 1992.
- 2.64. Гусейнов А.С. Азербайджано-русские отношения XV - XVII вв. -Баку, 1963. -237с.
- 2.65. Гусейнов Г.-Б.Я. Город тысячи легенд. -Махачкала, 1982. -136с.
- 2.66. Гусейнов Г.К. Лики современного знахарства. -Махачкала, 1985.
- 2.67. Дербенту 5000 лет (Автор текста А.А.Кудрявцев, составитель Б.Ш.Нувахов, фотосъемка А.А.Кучеренко, художник Р.А.Казаков). -М.: Советская Россия, 1989. -159с., ил.
- 2.68. Джанидзе Д. К вопросу о деятельности Казем-бека. -Баку, 1968
- 2.69.
- 2.70. Джахиев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII - в первой трети XIX в. -Махачкала, 1989.
- 2.71. Договоры России с Востоком, политические и торговые /Сост. Юзефович Т. -СПб., 1869 -296с.
- 2.72. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. -СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. -Т. 1.-Кн. 1.-640с.
- 2.73. Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. -СПб., 1835.
- 2.74. Елизаров С.А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч.И. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств. -Казань, 1891. -393с.
- 2.75. Жигарев С.М. Русская политика в восточном вопросе. -М., 1896. -Т. 1. -296с.
- 2.76. Жидков Г.В. Русское искусство XVIII в. М., 1951.
- 2.77. Заболотский П. Путевые записки из Астрахани через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 гг. -СПб., 1838. 4.29. №9.
- 2.78. Зевакин Е. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. -Баку: Изд-во общ-ва обслед. и изучен. Азербайджана, 1927. -18с.
- 2.79. Зевакин Е.С., Полиевктов М.А. К истории прикаспийского вопроса. -Тбилиси: Загиз, 1933. -41с.
- 2.80. Зубов П. Картина Закавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х частях. - Ч.1.-СПб., 1835.-268с. Ч.4.-СПб., 1835.-308с.
- 2.81. Ибрагимбеи Х.М. Россия и Азербайджан в 1-ой трети XIX в. -М., 1969.
- 2.82. Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа: Сб. статей. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1982. -200с.
- 2.83. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVII - первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. -Махачкала, 2001. -224с.
- 2.84. История Дагестана. -М.: Наука, 1967. -Т.1. 431с., ил., карты. 1968. -Т.1. -364с., ил., карты.
- 2.85. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). -М.: Наука, 1988. -664с.
- 2.86. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. -М.: Наука, 1988. -544с.
- 2.87. История СССР / Под ред. М.В.Нечкиной. -М.: Госполитиздат, 1954. -Т.2. -847с.
- 2.88. История русского искусства. М., 1979. Т.4
- 2.89. Источниковедение истории досоветского Дагестана: Сб. статей / Отв. ред. Гаджиев В.Г. -Махачкала, 1987. -136с.
- 2.90. Ихилов М.М. Значение персидского похода Петра I (1722-1723 гг.) для Дагестана. -Махачкала, 1954. -19с.
- 2.91. Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование

- прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. -Махачкала, 1967. -369с., ил.
- 2.92. Каймазаров Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. -М., 1971.
- 2.93. Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII в. -М.: Изд-во АН СССР, 1958. -354с.
- 2.94. Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. -М.: Всесоюз. кооперат. изд-во, 1956. -175с., ил.
- 2.95. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. -Темир-Хан-Шура: Русская тип. В.М.Сорокина, 1895. -413с.
- 2.96. Козубский Е.И. История города Дербента. -Темир-Хан-Шура: Русск. тип. В.М.Сорокина, 1906. -468с., рис.
- 2.97. Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982. -184с.
- 2.98. Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана. Сложение Дербента в домонгольский период. -Махачкала, 1994. -240с.
- 2.99. Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. Пути, закономерности развития города в VI - середине XIII в. -М.: Наука, 1933.
- 2.100. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. -М.: Наука, 1981. -231с.
- 2.101. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII в.). -М.: Изд-во АН СССР, 1963. -371с.
- 2.102. Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения XVI - XVII вв. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1954. -26с.
- 2.103. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. -М.: Наука, 1968. -4.2. -248с.
- 2.104. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. -М.: Изд-во МГУ, 1951. -247с.
- 2.105. Любимова Г.Н., Ханмагомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. -М., 1956
- 2.106. Магомедов Р.М. Восстание горцев Дагестана 1877 г. Махачкала, 1940.
- 2.107. Магомедов Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Баку, 1980.
- 2.108. Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй нагорного Дагестана в XV - XVII вв. -Ростов-на-Дону, 1985. -140с.
- 2.109. Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII -первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. -Махачкала, 1998.
- 2.110. Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во 2-ой половине XVIII - начале XIX в. -Махачкала, 2000.
- 2.111. Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. -Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. -340с.
- 2.112. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. -240с., ил.
- 2.113. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX веков. -Махачкала, 1957.
- 2.114. Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. К истории земледелия в Дагестане. -Махачкала, 1958.
- 2.115. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. -271с.
- 2.116. Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. -4.1. -Махачкала, 1997. -293с.
- 2.117. Максимов Н. Кавказ без романтики. Ростов-на-Дону, 1931.
- 2.118. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описаниями техники производства. -М.: Тип. С.В.Гурьянова, 1882. -289с.
- 2.119. Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. -Иркутск. Изд-во госун-та, 1987. -157с.
- 2.120. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. -М.: Наука, 1966. -323с., карт.
- 2.121. Маркс К. Капитал. -Т.1. Госполитиздат, 1961. -831с.
- 2.122. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в XVIII - первой половине XIX в. М., 1979.
- 2.123. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства в первой четверти XVIII в. М., 1954.

- 2.124. Мусав Г.М. Рутулы (XIX - начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. -Махачкала, 1997.
- 2.125. Мусаев К. Путем сближения и единства.-Баку, 1986.
- 2.126. Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. Ч.2.
- 2.127. Народы Дагестана. -М., 1995.
- 2.128. Народы Кавказа. -М., 1960. -Т.1. -612с., ил., карт.
- 2.129. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. - Махачкала: Дагкиноиздат, 1956. -157с.
- 2.130. Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. -СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1848. -42с.
- 2.131. Новосельцев А.П. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). -М.: Наука, 1972. -338с.
- 2.132. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях /Под. ред. В.С. Легкобитова. -СПб.: Тип. внешн. торг., 1836. -Ч.3. -246с.
- 2.133. Олсари А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и через Московию Персию и обратно в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олсарием. -М., 1870. -1038с.
- 2.134. Очерки истории горских народов Кавказа. -Тбилиси: Мацниереба, 1969. -258с.
- 2.135. Очерки истории Дагестана, -Махачкала: Дагкиноиздат, 1957. -ТХ-392с.
- 2.136. Очерки русской культуры XVIII в. Ч.1. / Под. ред Рыбакова Б.А. М., 1985
- 2.137. Пайгадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в.Тбилиси, 1970.
- 2.138. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1879. Ч.3.
- 2.139. Петрушевский И.П. Джаро-Белокавказские вольные общества в первой трети XIX столетия: Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. -Тифлис: Изд-во Заря Востока, 1934. -143с.
- 2.140. Петрушевский П.И. Общая метрология. СПб., 1949. Ч.1.
- 2.141. Петров Г. Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в. М., 1949.
- 2.142. Полиевктов Н.А. Европейские путешественники XIII – XVIII вв. по Кавказу. -Тифлис: Изд-во АН Груз.ССР, 1935. -222с., табл.
- 2.143. Полиевктов Н.А. Европейские путешественники по Кавказу 1800-1830 гг. Отд. оттиск из журнала "Исторический вестник". Т.2. -Тбилиси, Архив. управл. МВД Груз.ССР, 1946. -151с.
- 2.144. Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. М., 1951.
- 2.145. Потанин Г. Материалы для истории Сибири. М., 1867.
- 2.146. Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. -Тифлис: Тип. штаба Кавк. воен. окр., 1904. -Т.3. -4.1. -527с.
- 2.147. Покровский С. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1974.
- 2.148. Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и Каспийскому краю. -СПб., 1838.
- 2.149. Рагимова Б.Р. Поселения и сельская община Самурских лезгин в конце XVIII - XIX в. Махачкала, 1988.
- 2.150. Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861 - 1900 гг.). Махачкала, 1972.
- 2.151. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы по истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1964. -278с.
- 2.152. Рзаев Г.А. Торговые отношения между Северо-Восточным Азербайджаном и Астраханью. -Баку, 1932с.
- 2.153. Рахманин А.А. Азербайджан в конце XVII - XVIII в. Баку, 1954.
- 2.154. Ризаханова М.Ш. Лезгины XVIII - XIX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005.
- 2.155. Ризванов З.Р., Ризванов Р.З. История лезгин: краткий научно-популярный очерк. - Махачкала, 1990. -50с.

- 2.156. Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII - XVIII вв.М., 1966.
- 2.157. Семенова Л.Н. Очерки истории и культурной жизни России в первой половине XVIII в.Л., 1982.
- 2.158. Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973.
- 2.159. Система питания народов Дагестана (XIX-XX вв.): Сб. статей. -Махачкала, 1990
- 2.160. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX вв. -М.: Соцэкгиз, 1958. -244с.
- 2.161. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI - XVII вв. -М., 1946. -Т.2. -173с.
- 2.162. Соколов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. -СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. -380с.
- 2.163. Сотавов Н.А. Крах "Грозы Вселенной". -Махачкала, 2000. -221с.
- 2.164. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774 гг. - М.: Наука, 1991. -223с.
- 2.165. Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963.
- 2.166. Стрейс Я.Я. Три путешествия. -М.: Соцэкгиз, 1935. -415с., ил.
- 2.167. Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. -Нальчик, 1963. -343с., табл.
- 2.168. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. -М.: Наука, 1986. -274с.
- 2.169. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. - М.: Наука, 1978. -183с.
- 2.170. Ульяницкий В. Русские консульства за границей в XVIII в. -М., 1899. -4.1. -678с.
- 2.171. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVIII веке. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1973. -252с.
- 2.172. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. VI. Кюринский язык. -Тифлис, 1896.
- 2.173. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознания. Т. УП. Табасаранский язык. -Тбилиси, 1979.
- 2.174. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. -М.: Изд-во АН СССР, 1957. -257с.
- 2.175. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. -М.: Изд-во АН СССР, 1960. -397 с.
- 2.176. Фехнер И.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. -М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1952. -139с., илл.
- 2.177. Хан-Магомедов С.О. Дербент. -М., 1958.
- 2.178. Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. Художественные памятники XIX - нач. XX века. -М.: Искусство, 1979. -286с., ил.
- 2.179. Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. -М., 1969.
- 2.180. Харузина В. Заметки о крестьянском жилище. М., 1986.
- 2.181. Хатисов К. Кустарные производства Закатальского края (исследования по кустарной промышленности в России). -СПб., 1894. Т.П.
- 2.182. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана, -Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. -116с.
- 2.183. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. -М.: Изд-во АН СССР, 1961. -261с.
- 2.184. Хромов П.А. Очерки экономики докапиталистической России. -М.: Наука, 1988. -312с.
- 2.185. Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подолия. - М.: Изд-во вост.-ой Лит.-ры, 1979. -Вып.2. -287с.
- 2.186. Чернолуцкий В. Народное образование в России. СПб., 1899.
- 2.205. Чонгладзе В.Г. Вопросы теории финансов. -Тбилиси, 1979. -435с.
- 2.206. Чулков М. Историческое описание российской коммерции, при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерина Великая, сочиненное Михаилом Чулковым. -СПб.: Тип. при императорской Академии наук, 1781-1788. -Т.1-7. Т.1. -Кн.П. -618с.; -Т.П. -Кн.П. -638с.
- 2.207. Шарден Ж. Путешествия по Закавказью. 1672-1673 гг. -Тифлис, 1900. -301с., карт.
- 2.208. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях и верованиях. М., 1898.

- 2.209. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X - XIV вв., Опыт социально-экономической характеристики. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. -176с.
- 2.210. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII -XV вв.). -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1969. -251с.
- 2.211. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. -М., 1984.
- 2.212. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. -СПб., 1852. -1235с.
- 2.213. Шпаковский А.К. Торговля Московской Руси с Персией. -Киев, 1915. -106с.
- 2.214. Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. СПб., 1804.
- 2.215. Эзов Г.А. Сношение Петра Великого с армянским народом. -СПб., 1898. -124с.
- 2.216. Экономическая энциклопедия. В 4-х т. -М.: Сов. энцикл., 1972. -Т.1. -559с.
- 2.217. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.
- 2.218. Юдин П. Россия и Персия в конце 1742 г. -СПб., 1899. -408с.
- 2.219. Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке. -М.: Изд-во Акад. ист. мат. культуры., 1932. -50с.

3. Статьи

- 3.1. Абдуллаев Г.Б. Некоторые вопросы русско-азербайджанской торговли // Известия АН Аз.ССР. 1960.
- 3.2. Агаширинова С.С. Поселения лезгин в XIX - XX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. Т.6.
- 3.3. Алиев Б.Г. Развитие торговли союзов сельских общин Дагестана (XVIII - первая половина XIX вв.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. -Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1991. -С.31-45.
- 3.4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.И. Союзы сельских обществ в борьбе за независимость Дагестана в XVII - первой пол. XVIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. -Махачкала, 1986. -С.55-70.
- 3.5. Ахвердов А.И. Два рапорта о дагестанских делах 1802 г. // ИГЭД.-С.230-233.
- 3.6. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. -С.213-229.
- 3.7. Ашрафян К.З., Арунова М.Р. Антифеодалные движения в империи Надир-шаха Афшара в 40-х гг. XVIII в. // УЗ ИВ АН СССР, 1953. -Т. VIII.
- 3.8. Бабаев Д. Селение Ахты // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17.
- 3.9. Бартольд В.В. Дербент. Пер. с франц. // Энциклопедия ислама. -Париж, 1913. -Т.1. -С.369-970.
- 3.10. Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. -Тифлис, 1856. -С.275-339.
- 3.11. Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу каспийского моря между реками Терек и Кура. 1798 г. // ИГЭД. М., 1958.
- 3.12. Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. 1976. №5.
- 3.13. Бутков П.Г. Выдержки из "Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем". -1796 г. // ИГЭД. -С.200-209.
- 3.14. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. -С.209-212.
- 3.15. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей, 1812г. // ИГЭД. -С.239-247.
- 3.16. Бушев П.П. Беспощадная торговля русских купцов в Иране в 1732-1747 гг. // Иран. История и культура в средние века и в новое время. -М.: Наука, 1980. -С.78-90.
- 3.17. Высочайшая грамота армянам от 28-го октября 1799 // АКАК. -Т.П. -Дополн.З. -Док.32. -С.1150-1151.
- 3.18. Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. -Махачкала, 1963. -Т. XI (серия истории). -С.116-137.
- 3.19. Гаджиев В.Г. Архив Кизлярского коменданта // ИСКНЦВШ. -Ростов-на-Дону, 1978. -№2. -С.6-11.
- 3.20. Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение) //

- Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI - начале XX в. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1988. -С.66-83.
- 3.21. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМГЖ. -Тифлис, 1909. -Вып.40. -С. 1-164.
- 3.22. Гасанов М.Р. Крестьянские промыслы Дагестана в период феодализма // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1968. -С.257-261.
- 3.23. Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. -М., 1958. -С.60-120.
- 3.24. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археологический сборник за 1963 г. -М., 1964. -С.127.
- 3.25. Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Собрание сочинений. М., 1962. Т.5.
- 3.26. Дубровин Н.Ф. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г. // Военный сборник. 1874. -№2-6.
- 3.27. Еропкин Л.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С.121-125.
- 3.28. Иноземцева Е.И. Британский источник по исторической географии Прикаспия // Тез. докл. конф. по итогам географических исслед. в Дагестане. -Махачкала, 1994. -Вып.22. -С.121-122.
- 3.29. Иноземцева Е.И. К вопросу об истории развития русско-дагестанских торгово-экономических контактов в XVIII в. // Краткие сообщения докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1992. -СПб, 1993.
- 3.30. Иноземцева Е.И. К вопросу о торгово-экономической политике России в Дагестане в XVIII в. // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 1998. -№2. -С.88-95.
- 3.31. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМГЖ. -Тифлис, 1902-1903. Вып.31-32.
- 3.32. Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане // Вопросы истории, этнографии Дагестана. -Махачкала, 1974. -Вып.5. -С. 151-168.
- 3.33. Киласов Р.К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII - начало XVIII в.) // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. -Махачкала, 1970. -Т.20. -С.82-94.
- 3.34. Козлова А.Н. "Наме-йи Аламара-йи Надири" Мухаммед-Казима о первом походе Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. -Махачкала, 1967.
- 3.35. Козлова А.Н. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. -М., 1976. Вып. 18.
- 3.36. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКНИРГО. -Тифлис, 1873. Кн.8.
- 3.37. Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. -Тифлис, 1869. Т.1.
- 3.38. Комаров В. Персидская война 1722-1725 гг. // Русский вестник. -М.: Уп. тип. Катков и К°, 1867. -С.553-616.
- 3.39. Краббе К.К. Замечания о Докуспаре, Актах и Рутуле. До 1835г. // ИГЭД. -С.335-336.
- 3.40. Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширванаю 1806 г. // ИГЭД. -С.230-233.
- 3.41. Крикунов В.П., Рамазанов Х.Х. Некоторые проблемы источниковедения истории народов Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1978. №3.
- 3.42. Крупное Е.И. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа // КСИИМК. 1955. Вып.60.
- 3.43. Кузнецова Н.А. Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII - нач. XIX в. // УЗ Ин-та востоковедения. -М., 1957. -Т.ХУН. -С.87-98.
- 3.44. Кузнецова Н.А. Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII - начала XIX в. // УЗ Института востоковедения АН СССР. -М., 1959. -С.77-109.
- 3.45. Кузнецова Е.Н. Взаимоотношения Ирана с Россией в XVIII в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. -М., 1987. -С.89-97.
- 3.46. Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII - нач. XVIII в. //

Исторические записки, 1956. - №57. - С. 232-254.

3.47. Куканова Н.Г. Документ о русско-иранской торговле 30-40-х годов XVIII в. // Близкий и Средний Восток. - М., 1962. - С. 114-120.

3.48. Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30-40 годах XVIII в. // Исторические записки. - М., 1947. - Вып. 23. - С. 62-71.

3.49. Лебедев В.И. Посольство Артемия Волынского в Персию // Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1948. - №6. - С. 531-542.

3.50. Ленин В.И. Мелкое производство в земледелии // ППС. - Т. 23. - С. 280-283.

3.51. Лерх И. Путешествия 1733-1736 гг. из Москвы в Астрахань по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. - СПб.: Изд-во Имп. АН, 1790. - Т. 43. - 99с.

3.52. Лопухин А.Н. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. - М., 1958. - С. 6-59.

3.53. Магомедов Д.М. Изделия домашней промышленности и их реализация у жителей западного Дагестана XVIII - XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане: Сб. статей. - Махачкала, 1991. - С. 21-30.

3.54. Магомедов Н.А. Торгово-экономические связи Дербента с Россией в XVIII в. // Великий Октябрь и переходная Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа XVIII - 70-х гг. XIX вв.: Материалы Всероссийской научной конференции. - Грозный, 1982. - С. 284-287.

3.55. Магомедов Н.А. Историография вхождения Дербентского владения в состав России // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. - Грозный, 1985. Вып. 3. - С. 42-50.

3.56. Магомедов Н.А. Органы управления Дербентского владения в XVIII в. // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане: Тематический сб. - Махачкала, 1989. - С. 68-72.

3.57. Магомедов Н.А. Взаимоотношения Дербентского владения с Россией в XVIII в. // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Тематический сб. - Махачкала, 1990. - С. 89-94.

3.58. Магомедов Н.А. Финансовая система Дербентского владения в XVIII в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. - Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1991. - С. 64-80.

3.59. Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII в. // УЗ ИВ АН АзССР, 1959. - №1. - С. 101-112.

3.60. Мусаев Г.М. -С. Участие ругулов в Кавказской войне // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20 - 50-х годах XIX в. Махачкала, 1959.

3.61. Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. №5. С. 110-112.

3.62. О торговле Дербента и Баку. Предметы и размеры (торговли) // АТС. - Т. П. - С. 691-965.

3.63. Перевод с указов шаховых, которые действо имеют вместо привилегий или грамот, жалованных для коммерции в Персии, оные за печатью шаховой. Месяц Реджеб 1130 (1717) // АКАК. - Т. П. 2-ое доп. к I тому. - Д. №15. - С. 1089.

3.64. Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. - Тифлис, 1899.

3.65. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. - СПб., 1885.

3.66. Рамазанов Х.Х. мареноводство Дагестана в XIX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 2.

3.67. Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // ИЗ. - М., 1955. - №54. - С. 343-361.

3.68. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. - М., 1958. - С. 173-196.

3.69. Сергеева Г.А. Вязанная обувь народов горного Дагестана. // КЭС. М., 1984. Т. 8.

3.70. Серебров А.Г. Описание Южного Дагестана // ИГЭД. - С. 138-156.

3.71. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД.

3.72. Соймонов П. (Докладная записка). В Государственную коллегию иностранных дел от тайного советника сенатора Государственной коммерц-коллегии президента и кавалера Соймонова (о торговле с Персией) // АГС. - СПб., 1888. - Т. II. (1796-1801. - С. 717-725).

3.73. Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря // Кавказ, 1948. №1.

3.74. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Труды Института этнографии. - М., 1964. Т. XXI.

3.75. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана 1796 г. // ИГЭД. - С. 125-138.

3.76. Троицкий С.М. Записка сенатора Н.Е. Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е годы XVIII в.) // Историческая география России XVII - начало XX в. - М.: Наука, 1975. - С. 234-247.

3.77. Умаханов М.-С.К. Дагестанский отрезок "шелкового пути" (XVII - XVIII вв.) // Тез. докл. конф. по итогам географич. исследований в Дагестане. - Махачкала, 1992. - Вып. 20. - С. 129-130.

3.78. Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. - Махачкала, 1984. - С. 26-38.

3.79. Умаханов М.-С.К. Торговые центры Дагестана XVII - XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. - Махачкала, 1991. - С. 9-20.

3.80. Феодаева Ф.З. Вопрос о торговых пошлинах в русско-дагестанских отношениях // ВИЭД. - Махачкала, 1972. - Вып. 3. - С. 130-135.

3.81. Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-70-е гг. XVIII в. // ВИЭД. - Махачкала, 1970. - Вып. 1. - С. 134-147.

3.82. Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. - Махачкала, 1965. - Т. 14. - С. 155-174.

3.83. Чагин Г.Н. Уделье русского населения России (XVII - нач. XIX в.) // СЭ. 1976. №6.

3.84. Шаров Ю. Обзор производительных сил Кавказского наместничества // КК на 1879 год. - Тифлис, 1878.

3.85. Шихсаидов А.Р. Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Близкий и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. - М., 1980.

3.86. Шихсаидова Р. С. Материалы фонда "Кизлярский комендант" как источник для изучения дагестано-закавказских взаимоотношений в XVIII - нач. XIX в. // Источниковедение историй досоветского Дагестана. - Махачкала, 1987. - С. 16-104.

3.87. Шнитников Ф.А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. - С. 329-334.

3.88. Юров А. Три года на Кавказе (1837 - 1840) // Кавказский сборник. Тифлис, 1884. Т. 8.

3.89. Юхт А.И. Восточная торговля XVIII в. // Известия АН Аз.ССР. 1956. №8.

3.90. Юхт А.И. Индийский колонии в Астрахани. - Вопросы истории, 1957. - №3. - С. 135-143.

3.91. Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во 2-ой четверти XVIII в. // История СССР, 1961. - №1. - С. 131-146.

3.92. Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России XII - нач. XX в. - М.: Наука, 1975. - С. 177-192.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААО - Архив Астраханской области.
 АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи.
 АГС - Архив Государственного совета. —СПб.
 АКАК - Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. -Тифлис.
 ВИ - Вопросы истории. -М.
 ВИД - Вопросы истории Дагестана (досоветский период). -Махачкала.
 ВИЭД - Вопросы истории и этнографии Дагестана. -Махачкала.
 ДНЦ РАН - Дагестанский научный центр Российской академии наук
 ИГЭД - История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. -М.
 ИЗ (Ист. зап.) - Исторические записки.
 Изв. - Известия.
 ИИАЭ - Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
 ИИЯЛ - Институт истории, языка и литературы им. Г.Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.
 ИКОРГО - Известия Кавказского отдела русского географического общества. -Тифлис.
 ИНСК - История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. -М.
 ИСКНЦ ВШ - Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. -Ростов-на-Дону
 ПСЗ - Полное собрание законов Российской империи.
 РДО, 1958 - Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы. -Махачкала.
 РДО, 1988 - Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX вв.: Сб. документов. -М.
 РФ (Рук. фонд) - Рукописный фонд
 РФ ИИАЭ - Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН.
 Сб.РИО - Сборник Императорского Русского исторического общества. -СПб.
 СА - Советская археология. -М.
 СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. -Тифлис.
 ССКГ - Сборник сведений о кавказских горцах. -Тифлис.
 СССК - Сборник статистических сведений о Кавказе. -Тифлис.
 СЭ - Советская этнография. -М.
 УЗ (Уч. зап.) - Ученые записки
 РГАДА - Российский государственный архив древних актов.
 РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив.
 ЦГА РД - Центральный государственный архив Республики Дагестан.
 ЦГИА РГ - Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. Торгово-экономические отношения народов Южного Дагестана с Россией в XVIII-XIX вв.	17
§ 1.1 Хозяйственная деятельность народов Южного Дагестана в XVIII- XIX вв.	17
§ 1.2 Торгово-экономический аспект взаимоотношений народов Южного Дагестана с Россией в XVIII-XIX вв.	22
§ 1.3 Роль Южного Дагестана в торговле России с восточными странами в XVIII-XIX вв.	62
Глава II. Политические взаимоотношения народов Южного Дагестана с Россией в XVIII-XIX вв.	85
§ 2.1 Внутри- и внешнеполитическое положение народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв.	85
§ 2.2 Южный Дагестан во внешней политике России, Турции и Ирана XVIII-XIX вв.	118
§ 2.3 Южный Дагестан в период Кавказской войны.....	143
Глава III. Культурные взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв.	162
§ 3.1 Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в области материальной культуры.....	162
§ 3.2 Взаимосвязи в области одежды, украшения и пищи в XVIII-XIX вв.	176

§ 3.3 Взаимоотношения в области науки, образования, устного народного творчества, семейных отношений, свадебных обрядов.....	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	239
БИБЛИОГРАФИЯ.....	242
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	254
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	255

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

